ПЛЕХАНОВЪ
ИСТОРІЯ
РУССКОЙ
ОБЩЕСТ.
МЫСЛИ

Г. В. ПЛЕХАНОВ.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

(1—3 главы из 4 тома).

Посмертное издание.

ИЗДАНИЕ
Петроградского Союза Рабочих Потребительных Обществ.
1919.

Г. В. ПЛЕХАНОВЪ.

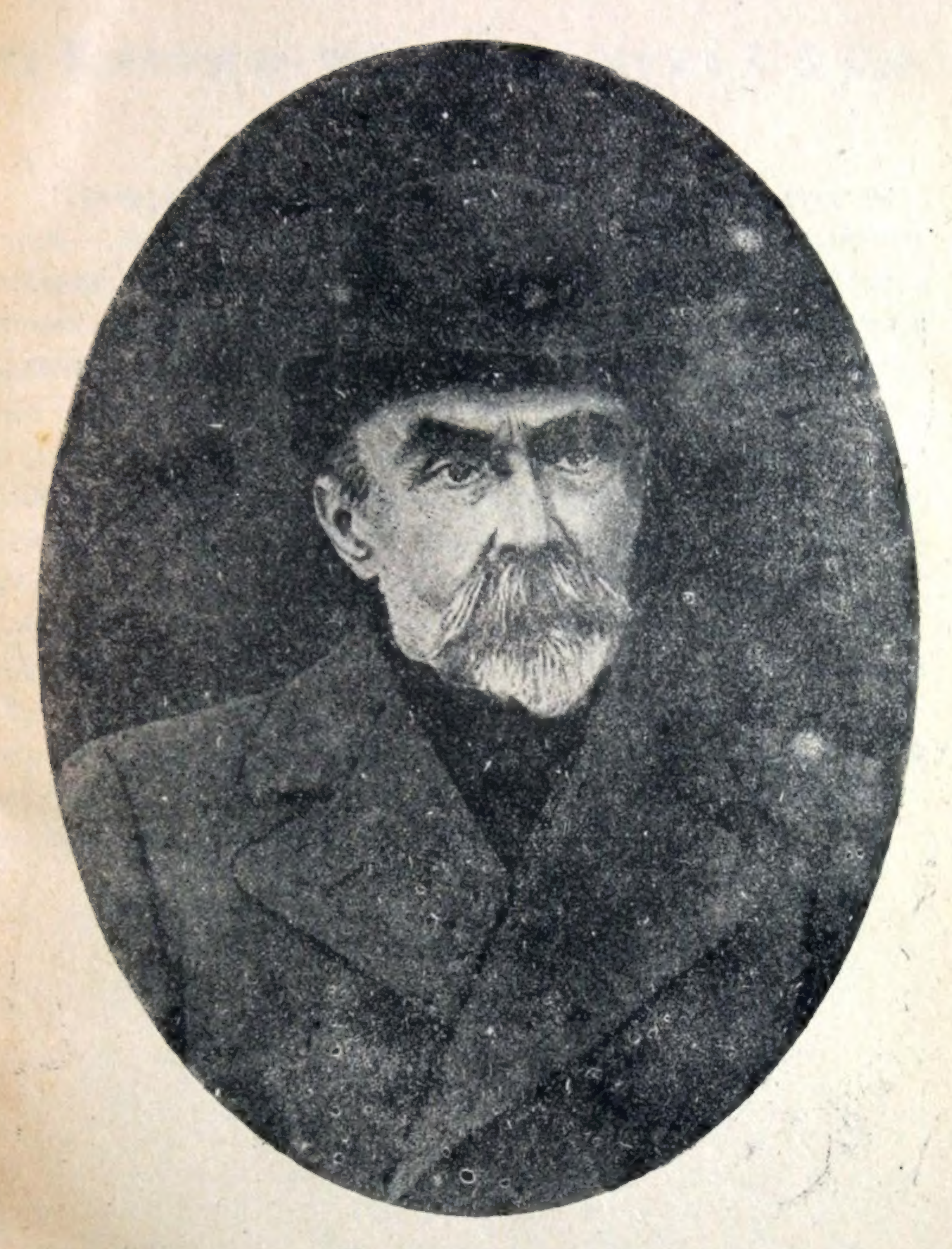
ИСТОРІЯ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

(1—3 гл. изъ 4 тома).

Посмертное изданіе.

ИЗДАНІЕ
Петроградскаго Союза Рабочихъ потребительныхъ обществъ
1918.

Набрано въ 1-й Государственной Типографіи, Гатчинская, 26.

Плехановъ.

† 30 мая (2 часа дня) 1918 г.

Отъ Комитета по увѣковѣченію памяти Г. В. Плеханова.

Предпринятый покойнымъ нашимъ другомъ огромный трудъ—„Исторія русской общественной мысли“, къ крайнему сожалѣнію, вслѣдствіе преждевременной его смерти остался далеко незаконченнымъ. Для четвертаго тома Георгій Валентиновичъ успѣлъ вполнѣ подготовить только печатаемыя здѣсь три главы. Имѣются-ли еще какія рукописи хотя-бы вчернѣ, пока не извѣстно, такъ какъ весь свой архивъ Плехановъ, возвращаясь на родину, во время войны, вынужденъ былъ оставить за границей. Часть матеріаловъ, предназначенныхъ покойнымъ для этого сочиненія, была уже напечатана, отдѣльными статьями—въ «Исторіи рус. лит. XIX в.», изд. «Миръ»,—о Бѣлинскомъ, Чернышевскомъ и Герценѣ, а также въ «Сов. М.»—о Погодинѣ, славянофилахъ и др. Со временемъ эти собранныя вмѣстѣ статьи, могущія составить цѣлый томъ, будутъ нами переизданы, о чемъ мы сообщимъ въ печати.

Комитетъ.

*

Отъ литературно-издательскаго отдѣла Петрогр. Союза раб. потреб. обществъ.

Всѣ рабочія организаціи глубоко чувствовали смерть Г. В. Плеханова. Хотя Г. В. никогда не удѣлялъ особаго вниманія рабочей коопераціи, но послѣдняя не менѣе глубоко скорбитъ о его потерѣ. Въ періодъ классоваго самоопредѣленія рабочей коопераціи, какъ и всякой рабочей организаціи, невольно чувствуешь связь съ тѣмъ, кто первый оцѣнилъ роль рабочаго класса въ Россіи, кто стоялъ у истоковъ организацій рабочаго класса, кто внесъ марксизмъ въ рабочую среду, кто идейно руководилъ движеніемъ многіе-многіе годы.

Все это послужило причиной того, что Петрогр. Союзъ раб. потребительныхъ обществъ не только участвовалъ въ комитетѣ по похоронамъ Г. В., но и постановилъ увѣковѣчить память Г. В. изданіемъ одного изъ его произведеній. Секретаріатъ, которому было поручено провести въ жизнь это постановленіе, воспользовался возможностью издать оставшіяся въ рукописи 3 главы IV тома „Исторіи русской общественной мысли“ и Союзъ за это приноситъ свою искреннюю благодарность Р. М. Плехановой и Л. Г. Дейчу.

ГЛАВА X.

Вопросъ о самодержавіи.—Братья Панины, Щербатовъ, Княжнинъ, Кречетовъ.

I.

Ссылаясь на передовыхъ французскихъ писателей, Болтинъ старался доказать, что нѣтъ никакой разницы между французской абсолютной монархіей и русскимъ царизмомъ. Что касается деспотической монархіи, то она, по словамъ Болтина, не существуетъ даже въ Турціи. Въ доказательство этого онъ цитировалъ весьма неудачно выраженное мнѣніе самаго знаменитаго изъ писателей тогдашней Франціи,—Вольтера.—Трудно сказать теперь съ точностью, какое впечатлѣніе производили эти доводы Болтина на большинство русскихъ читателей XVIII вѣка. Но передовые французскіе писатели, хотя и дѣлали комплименты Семирамидѣ Сѣвера, однако, при случаѣ совсѣмъ прозрачно высказывались въ томъ смыслѣ, что при всѣхъ своихъ недостаткахъ общественно-политическій строй Франціи все таки гораздо лучше порядка, существующаго въ деспотической Россіи. Мы уже знаемъ, какъ рѣзко осуждалъ этотъ порядокъ Рэйналь. Дидро, наивно восторгавшійся счастьемъ тѣхъ странъ, въ которыхъ «ничего не сдѣлано», признавалъ за аксіому, что «русская императрица,—государыня деспотическая» и спрашивалъ Екатерину II, намѣрена-ли она сохранить деспотизмъ и передать его своимъ наслѣдникамъ, или же хочетъ отъ него отречься. Въ той же запискѣ, въ которой былъ поставленъ имъ Семирамидѣ этотъ щекотливый вопросъ, онъ высказывалъ твердое свое убѣжденіе въ томъ, что Россія управляется хуже, нежели Франція, и объяснялъ это различіе тѣмъ, что личная свобода сведена у насъ на нѣтъ (est réduite à rien), между тѣмъ, какъ власть государя слишкомъ велика [1],

[1] Maurice Tourneux, Diderot et Catherine II, p.p. 564 et 573. Ср. также статью В. И. Семевскаго: «Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя въ Россіи въ XVIII и первой четверти XIX вѣка», въ 1-ой кн. «Былого» за 1906 г. стр. 9.—Статья эта составила первую главу книги того же автора: «Политическія и общественныя идеи декабристовъ». СПБ. 1909 г.

Семирамида нашла, что все это не болѣе, какъ болтовня, въ которой не видно ни знаній, ни благоразумія, ни предусмотрительности. Возможно, что такъ же неблагосклонно отозвался бы о запискѣ Дидро и Болтинъ, если бы ему случилось прочесть ее. Однако, рѣзкіе отзывы сами по себѣ не убѣдительны. Въ дѣйствительности, даже служилые люди эпохи Петра I, попадая въ западныя страны, чувствовали, что тамъ живется много свободнѣе, нежели въ Россіи. И неоспоримо, что впечатлѣнія, выносимыя русскими людьми изъ наблюденій надъ общественной жизнью Запада или изъ знакомства съ западноевропейской политической литературой, способствовали пробужденію политической мысли въ Россіи. Это убѣдительно подтверждается событіями, сопровождавшими воцареніе Анны Ивановны. Но тѣ же событія показываютъ, что общественныя отношенія, сложившіяся въ нашей странѣ, были мало благопріятны для развитія у насъ политическаго вольномыслія. Во-первыхъ, западное вліяніе могло простираться только на болѣе или менѣе просвѣщенную часть русскаго населенія, а въ главѣ о законодательной комиссіи мы видѣли, что въ сословіи, неоспоримо наиболѣе просвѣщенномъ изо всѣхъ русскихъ сословій XVIII вѣка,—дворянскомъ,—было еще много людей просто на просто безграмотныхъ. Во-вторыхъ, успѣхи политической мысли въ Россіи чрезвычайно сильно задерживались антагонизмомъ между крестьянствомъ и служилымъ сословіемъ. Стремясь къ упроченію и расширенію власти надъ крестьянами, служилое сословіе не могло обойтись безъ поддержки со стороны власти центральной. Поэтому оно не расположено было вести борьбу съ этой послѣдней въ цѣляхъ ея ограниченія. Впослѣдствіи, въ царствованіе Александра I, В. Н. Каразинъ говорилъ въ обширномъ письмѣ къ И. И. Бахтину объ устройствѣ быта «поселянъ».

«Въ государствѣ монархическомъ всѣ подраздѣленія должны быть монархическія: одни начала должны быть разлиты во всѣхъ вѣтвяхъ сего великаго тѣла, дабы они имѣли между собою прочную связь; и—слѣдовательно: помѣщики для благосостоянія селеній земледѣльческихъ столь же нужны, сколько *монархи для подданныхъ вообще*» [1]).

Если одни и тѣ же начала должны быть разлиты во всѣхъ частяхъ государственнаго тѣла, и если помѣщики должны быть монархами въ своихъ деревняхъ, то Россія въ самомъ

---

[1]) «Русская Старина» 1871 г., кн. 3, стр. 338. Подчеркнуто въ подлинникѣ.

дѣлѣ должна быть монархической страною. Каразинъ былъ твердо убѣжденъ въ этомъ. Не менѣе твердо убѣждено было въ этомъ все русское дворянство XVIII вѣка. Но власть монарха можетъ оставаться неограниченной и можетъ быть поставлена въ извѣстные предѣлы. Каразинъ, въ юности своей увлекавшійся передовыми идеями Запада, даже и въ зрѣлые свои годы не прочь былъ ограничить закономъ повинности крѣпостныхъ крестьянъ и поставить политическое единоначаліе подъ сѣнь ненарушимаго завѣта, продиктованнаго разумомъ и совѣстью [1]). Но огромнѣйшее большинство нашихъ дворянъ Екатерининской эпохи совсѣмъ иначе думало объ этомъ. Твердо держась того убѣжденія, что помѣщичья власть должна оставаться неограниченной въ крѣпостной деревнѣ, оно охотно мирилось съ неограниченнымъ «единоначаліемъ» въ имперіи. Объективная логика русскихъ общественныхъ отношеній такъ сильно вліяла на субъективную логику русскихъ людей, что въ политическомъ отношеніи дворянство, во второй половинѣ XVIII вѣка, сдѣлалось болѣе консервативнымъ, нежели было оно во время вступленія на престолъ Анны Ивановны. Властолюбивая Екатерина II прекрасно поняла настроеніе дворянства и, головой выдавая ему крестьянъ, она безповоротно рѣшила не дѣлать ни малѣйшихъ уступокъ въ собственно политической области.

Вопросъ о такихъ уступкахъ ей приходилось обдумывать уже въ то время, когда она еще только стремилась захватить власть въ свои руки. Когда въ близкихъ ко двору кругахъ и въ гвардіи Петръ III вызвалъ глухое неудовольствіе дикими странностями своего поведенія, гр. Н. И. Панинъ говорилъ съ нею о возможности низложенія слабоумнаго императора. Онъ предполагалъ сдѣлать ее регентшей на время малолѣтства ея сына Павла. При этомъ онъ надѣялся ограничить власть молодого государя. Повидимому къ тому же стремилась и кн. Е. Р. Дашкова. В. А. Бильбасовъ говоритъ, что Екатерина со вниманіемъ выслушивала доводы Панина въ пользу Павла Петровича, но не давала ему обѣщанія удовольствоваться ролью регентши. Это его утвержденіе основывается на словахъ самой Екатерины [2]). Но ея показаніе въ данномъ случаѣ никакъ не можетъ быть признано заслуживающимъ полнаго довѣрія. Слѣдуетъ полагать, что она охотно обѣщала Панину все, чего онъ хотѣлъ, заранѣе намѣреваясь нарушить свое обѣщаніе, если

[1]) Все это его собственныя выраженія.
[2]) Исторія Екатерины II, т. 2-ой, стр. 3, а также 5-ое примѣчаніе къ ней.

только представится къ этому какая-нибудь возможность. Когда эта возможность въ самомъ дѣлѣ представилась, т. е. когда возмутившаяся противъ Петра III гвардія провозгласила Екатерину самодержавной государыней, она въ своемъ «обстоятельномъ» манифестѣ отъ 6-го іюля все-таки «наиторжественнѣйше» обѣщала «узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго нашего отечества въ своей силѣ и при надлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло такъ, чтобъ и въ потомки каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы». Она еще не знала тогда, въ какой степени распространены были политическіе взгляды Паниныхъ въ средѣ участниковъ переворота 28-го іюня. Поэтому, даже захвативъ власть въ свои руки, она сочла нужнымъ изъявить свое согласіе на то, чтобы власть эта не переступала «принадлежащихъ границъ». *Поставить* власть въ «принадлежащія *границы*» значитъ *ограничить* ее. Но Екатерина стремилась быть *неограниченной* государыней. Чтобы устранить это противорѣчіе, въ манифестѣ, мимоходомъ, устанавливалось различіе между *самовластіемъ*, которымъ погрѣшилъ Петръ III, и *самодержавіемъ*, въ духѣ котораго обѣщалась править Екатерина. Такъ какъ неограниченная власть *уже* была въ рукахъ Екатерины, то братьямъ Панинымъ съ ихъ единомышленниками волей-неволей пришлось удовольствоваться этимъ distiguo. Но за то они тѣмъ настойчивѣе добивались обѣщаннаго въ манифестѣ узаконенія такихъ государственныхъ учрежденій, которыя, оставляя Россію *самодержавною* страною, избавятъ ее отъ *самовластія*. Екатерина дѣлала видъ, что не забываетъ своего обѣщанія. Въ августѣ того же (1762 г.) года, въ манифестѣ о возвращеніи прежнихъ достоинствъ пострадавшему за нее гр. А. Бестужеву-Рюмину, она писала: «жалуемъ его первымъ императорскимъ совѣтникомъ и первымъ членомъ новаго, учреждаемаго при дворѣ нашемъ, императорскаго совѣта».

Н. И. Панинъ, которому поручено было составить проектъ новаго императорскаго совѣта, не терялъ времени даромъ. Уже въ іюлѣ его проектъ былъ оконченъ и представленъ Екатеринѣ. Въ основу его Н. И. Панинъ положилъ, какъ видно, упомянутое выше различіе между самовластіемъ и самодержавіемъ.

«Всѣ дѣла, принадлежащія по уставамъ государственнымъ и по существу монаршей самодержавной власти нашему собственному попеченію и рѣшенію, словомъ, все то, что служить можетъ къ собственному самодержавнаго государя попеченію о

Н. И. Панинъ.

приращеніи и исправленіи государственнымъ, —говорилось въ 4-мъ параграфѣ его проекта,—имѣетъ быть въ нашемъ императорскомъ совѣтѣ, яко у насъ собственно». Но для того, чтобы «добрый государь», въ своихъ великихъ и непрерывныхъ трудахъ, «ограничивалъ себя въ ошибкахъ, свойственныхъ человѣчеству», дѣла, указанныя въ 4-мъ параграфѣ, раздѣлялись на четыре департамента, которые подлежали вѣдѣнію особыхъ «статскихъ секретарей». Предполагалось, что секретари эти будутъ, по выраженію проекта, «нашею живою запискою», доставляющею рачительному государю точныя свѣдѣнія о теченіи дѣлъ въ государствѣ, и что каждый изъ нихъ, въ своемъ департаментѣ, «заимствуетъ часть нашего собственнаго попеченія». Совѣтъ долженъ былъ собираться каждый день, кромѣ субботы, а также, конечно, воскресенья и другихъ праздниковъ, чтобъ обсуждать дѣла въ присутствіи государыни. Кромѣ четырехъ статскихъ секретарей, которые вѣдали бы иностранный, внутренній, военный и морской департаменты, проектъ назначалъ еще нѣсколькихъ членовъ совѣта. Въ общемъ, число всѣхъ совѣтниковъ не должно было быть менѣе шести и больше восьми. Самымъ важнымъ правомъ совѣта объявлялось право «имѣть свободность намъ представлять и на наши собственныя повелѣнія, ежели они въ исполненіи своемъ могутъ касаться или утѣснить наши государственные законы или народа нашего благосостояніе». Это, разумѣется, еще не означало ограниченія правъ государя; къ тому же восьмой параграфъ проекта категорически говорилъ, что въ засѣданіяхъ совѣта, послѣ обмѣна мнѣній между его членами, «мы нашимъ самодержавнымъ повелѣніемъ опредѣляемъ послѣднюю резолюцію». Тѣмъ не менѣе, Екатеринѣ были весьма не по душѣ и эти, въ сущности, крайне скромныя пожеланія бр. Паниныхъ и ихъ единомышленниковъ. Она подозрѣвала, что по мысли составителя проекта, ограниченіе *самовластія* должно было на дѣлѣ привести къ ограниченію *самодержавія*. Это ея подозрѣніе какъ будто подкрѣплялось нѣкоторыми выраженіями доклада, сопровождавшаго проектъ.

Тамъ сказано было, правда, что главное истинное и общее о всемъ государствѣ попеченіе замыкается въ персонѣ государевой. Однако, Н. И. Панинъ тутъ же прибавлялъ, что «государь никакъ инако власть въ полезное дѣйствіе привести не можетъ, какъ разумнымъ ея раздѣленіемъ между нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому единственно персонъ». Екатерина совсѣмъ не расположена была «раздѣлять»

только что пріобрѣтенную ею неограниченную власть съ кѣмъ бы то ни было,—даже со своимъ сыномъ. Поэтому она хотя, въ общемъ, одобрила проектъ Панина и даже составила списокъ восьми членовъ императорскаго совѣта, но стала усердно затягивать непріятное ей дѣло многочисленными поправками къ тексту проекта,—начала императорскую волокиту, какъ выражается В. А. Бильбасовъ. Однако, волокитѣ, какъ и всему на свѣтѣ, наступаетъ конецъ. Въ декабрѣ 1762 г. всѣ поправки, какія могла придумать Екатерина, были сдѣланы, и оставалось только подписать манифестъ объ учрежденіи совѣта. Екатерина, дѣйствительно, подписала его 28 декабря, но вмѣсто того, чтобы опубликовать подписанный ею документъ, она надорвала его и тѣмъ свела на нѣтъ всѣ усилія Н. И. Панина.

II.

Такимъ образомъ, въ лицѣ Екатерины II, русская монархическая власть во второй разъ въ теченіе XVIII вѣка отразила попытку части европеизованнаго служилаго сословія ввести ее въ извѣстныя границы. С. Г. Сватиковъ замѣтилъ, что желанія Панинныхъ шли не такъ далеко, какъ требованія верховниковъ и шляхетства въ 1730 году [1]). Слово: «далеко» тутъ едва-ли умѣстно. Проектъ Панинныхъ былъ какъ нельзя болѣе скроменъ. Но достойно замѣчанія, что если «затѣйка» верховниковъ вызвала нѣкоторое конституціонное броженіе въ средѣ находившихся въ Москвѣ представителей дворянскаго сословія, то замыселъ Панинныхъ, повидимому, вовсе не нашелъ поддержки во вліятельныхъ дворянскихъ слояхъ. Лица, близкія къ императрицѣ, приняли мѣры къ тому, чтобы отговорить ее отъ уступокъ. Фельдцехмейстеръ Вильбоа писалъ, разбирая составленный Н. И. Панинымъ, проектъ:

«Не знаю, кто составитель этого обширнаго проекта, но мнѣ кажется, какъ будто онъ, подъ видомъ защиты монархіи, тонкимъ образомъ склоняется болѣе къ аристократическому правленію. Вліятельные члены обязательнаго и государственнымъ закономъ установленнаго императорскаго совѣта (особенно, если они обладаютъ достаточнымъ къ тому своеволіемъ, честолюбіемъ и смышленностью) весьма удобно могутъ вырасти въ соправителей» [2]). Екатерина была какъ разъ того же мнѣнія

---

[1]) Общественное движеніе въ Россіи (1700—1895), Ростовъ-на-Дону: 1905 г., стр. 23.

[2]) В. А. Бильбасовъ, наз. соч. т. 2-ой, стр. 150—152

П. И. Панинъ.

и, убѣдившись, что партія Паниныхъ очень слаба, рѣшила не уступать. Этимъ и объясняется, что намѣреніе добиться учрежденія императорскаго совѣта потерпѣло крушеніе въ то самое время, когда было, казалось, совсѣмъ близкимъ къ своему осуществленію.

Послѣ этой неудачи Панинымъ и ихъ весьма немногочисленнымъ единомышленникамъ пришлось подчиниться не только *самодержавію*, но также и *самовластію*, какъ самой Екатерины, такъ и ея безчисленныхъ любимцевъ. Извѣстіе о томъ, что ко времени совершеннолѣтія Павла кружокъ Паниныхъ составилъ заговоръ съ цѣлью свергнуть съ престола Екатерину и возвести на него ея сына, будто бы обязавшагося дать конституцію, приходится признать недостовѣрнымъ. Документы, открытые Е. С. Шумигорскимъ, показываютъ, что «конституція», которую имѣло въ виду это извѣстіе, представляла собою не болѣе какъ политическое завѣщаніе Н. И. Панина своему воспитаннику Павлу. Завѣщаніе это было написано частью подъ диктовку, частью по указаніямъ («по знаменованіямъ») Н. П. Панина, Д. И. Фонъ-Визинымъ, который по смерти Н. И. Панина передалъ его П. И. Панину. Но П. И. Панинъ не рѣшился доставить наслѣднику престола завѣщаніе своего брата, такъ какъ,—говорилъ онъ въ письмѣ къ Павлу,—«извѣстны по несчастію ужасные примѣры въ отечествѣ нашемъ надъ цѣлыми родами сыновъ его, за одни только разсужденія противу деспотизма, распространяющагося изъ всѣхъ уже Божескихъ и естественныхъ законовъ». Онъ нашелъ, что осторожнѣе будетъ сохранить у себя опасный документъ вплоть до того времени, когда наслѣдникъ сдѣлается государемъ. А такъ какъ онъ не надѣялся пережить Екатерину, то принялъ надлежащія мѣры къ тому, чтобы, послѣ его смерти, завѣщаніе Н. И. Панина было передано по назначенію вмѣстѣ съ цитированнымъ выше письмомъ, въ которомъ П. И. Панинъ называетъ Павла уже *Самодержцемъ всероссійскимъ* [1]).

Все это даетъ основаніе думать, что, послѣ неудачи, испытанной ими въ декабрѣ 1762 г., бр. Панины уже не надѣялись осуществить свои планы въ царствованіе Екатерины II. Завѣщаніе Н. И. Панина начинается изложеніемъ той, уже отмѣченной мною въ главѣ о Фонъ-Визинѣ, мысли, что верховная власть ввѣряется Монарху для единаго блага его под-

[1]) Письмо написано было въ селѣ Душнѣ и помѣчено 1 октября 1784 г.

данныхъ, и что просвѣщенный сознаніемъ этой истины монархъ самъ понимаетъ, какъ далека «отъ совершенства власть дѣлать зло». «Прямое самовластіе,—продолжаетъ авторъ завѣщанія,—тогда только вступаетъ въ истинное свое величество, когда само у себя отъемлетъ возможность къ содѣланію какого-либо зла». Далѣе Н. И. Панинъ утверждаетъ, что состояніе государя и государства остается непрочнымъ, пока нѣтъ въ странѣ фундаментальныхъ государственныхъ законовъ:

«Не будетъ той подпоры, на которой бы ихъ (т. е. государя и государства, Г. П.) общая сила утвердилась,—говоритъ онъ. Всѣ въ намѣреніяхъ полезнѣйшія установленія никакого основанія имѣть не будутъ. Кто поручится, чтобы пріемнику не угодно было въ одинъ часъ уничтожить все то, что во всѣ прежнія царствованія установляемо было? Кто поручится, чтобъ самъ законодатель, окруженный неотступно людьми, затмѣвающими предъ нимъ истинну, не раззорилъ того сегодня, что создалъ вчера?».

Сочувственнаго вниманія заслуживаетъ то мнѣніе Н. Панина, что тамъ, гдѣ царствуетъ произволъ, не существуетъ прочной общественной («общей») связи и «тамо» есть Государство, но нѣтъ Отечества, есть подданные, но нѣтъ гражданъ, нѣтъ политическаго тѣла, котораго члены соединялись бы узломъ взаимныхъ правъ и должностей (т. е. обязанностей, Г. П.). Весьма также недурно изображенъ упадокъ общественной нравственности, причиняемой господствомъ «любимцевъ». По словамъ Н. Панина, «злоупотребленіе самовластія восходитъ при этомъ до невѣроятности, и уже престаетъ всякое различіе между Государственнымъ и Государевымъ, между Государевымъ и любимцевымъ. Отъ произвола сего послѣдняго все зависитъ. Собственность и безопасность каждаго колеблется. Души унываютъ, сердца развращаются, образъ мыслей становится низокъ и презрителенъ». Видно, что здѣсь Н. Панинъ рисовалъ съ натуры [1]).

---

[1]) Озлобленіе противъ любимцевъ было тогда очень сильно, по крайней мѣрѣ, въ столичномъ обществѣ. Въ мартѣ 1774 г. гр. Н. И. Панинъ писалъ, кн. А. Б. Куракину, по поводу возвышенія Потемкина: „Нашъ вѣкъ таковъ, въ которомъ, ежели не вся публика, то большая часть ея столько озлоблена и огорчена фаворитами, что всѣмъ тѣмъ, которые на себя сіе названіе пріемлятъ или только. обманывая, оными себя представляютъ, ничего другого не желаютъ (не желаетъ, Г. П.) и ни чему другому радоваться не могутъ (не можетъ, Г. П.) какъ единственно тому, чтобы дожить всякому россіянину, дабы сподобиться увидить изъ нихъ, кого только справедливость доведетъ, подъ жребій бывшихъ стрѣльцовъ». (Русская Старина 1873, сентябрь, стр. 342).

Во избѣжаніе всего указаннаго и нужны фундаментальные законы. Но вмѣсто того, чтобы тотчасъ же сказать, каковы именно должны они быть, Панинъ пускается въ длинное разсужденіе о томъ, насколько необходимо государю держаться правоты и кротости. «Правота,—наставлялъ онъ своего бывшаго воспитанника,—дѣлаетъ Государя почтеннымъ; но кротость дѣлаетъ его любимымъ». Въ политическомъ смыслѣ это наставленіе надо признать совершенно безсодержательнымъ. Но тонъ завѣщанія опять становится политически серьезнымъ, когда Н. Панинъ переходитъ къ опредѣленію свободнаго человѣка: «Свободный человѣкъ есть тотъ, которой не зависитъ ни отъ чьей прихоти; напротивъ же того рабъ деспота тотъ, который ни собою, ни своимъ имѣніемъ располагать не можетъ, и который на все то, чѣмъ владѣетъ, не имѣетъ другого права, кромѣ Высочайшей милости и благоволенія». Отсюда дѣлается тотъ выводъ, что политическая *вольность* неразрывно связана съ правомъ *собственности*. Авторъ утверждаетъ, что невозможно нарушить вольность, не нарушая права собственности, и наоборотъ, нельзя нарушить право собственности, не нарушая вольности.

Подъ фундаментальными законами онъ понималъ прежде всего тѣ, посредствомъ которыхъ бываютъ «устроены» собственность и вольность. Къ нимъ онъ присоединилъ еще законы, опредѣляющіе «форму, каковою публичной власти дѣйствовать».

Высказавъ эти общіе взгляды, Н. И. Панинъ приглашаетъ Павла представить себѣ самое обширное и, по отношенію къ своему пространству, самое малолюдное въ свѣтѣ государство. Въ государствѣ этомъ есть только два города, «изъ коихъ въ одномъ живутъ люди большею частью по нуждѣ, въ другомъ большею частью по прихоти». Сила и слава этого государства обращаютъ на себя вниманіе цѣлаго міра; но то же государство можетъ, въ нѣсколько часовъ, привести на край гибели, «мужикъ, однимъ человѣческимъ видомъ отъ скота отличающійся и никѣмъ не предводимый». Оно даетъ царей чужимъ землямъ; но его «собственный престолъ зависитъ отъ отворенія кабаковъ для звѣрской толпы буянъ (sic), охраняющихъ безопасность Царскія особы». Въ этомъ государствѣ существуютъ «всѣ политическія людей состоянія» (т. е. сословія), но ни одно изъ нихъ не имѣетъ, по мнѣнію Н. Панина, никакихъ преимуществъ, и каждое отличается отъ другого только пустымъ именемъ. Знатность, которая должна награ-

ждаться только заслугами передъ государствомъ, и которая должна быть, поэтому, единственной цѣлью благородныхъ душъ, затмѣвается тамъ «фаворомъ, поглотившимъ всю пищу истиннаго любочестія»; дворянство существуетъ только по имени и продается всякому подлецу, ограбившему отечество. Наконецъ, къ числу слабыхъ сторонъ этого обширнѣйшаго и, относительно, малолюднѣйшаго въ свѣтѣ государства относится Н. Панинымъ то обстоятельство, что въ немъ люди составляютъ собственность людей, и человѣкъ одного состоянія имѣетъ право быть вмѣстѣ истцемъ и судьею по отношенію къ человѣку другого состоянія. «Слѣдственно», вполнѣ правильно выводитъ изъ этого Н. Панинъ, въ этомъ государствѣ «каждый можетъ быть завсегда или тиранъ или жертва».

Эта замѣчательная характеристика взаимнаго отношенія двухъ сословій противорѣчитъ тому мнѣнію Н. Панина, что въ государствѣ, о которомъ идетъ у него рѣчь, всѣ «состоянія» отличаются одно отъ другого пустымъ только именемъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ та же характеристика позволяетъ утверждать, что онъ былъ противникомъ, по крайней мѣрѣ, того вида крѣпостной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ, который господствовалъ тогда въ Россіи.

Государство, изображенное Н. Панинымъ, очень похоже на сепверьяльную монархію, какъ ее изобразилъ Бодэнъ. Но самъ Н. Панинъ затрудняется дать этому государству опредѣленное названіе. По его словамъ, оно не монархія, потому что не имѣетъ фундаментальныхъ законовъ, однако, оно и не деспотія, «ибо нація никогда не отдавала себя Государю въ самовольное его управленіе»; аристократическимъ его нельзя назвать по той причинѣ, что «верховное въ немъ правленіе есть бездушная машина, движимая Государемъ»; наконецъ, на демократію «и походить не можетъ земля, гдѣ народъ, пресмыкаяся во мракѣ глубочайшаго невѣжества, носитъ безгласно бремя жестокаго рабства».

Въ виду полнаго политическаго неустройства нашей земли всякій просвѣщенный и добродѣтельный монархъ начнетъ, по словамъ Н. Панина, служеніе ей немедленнымъ огражденіемъ общей безопасности посредствомъ фундаментальныхъ законовъ.

Такъ разсуждалъ Н. И. Панинъ. Къ сожалѣнію, смерть помѣшала ему составить проектъ желательной для него русской конституціи [1]). Недоконченное имъ взялся докончить

[1]) Онъ родился въ 1718 г., умеръ 31-го марта 1783 г.

П. И. Панинъ, повидимому, совершенно сочувствовавшій планамъ своего брата. Но знаменитый «усмиритель Пугачевщины» написалъ нѣчто мало вразумительное.

III.

Имъ составлено было три документа: 1) «прибавленіе къ разсужденію, оставшемуся послѣ смерти Министра графа Панина»; 2) проекты двухъ манифестовъ, подлежавшихъ опубликованію при законномъ восшествіи Павла на престолъ.

Первый изъ этихъ документовъ съ ясностью показываетъ только одно: что «Генералъ Графъ Панинъ» совсѣмъ не отличался религіозною терпимостью. Не говоря уже о томъ, что православная церковь провозглашается въ его проектѣ господствующею въ Россіи, онъ хотѣлъ, чтобы привлеченіе кого-либо изъ членовъ этой церкви въ другое вѣроисповѣданіе наказывалось смертной казнью. Что касается правъ различныхъ сословій русскаго государства, то параграфы, имъ посвященные, страдаютъ досадной краткостью. Такъ, въ параграфѣ 15-мъ написано: «о правѣ дворянству»; въ параграфѣ 16-мъ—«о правѣ духовенству» и т. д. вплоть до 19-го параграфа, въ которомъ рѣчь должна была идти «о правѣ крестьянству». Но какихъ именно правъ требовалъ П. И. Панинъ это осталось тайной.

Проектъ перваго манифеста подробнѣе занимается, по крайней мѣрѣ, высшимъ сословіемъ. Въ его седьмомъ «пунктѣ» благородное дворянство провозглашается первымъ членомъ государства, подпорою и обороною государя и отечества отъ непріятелей внѣшнихъ и внутреннихъ. Однако, преимущества его сводятся къ одному праву «пріобрѣтенія себѣ наслѣдства землями и подданными». О какихъ-нибудь *политическихъ* правахъ дворянства нѣтъ и помину, напротивъ, то обстоятельство, что дворянство служитъ обороною государя и отечества, какъ будто располагаетъ автора къ нѣкоторому ограниченію уже пріобрѣтенной дворянствомъ «вольности», той свободы отъ обязательной службы, которую далъ ему Петръ III и которую собиралась подтвердить Екатерина II [1]).

Сначала П. И. Панинъ распространяется о томъ, что военная служба нравственно обязательна для благороднаго сословія. Затѣмъ, подготовивъ почву, онъ въ «пунктѣ» одиннадцатомъ объявляетъ, что дворяне, «получающіе пропитаніе

---

[1]) Проектъ манифеста составленъ П. Панинымъ въ 1784 г., между тѣмъ какъ грамота, жалованная дворянству Екатериной, относится къ 1785 году.

свое изъ единаго жалованья», не имѣютъ права выходить въ отставку, безъ благословенія родителей.

Очень много говоря о поврежденіи нравовъ въ нашемъ отечествѣ, проектъ перваго манифеста вовсе не *касается фундаментальныхъ законовъ.* О нихъ П. И. Панинъ собирался поговорить въ проектѣ второго манифеста, который предлагался имъ государю тономъ самой большой неувѣренности [1]).

Но и во второмъ манифестѣ вопросъ о фундаментальныхъ законахъ остается весьма плохо разъясненнымъ. Прочитавъ его, можно подумать, что самый фундаментальный изо всѣхъ фундаментальныхъ законовъ есть тотъ, который ограждаетъ права самодержца.

Въ самомъ дѣлѣ первая статья манифеста гласитъ:

«Все чего не будетъ точно предписано ни въ сихъ статьяхъ, ни впредь въ даваемыхъ отъ Насъ Нашему Отечеству статьяхъ по фундаментальному праву и въ формѣ государственнаго правленія, то все безъ изъятія да остается и утверждается къ непремѣнному и неприкосновенному на всѣ времена пребыванію единственно въ самодержавной собственной власти Владѣющаго Монарха, а по немъ у наслѣдника престолу Всероссійскаго».

Изъ остальныхъ шести статей три—посвящены вопросу о престолонаслѣдіи, а въ трехъ остальныхъ повторяются уже хорошо знакомыя намъ соображенія о необходимости фундаментальныхъ законовъ, но формулировка этихъ законовъ и здѣсь оказывается тѣмъ заколдованнымъ мѣстомъ, до котораго никакъ не удается дойти автору, задавшемуся цѣлью пополнить пробѣлъ въ работѣ своего покойнаго брата.

Самъ Н. И. Панинъ, искренне ненавидѣвшій самовластіе и рѣшительно осуждавшій его, не имѣлъ вполнѣ опредѣленнаго политическаго образа мыслей. Ему врядъ-ли ясно было, что же собственно нужно для того, чтобы положить предѣлъ самовластью и учредить у насъ строй *монархическій въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова.* А П. И. Панинъ, хотя и онъ сочувствовалъ политической мечтѣ своего брата, отличался еще меньшею ясностью политической мысли. Возможно, что онъ былъ къ тому же болѣе робокъ. Но какъ бы тамъ ни было, во всякомъ случаѣ, собственное политическое творчество «усмирителя Пугачевщины» вышло совсѣмъ неудачнымъ [2]).

---

[1]) «Есть либь возможно было при вступленіи испросить о пожалованіи свое отечество (sic) на первый случай хотя только семью написанными здѣсь статьями, то объ оныхъ симъ представляется форма манифесту».

[2]) Обо всемъ, относящемся къ политическому завѣщанію Н. И. Панина, см. у Е. С. Шумигорскаго: «Императоръ Павелъ I», стр. 53 и приложеніе.

Неудача, постигшая П. И. Панина, заставляетъ вспомнить о тѣхъ многочисленныхъ противорѣчіяхъ во взглядахъ Д. И. фонъ-Визина, которыя отмѣчены мною въ главѣ, ему посвященной. Д. И. фонъ-Визину случилось выступить въ роли секретаря П. И. Панина. Но то, что, по указаніямъ этого послѣдняго, написалъ онъ о вредѣ самовластія, было плохо обдумано имъ, какъ потому, что не вполнѣ ясныя политическія мысли Н. И. Панина плохо поддавались логическому анализу, такъ и потому, что авторъ «Недоросля» былъ совсѣмъ не подготовленъ къ разсужденіямъ о политикѣ. Въ этомъ и состоитъ разгадка того, что онъ могъ въ письмѣ къ одному Панину ставить русскіе порядки выше западно-европейскихъ, а по указаніямъ другого Панина составлять документъ, объявлявшій Россію страной, лишенной всякой формы правленія [1]).

Съ неудачнымъ творчествомъ П. И. Панина Павелъ долженъ былъ ознакомиться, лишь сдѣлавшись государемъ. Однако, еще оставаясь наслѣдникомъ, онъ часто слышалъ разсужденія Паниныхъ о фундаментальныхъ законахъ. Это видно изъ того, что онъ и самъ любилъ высказывать сожалѣніе объ отсутствіи у насъ такихъ законовъ. Случалось, что слышанное отъ Паниныхъ онъ преподносилъ... тѣмъ же Панинымъ. Такъ, осенью 1778 г. онъ сообщилъ Н. И. Панину записку, въ которой говорилось:

«Спокойствіе внутреннее зависитъ отъ спокойствія каждаго человѣка, составляющаго общество; чтобъ каждый былъ спокоенъ, то должно, чтобъ его собственныя такъ и другихъ, подобныхъ ему, страсти были обузданы; чѣмъ ихъ обуздать инымъ, намъ, какъ законами? Они общая узда и такъ должно о семъ фундаментѣ спокойствія общаго подумать» [2]).

Очень легко узнать здѣсь любимыя мысли Н. И. Панина. Любопытно, что и Павелъ не говоритъ, каковы именно должны быть фундаментальные законы. У него какъ будто выходитъ, что онъ поступаетъ такъ по соображеніямъ осторожности: онъ воспрещаетъ себѣ «болѣе о семъ говорить, ибо нечувствительно

[1]) Что самъ Н. И. Панинъ не страдалъ кваснымъ патріотизмомъ и не склоненъ былъ превозносить наши порядки на счетъ западныхъ, доказывается, между прочимъ, вотъ чѣмъ. Однажды, обѣдая со своимъ воспитанникомъ, Павломъ Петровичемъ, онъ упомянулъ о Торнео и дурно отозвался объ этомъ городѣ. Великій князь спросилъ: «хуже нашего Клину или лучше?» — На это Н. И. Панинъ отвѣчалъ: «ужъ Клину-та нашего конечно лучше. Намъ, батюшка, нельзя еще, о чемъ бы то ни было разсуждать въ сравненіи съ собою. Можно разсуждать такъ, что это тамъ дурно, а у насъ хорошо, отнюдь къ тому не примѣняя, что у насъ есть. Въ такомъ сравненіи мы всегда вѣрно потеряемъ». (Записки С. А. Порошина. Изданіе второе, СПБ., 1881 г., стр. 457).

[2]) Д. Кобеко, «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», СПБ. 1887, стр. 175.

сіе разсужденіе довело бы меня и до того пункта отъ котораго твердость и непоколебимость законовъ зависитъ, утверждая навсегда бытіе и состояніе на вѣчность каждаго и рода его» [1]). Однако, можно думать, что если бы дѣло дошло до этого существеннаго «пункта», то цесаревичъ оказался бы еще и гораздо болѣе безпомощнымъ, чѣмъ генералъ—гр. П. И. Панинъ. Впослѣдствіи сынъ Екатерины II какъ нельзя болѣе убѣдительно показалъ, что ему дороги были только два фундаментальныхъ закона: 1) законъ о престолонаслѣдіи, по прямой линіи, къ пониманію котораго онъ пришелъ, благодаря своему собственному печальному опыту; 2) тотъ законъ, согласно которому рѣшительно все должно безропотно склоняться передъ его самодержавной волей. Этимъ послѣднимъ закономъ онъ неизмѣнно руководился во все продолженіе своего кратковременнаго царствованія. Но именно этотъ законъ совсѣмъ не давалъ на практикѣ мѣста тому различію между самодержавіемъ и самовластіемъ, которое, впрочемъ безъ достаточнаго основанія,— установлено было въ теоріи воспитателемъ Павла Н. П. Панинымъ, и во имя котораго собственно и предъявлялось требованіе фундаментальныхъ законовъ.

Осенью того же 1778 г. Павелъ сообщилъ П. И. Панину слѣдующее свое соображеніе объ избавленіи дворянства отъ обязательной службы.

«Свобода, конечно, первое сокровище всякаго человѣка, но должна быть управляема прямымъ понятіемъ оной, которая не инымъ пріобрѣтается, какъ воспитаніемъ, но оное не можетъ быть инымъ управляемо (чтобъ служило къ добру) какъ фундаментальными законами; но какъ сего послѣдняго нѣтъ, слѣдовательно и воспитаніе порядочнаго быть не можетъ, а отъ того рождаются всякія неправыя понятія вещей, слѣдовательно и злоупотребленія, каковаго рода и въ семъ казусѣ находятся» [2]).

Соображеніе это интересно, во-первыхъ тѣмъ, что представляетъ собою какъ бы повтореніе довольно распространенной тогда въ средѣ европеизованныхъ русскихъ дворянъ мысли о просвѣщеніи крестьянъ, какъ о необходимомъ предварительномъ условіи его освобожденія. Совершенно ясно, что дворяне держались этой мысли потому, что вовсе не расположены были къ изданію какихъ либо «фундаментальныхъ законовъ» въ своихъ крѣпостныхъ деревняхъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 175—176.
[2]) Тамъ же, стр. 179.

Кромѣ того, соображеніе Павла характерно для него тѣмъ, что показываетъ, до какой степени сводились въ его головѣ всѣ вопросы къ важнѣйшему для него вопросу о военной службѣ.

Убѣждая наслѣдника престола въ необходимости изданія фундаментальныхъ законовъ, бр. Панины, можетъ быть, слишкомъ старательно приспособлялись къ только что отмѣченной мною особенности его психологіи. По крайней мѣрѣ, на счетъ П. И. Панина это предположеніе представляется вполнѣ допустимымъ.

Осенью 1778 г. Павелъ, не совсѣмъ кстати ссылаясь на пользу, могущую произойти отъ фундаментальныхъ законовъ, высказываетъ въ письмѣ къ П. И. Панину свое неудовольствіе на то, что русское дворянство злоупотребляетъ своимъ освобожденіемъ отъ обязательной службы. А осенью 1784 г. П. И. Панинъ, дополняя политическое завѣщаніе своего брата, пишетъ, на случай вступленія Павла на престолъ, проектъ манифеста, въ которомъ, па ряду съ довольно туманными разсужденіями о пользѣ фундаментальныхъ законовъ, высказывается вполнѣ опредѣленная мысль о томъ, что слѣдуетъ подвергнуть дворянскую свободу служить или не служить нѣкоторому ограниченію. Въ виду этого невольно спрашиваешь себя: кто же на кого больше вліялъ П. И. Панинъ на Павла или Павелъ на П. И. Панина?

Итакъ политическая оппозиція бр. Паниныхъ была крайне слаба въ практическомъ смыслѣ и мало удовлетворительна въ теоретическомъ. Это очевидно. И все-таки она не осталась безъ положительнаго вліянія на развитіе освободительныхъ идей въ Россіи. Мы не должны забывать, что нѣкоторые современники, а въ особенности потомки представляли ее себѣ гораздо болѣе сильной и дѣятельной, нежели она была въ дѣйствительности.

Отецъ декабриста М. А. Фонъ-Визина разсказывалъ ему объ упомянутомъ мною выше заговорѣ, который будто бы имѣлъ цѣлью сверженіе Екатерины и возведеніе на престолъ Павла, поклявшагося дать конституцію. Извѣстіе о заговорѣ недостовѣрно. Однако, разсказы о немъ давали декабристамъ одинъ изъ довольно, впрочемъ, многихъ примѣровъ для подражанія. Мы знаемъ, что декабристы читали написанное Д. И. Фонъ-Визинымъ политическое завѣщаніе Н. И. Панина [1]. Въ связи съ разсказомъ о заговорѣ, слышанномъ М. А. Фонъ-

[1]) См. у В. И. Семевскаго «Политическія и общественныя идеи декабристовъ», стр. 231.

Визинымъ отъ своего отца, скромное завѣщаніе это представлялось имъ введеніемъ къ оформленному конституціонному акту, будто бы составленному заговорщиками и подписанному Павломъ [1]). И это, конечно, должно было подкрѣплять ихъ собственныя конституціонныя стремленія. Еще замѣтнѣе станетъ преемственность политической мысли, когда мы со стремленіями бр. Паниныхъ сопоставимъ воззрѣнія такихъ дѣятелей Александровской эпохи, какъ Сперанскій или Каразинъ.

IV.

Братья Панины со своимъ взглядомъ на великое значеніе «фундаментальныхъ» законовъ были рѣдкимъ, но все же не единичнымъ явленіемъ въ русской дворянской средѣ Екатерининской эпохи. О такихъ законахъ мечталъ и знакомый намъ кн. М. М. Щербатовъ, называвшій ихъ *основательными* законами. Онъ считалъ «основательные» законы необходимымъ признакомъ монархіи [2]) въ ея противоположности съ *самовластіемъ*, или «деспотичествомъ», которое, «послѣдуя единому своему хотѣнію, всѣ законы разрушаетъ». М. М. Щербатовъ, изъ котораго вообще могъ бы выработаться весьма талантливый публицистъ, посвятилъ самовластію или деспотичеству по истинѣ прекрасныя страницы.

По его словамъ, оно «ни на что не взирая, возмущаетъ во всѣхъ частяхъ жизнь и спокойство каждаго гражданина». Все, что ни прикоснется къ этому нечистому сосуду «все ядомъ симъ заражается и все обращается въ общественный вредъ». Деспотизма нельзя даже назвать правленіемъ, «понеже сіе есть мучительство, въ которомъ нѣтъ иныхъ законовъ и иныхъ правилъ, окромя безумныхъ своенравій деспота... Въ самовластномъ правленіи народъ является быть сдѣланъ для государя». Чтобы принести пользу своему народу, деспотъ долженъ прежде всего уничтожить «самовластіе». И дѣйствительно,—спрашиваетъ Щербатовъ, «какіе законы могутъ быть полезны для такого народа, который... самую жизнь имѣетъ только тогда, пока угодно деспоту дозволить ему оной пользоваться?».

Щербатовъ сравниваетъ людей, живущихъ подъ гнетомъ самовластья, съ путешественниками, плывущими во время бури

---

[1]) См. статью М. А. Фонъ-Визина: «Обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи», перепечатанную въ 4 выпускѣ «Библіотеки декабристовъ», Москва, 1907 г., стр. 30 и слѣдующія

[2]) «Монархія,—писалъ онъ,—должна имѣть свои основательные законы и сохранять всѣ установленія».

на кораблѣ, который лишился мачты, парусовъ и даже компаса: «плыветъ еще корабль, но при дыханіи бурныхъ вѣтровъ ни управиться не можетъ, ни знать мелей и камней, ни мѣста своего теченія». Если онъ и доходитъ порой до пристани, то это лишь счастливая случайность, а не правило. Самовластитель не награждаетъ заслугъ, а, напротивъ, завидуетъ своимъ заслуженнымъ подданнымъ. Раздавая чины, онъ руководствуется лишь произвольными соображеніями. Калигула сдѣлалъ свою лошадь консуломъ. «А можетъ быть,—ехидно замѣчаетъ Щербатовъ,—и много людей, не лучше лошади стоящихъ, самовластители въ вышніе чины произвели». Въ деспотическомъ государствѣ добродѣтель не уважается, потому что добродѣтельные люди представляютъ собою живую укоризну деспоту («самовластителю»). Тамъ преслѣдуется разумъ, «ибо вредно самовластію, чтобъ кто вникалъ во взаимственныя правы, сочиняющіе основаніе обществъ. и умными бы очами воззрилъ на состояніе свое». Вредныя послѣдствія «деспотичества» до такой степени очевидны, по мнѣнію Щербатова, оно не можетъ существовать въ просвѣщенныхъ странахъ, или, по крайней мѣрѣ, его существованіе въ такихъ странахъ не можетъ быть продолжительнымъ: «ибо, въ самомъ дѣлѣ, если всякій разсмотритъ обязательства свои къ Божьему закону, къ отечеству, къ самому себѣ, къ семьѣ и къ ближнимъ своимъ, то узримъ, что долгъ и благосостояніе его влечетъ его низвергнуть сего кумира, никогда твердыхъ ногъ не имѣющаго».

Итакъ, жители страны, въ которой утвердилось самовластіе, не только имѣютъ право, но обязаны низвергнуть его какъ можно скорѣе. Для людей сколько-нибудь просвѣщенныхъ немыслимо никакое примиреніе съ нимъ. Но, спрашивается, какой политическій строй слѣдуетъ учредить имъ, низвергнувъ деспота?

Идеологъ *родовитаго дворянства* не могъ быть сторонникомъ *демократіи*. Это само собою понятно. Правда, онъ признавалъ, что на первый взглядъ демократія представляется правленіемъ, наиболѣе соотвѣтствующимъ естественному закону, «понеже, бывъ всѣ рождены отъ единаго отца, не всѣ ли имѣютъ справедливость требовать сію равность состояній, которая нынѣ является изгнанною изъ сообществъ?» Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи, демократія оказывается, по увѣренію Щербатова, наименѣе удовлетворительнымъ образомъ правленія. Она отворяетъ дверь для безпрерывной борьбы партій;

сохраненіе государственныхъ тайнъ становится при ней невозможнымъ; наконецъ, пользуясь своими политическими правами, народъ уклоняется отъ обложенія себя необходимыми для государства налогами и, будучи неспособенъ оцѣнить истинныя заслуги, возвышаетъ людей недостойныхъ, но пронырливыхъ.

Казалось бы, что при своемъ сочувствіи къ боярскимъ родамъ Щербатовъ долженъ былъ считать аристократическій строй наилучшимъ. И онъ, дѣйствительно, признавалъ за нимъ много преимуществъ. Такъ, онъ писалъ, что при аристократическомъ правленіи государственныя дѣла имѣютъ свое теченіе не по своенравію одного (монарха), но по здравому разсужденію разумнѣйшихъ людей государства; что лесть не имѣетъ въ ней власти, что войскомъ командуютъ не пронырливѣйшіе придворные, а искуснѣйшіе и храбрѣйшіе полководцы, и что юношество воспитывается въ правилахъ гражданской добродѣтели. Эти преимущества аристократическаго строя очень велики. Но при всемъ томъ аристократическій строй имѣетъ и очень большія неудобства. Если дѣла рѣшаются въ немъ по большинству голосовъ, то не надо забывать, что «большое число не всегда лучше бываетъ». Вдобавокъ дѣла идутъ очень медленно, вслѣдствіе споровъ, неизбѣжныхъ при аристократическомъ правленіи, и это можетъ стать опаснымъ въ военное время. Преслѣдуя свои личныя цѣли, отдѣльные вельможи стремятся «учинить вѣчными въ ихъ домахъ достоинства и богатства». Вообще при аристократическомъ строѣ легко развивается излишнее честолюбіе, приносящее вредъ государству.

Въ вопросѣ о происхожденіи политической власти, Щербатовъ, какъ и всѣ его образованные современники, держался теоріи договора: люди пожертвовали извѣстной частью своей первоначальной свободы, чтобы обезпечить себѣ спокойное пользованіе другими ея частями. Дальнѣйшее развитіе политическихъ учрежденій опредѣлялось, по мнѣнію Щербатова, такими силами, которыя мы называемъ теперь силами различныхъ общественныхъ классовъ. Монархія возникла изъ власти отцовъ семействъ («фамилій»). Но подобно тому, какъ отецъ въ важныхъ дѣлахъ совѣщается со старшими или наиболѣе разумными дѣтьми своими, монархъ имѣетъ около себя совѣтъ, «сочиненный изъ мудрѣйшихъ и болѣе знанія имѣющихъ въ дѣлахъ людей его народа». Совѣтъ представляетъ ему то, что можетъ служить на пользу государству, и отговариваетъ его отъ мѣропріятій, вредныхъ для государства или имѣющихъ деспотическій характеръ. Существованіе такого совѣта и налич-

ность «основательныхъ» законовъ составляютъ два главнѣйшихъ признака, отличающихъ монархическій образъ правленія отъ «самовластія». Когда монархъ уничтожаетъ власть совѣта, онъ становится деспотомъ. Наоборотъ, когда совѣтъ лишаетъ власти монарха, возникаетъ аристократическое правленіе. Къ тому, что сказано мною выше о сильныхъ и слабыхъ сторонахъ этого правленія, необходимо прибавить, что, по признанію нашего идеолога родовитаго дворянства, аристократія очень склонна угнетать трудящуюся массу. Подлый народъ, говоритъ онъ, «нигдѣ столь не несчастливъ, какъ подъ аристократическимъ правленіемъ». Уже нѣкоторые античные писатели, наблюдая жизнь современнаго имъ общества, приходили къ тому выводу, что борьба низшаго класса народа съ угнетающимъ его высшимъ классомъ приводитъ къ замѣнѣ *аристократическаго* строя *демократическимъ*. Этотъ взглядъ, усвоенный многими писателями XVIII вѣка, раздѣлялъ и Щербатовъ. Онъ утверждалъ, что демократія возникаетъ, какъ слѣдствіе «мучительствъ», претерпѣваемыхъ народомъ отъ вельможъ. . . . . .

Ни мало не сочувствуя демократіи, Щербатовъ полагалъ, что страна больше всего выигрываетъ тогда, когда въ ней устанавливается *монархическій* строй. Но послѣ всего, сказаннаго выше, понятно, что онъ не могъ заблуждаться на счетъ порядка, установившагося въ Россіи. Онъ рѣшительно отказывался признать его монархическимъ. «Я охуляю самый составъ нашего правительства,—писалъ онъ въ статьѣ «Оправданіе моихъ мыслей и часто съ излишней горячностью изглаголанныхъ словъ»,—называя его «совершенно и такимъ, гдѣ хотя писаные законы есть, но они власти государей и силѣ вельможъ уступаютъ». Да и писаные законы сочиняются у насъ въ кабинетѣ государевомъ, «по большей части крѣпко охраняемомъ отъ проницаній истины и свѣдѣнія о бѣдности народной» [1]). Поэтому и они подвергаются «охуленію» со стороны Щербатова. «Охуляю я наши законы,—говоритъ онъ,—поелику они не токмо съ согласія народнаго, но ниже съ согласія главнаго правительства сочиняются; охуляю тѣмъ, что оные ясно показуютъ, что при составленіи ихъ ни о состояніи, ни о пользахъ, ни о нуждахъ народныхъ, ни свѣдѣнія, ни попеченія не прилагается».

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ той же статьи онъ говоритъ: «охуляю я писаніе законовъ самою Монархинею, писанныхъ во мракѣ ея кабинета, коими она хочетъ исполнить то, что невозможно, и уврачевать то, чего не знаетъ».

Отвѣтственность за такой способъ составленія законовъ возлагается Щербатовымъ не только на государей, но и на ихъ ближайшихъ совѣтниковъ, которые, будучи заняты придворными интригами, не хотятъ знать истиннаго положенія дѣлъ въ странѣ и нуждъ народа.

Въ своемъ «письмѣ къ вельможамъ правителямъ государства» Щербатовъ сурово осуждаетъ тѣхъ, которые фактически держали въ своихъ рукахъ судьбы Россіи.

«Вижу нынѣ вами народъ утѣсненный, законы въ ничтожность приведенные, имѣніе и жизнь гражданскую въ неподлинности (sic), гордостью и жестокостью вашею лишенныя души ихъ бодрости, и имя свободы гражданской тщетнымъ учинившееся и даже отнятія смѣлости страждущему жалобы приносить».

Вельможи высоко поднимаются на общественной лѣстницѣ. Но высоту общественнаго положенія надо понимать не въ механическомъ смыслѣ, а какъ выражается Щербатовъ—метафизическомъ. Въ механическомъ смыслѣ даже и навозъ можно поднять на большую высоту,—например̂ъ, на верхъ высокой башни. Но механическаго возвышенія недостаточно. Кто выше всѣхъ *саномъ*, тому надо быть выше всѣхъ также и добродѣтелью. А такъ какъ русскіе вельможи совсѣмъ не удовлетворяютъ этому послѣднему требованію, то Щербатовъ сравниваетъ ихъ именно съ навозомъ, поднятымъ на высокую башню. Не довольствуясь этимъ обиднымъ сравненіемъ, онъ насмѣшливо спрашиваетъ правителей государства: «не чинитесь ли вы изъ человѣкъ, человѣкъ изящныхъ, подобны жукамъ... любящимъ жить въ навозѣ, такъ и вы въ порокахъ»?

Нашъ авторъ напоминаетъ вельможамъ объ ихъ долгѣ передъ государемъ и передъ народомъ. Государю, который обогащаетъ ихъ «отъ сокровищъ народныхъ», они обязаны говорить правду, хотя бы она была и непріятна ему. Что же касается народа, сокровищами котораго обогащаются вельможи, то они обязаны воздать ему «снисхожденіемъ и попеченіемъ объ его блаженствѣ». Только при этомъ условіи будутъ они достойны «благодѣтелями народа именоваться».

Здѣсь передъ нами зачатокъ того *ученія о долгѣ образованныхъ классовъ передъ народомъ*, съ которымъ мы встрѣтимся въ передовой русской литературѣ девятнадцатаго вѣка. Но само собою разумѣется, что съ теченіемъ времени весьма значительно измѣнилось содержаніе этого ученія, и что подъ перомъ П. Л. Лаврова, обращавшагося къ учащейся молодежи,

оно пріобрѣло совсѣмъ не такой видъ, какой имѣло подъ перомъ М. М. Щербатова, наставлявшаго «вельможъ правителей государства».

Напоминаніе правителямъ объ ихъ долгѣ передъ народомъ показываетъ, что крѣпостническія убѣжденія не мѣшали Щербатову,—какъ не мѣшали они и Сумарокову,—*по своему* желать добра народу. Сторонникъ просвѣщенія, Щербатовъ находилъ нужнымъ распространить его и на народную массу. Конечно, его проекты придавали просвѣщенію сословный характеръ. Въ Офирской землѣ каждое село, имѣвшее церковь, имѣло школу, въ которой дѣти обучались чтенію, письму и счету. Въ городскихъ для мѣщанскихъ и купеческихъ дѣтей,—изучались, кромѣ того, ремесла. Дворянскія школы учили «рисовать, ариѳметикѣ, первымъ началамъ геометріи, плясать и дѣйствовать оружіемъ». Надъ первоначальными школами стояли—губернскія, въ которыхъ кромѣ геометріи преподавались еще военная и гражданская архитектура, исторія, геометрія и «часть физики». Наконецъ, въ академіяхъ давалось высшее, преимущественно математическое и естественно-научное, образованіе.

Къ этому не мѣшаетъ прибавить, что, хорошо знакомый съ нашими тогдашними судами, Щербатовъ находилъ необходимымъ введеніе *гласности* судопроизводства, которое, конечно, принесло бы пользу не одному только дворянскому сословію.

V.

Нападки на «вельможъ правителей государства», взятыя сами по себѣ, мало знаменательны. Противъ вельможъ гремѣлъ иногда самъ пѣвецъ Фелицы. Вспомнимъ хотя бы эти его строки:

А ты второй Сарданапалъ!
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги?
На то-ль, чтобъ вѣкъ твой протекалъ
Средь игръ, средь праздности и нѣги?
. . . .
На то-ль тебѣ пространный свѣтъ,
Простерши раболѣпны длани,
На прихотливый твой обѣдъ
Вкуснѣйшихъ явствъ приноситъ дани,
Токай густое льетъ вино,
Левантъ—съ звѣздами кофе жирный,
Чтобъ не хотѣлъ за трудъ всемірный
Мгновенье бросить ты одно? и т. д.

Но, не говоря о томъ, что Державинъ охотно воспѣвалъ тѣхъ же «Сарданапаловъ», которыхъ онъ громилъ въ другихъ своихъ стихотвореніяхъ, самыя нападки на вельможъ служили ему средствомъ польстить Фелицѣ, мурзамъ своимъ не подражавшей, какъ увѣрялъ онъ. Щербатовъ несравненно серьезнѣе относился къ вопросамъ внутренней жизни Россіи. Хотя и ему случалось говорить комплименты Екатеринѣ, однако, онъ никогда не могъ примириться съ «деспотичествомъ». Въ своей исторіи онъ даетъ понять, что самовластіе установилось у насъ *вопреки* волѣ нашего народа. «Достойно примѣчанія,—говоритъ онъ,—что новгородцы, избравъ себѣ въ Государи сихъ трехъ князей (т. е. Рюрика, Синеуса, Трувора, Г. П.), не дали имъ неограниченной власти, а единственно токмо препоручили имъ, дабы они границы отъ вражескихъ нападеній защищали... Но послѣ Рюрикъ сію власть себѣ пріобрѣлъ». Въ одномъ изъ послѣднихъ томовъ того же сочиненія Щербатовъ очень хвалитъ царя Василья Шуйскаго за то, что онъ согласился положить извѣстный предѣлъ своей власти. По его мнѣнію, Шуйскій «учинилъ имя свое славно своимъ человѣколюбіемъ и милостію во владыкахъ земныхъ, и достойнѣйшимъ себѣ лучшія судьбины той, которую онъ претерпѣлъ». А въ запискѣ о «Поврежденіи нравовъ въ Россіи» онъ, переходя къ царствованію Анны, замѣчаетъ, что при ея вступленіи, вельможи предопредѣлили великое намѣреніе... учинить основательные законы Государству, и власть Государеву Сенатомъ или Парламентомъ (sic) ограничить». Нашъ авторъ сожалѣетъ здѣсь лишь о томъ, что самолюбіе и честолюбіе «помрачало» это прекрасное намѣреніе. Отнимая у монарха нѣкоторую долю его «излишней власти» (собственное выраженіе Щербатова), они предоставили ее лишь нѣкоторымъ вельможамъ «со огорченіемъ множества знатныхъ родовъ, и вмѣсто одного толпу Государей сочиняли». Наконецъ, въ его политическомъ романѣ («Путешествіе въ землю Офирскую») императоръ «обузданъ законами», которые мѣшаютъ ему употреблять во зло свою власть. Жители Офирской земли находятъ, что такъ какъ «цари не бываютъ ни ремесленниками, ни купцами, ни стряпчими», и не ощущаютъ никакихъ нуждъ, которыя ихъ подданные чувствуютъ, то они «и неудобны суть сами сочинять законы». Это лишній разъ указываетъ на то, что желательная для Щербатова конституція должна была значительно ограничить законодательную власть государя. Но какъ именно? На этотъ счетъ мы не находимъ у него опредѣленныхъ указаній.

Какъ уже отмѣчено выше, онъ находилъ, что около монарха долженъ быть совѣтъ, или сенатъ, и этотъ совѣтъ «не токмо надо снабдить... основательными государственными правами о его могуществѣ, но также и наполнить его такими людьми въ силу же основательныхъ правъ, чтобъ онъ порученный ему залогъ въ силахъ былъ сохранять». Подобно Панинымъ (и Павлу), Щербатовъ отводилъ закону о престолонаслѣдіи первое мѣсто между основательными законами. Сходился онъ съ Паниными и въ томъ, что, несмотря на свой деизмъ, вовсе не былъ безусловнымъ сторонникомъ вѣротерпимости. Хотя онъ и говорилъ, что съ раскольниками слѣдуетъ бороться не наказаніями, а наставленіемъ, однако, въ числѣ рекомендуемыхъ имъ мѣръ борьбы съ расколомъ, мы находимъ у него *«убытки и стыдъ»*. Онъ хотѣлъ, чтобъ раскольники платили повышенныя подати, въ увеличенномъ размѣрѣ, отбывая постойную повинность, лишены были права вступать въ подряды, являться свидѣтелями на судѣ и выступать поручителями. Наконецъ, онъ совѣтовалъ возстановить для раскольниковъ тотъ особый нарядъ, который они обязаны были носить по закону 1722 г., изданному Петромъ I, кажется, именно для того, чтобы дѣйствовать на нихъ посредствомъ «стыда». Не прочь былъ Щербатовъ и отъ стѣсненія магометанъ [1]).

Все это объясняется тѣмъ его убѣжденіемъ, что «единозаконіе» увеличиваетъ силу государства. Но изо всего этого слѣдуетъ также, что мы очень ошиблись бы, если бы, основываясь на его, несомнѣнно, вполнѣ искренней ненависти къ самовластію, вообразили его сколько нибудь послѣдовательнымъ ученикомъ энциклопедистовъ, или же приписали ему тотъ образъ мыслей, который окончательно сложился уже въ девятнадцатомъ вѣкѣ и получилъ названіе либеральнаго. Хорошо знакомый съ современной ему западно-европейской литературой, Щербатовъ не былъ, да и не могъ быть, ни послѣдовательнымъ сторонникомъ освободительной философіи, ни либераломъ. Либерализмъ, какъ и освободительная философія, былъ идейнымъ продуктомъ борьбы со «старымъ порядкомъ», а Щербатовъ выступалъ убѣжденнымъ сторонникомъ крѣпостного права. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ, повидимому, сильно отставалъ отъ Н. И. Панина, по крайней мѣрѣ, на словахъ энергично осудившаго тотъ соціальный строй, въ которомъ человѣкъ можетъ составлять собственность другого человѣка.

---

[1]) Надо замѣтить, что Щербатовъ принадлежалъ къ массонамъ, которымъ нѣкоторые изслѣдователи приписываютъ большую вѣротерпимость.

Въ Офирской землѣ «вышнее правительство» было *чисто дворянскимъ* правительствомъ. Правда, въ одинъ изъ его департаментовъ,—въ департаментъ «домостроительства», государственныхъ доходовъ и торговли,—допускались, въ числѣ 15, также и *купеческіе* депутаты. Но число дворянскихъ депутатовъ, составлявшихъ это правительство, было значительно больше (75), и, такимъ образомъ, государственная власть цѣликомъ сосредоточивалась тамъ въ рукахъ дворянскаго сословія. Соотвѣтственно этому и государственная служба была тамъ привилегіей дворянства.

Въ высшей степени характерно для Щербатова слѣдующее.

Грамота, жалованная Екатериной дворянству въ 1785 г., совершенно не удовлетворила его потому, что права, дарованныя ею дворянамъ, были, по его мнѣнію, ничтожны. Онъ написалъ весьма рѣзкій разборъ ея. Такъ, по поводу даннаго дворянству права ходатайствовать передъ верховной властью о своихъ нуждахъ Щербатовъ замѣчалъ, что этому сословію нужно имѣть право «представлять правительству, когда и гдѣ самыя узаконенія какую имъ тягость наносятъ». Право же ходатайства о своихъ нуждахъ сводится къ позволенію дворянамъ «визжать, когда ихъ бьютъ» [1]). Власть намѣстника по отношенію къ дворянскимъ собраніямъ такъ велика, что, съѣзжаясь на нихъ, дворянство будетъ лишь свидѣтелемъ своего собственнаго утѣсненія, а домъ такихъ собраній станетъ памятникомъ утѣсненія дворянскаго сословія и темницей его свободы. Въ такомъ же духѣ критиковались Щербатовымъ и другія статьи дворянской грамоты.

Съ другой стороны, права, данныя купечеству грамотой того же года, представлялись Щербатову въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ слишкомъ широкими, по крайней мѣрѣ, при данныхъ культурныхъ условіяхъ. Онъ писалъ, что, конечно, право судиться равными себѣ драгоцѣнно, однако весьма неудобно выбирать въ судьи купцовъ, «насилу грамотѣ знающихъ». И ему казалось, что лучше было бы наполнять *всѣ* купеческіе суды дворянами или вообще людьми, къ торговлѣ не привязанными. «Для чести купечества» довольно было бы, думалъ онъ, чтобы въ судѣ находился одинъ купеческій депутатъ.

Это не все. Если государственная служба составляла въ Офирской землѣ привилегію дворянства, то до высшихъ чиновъ

[1]) «Примѣчанія вѣрнаго сына отечества на дворянскія права на манифестъ». Сочиненія М. М. Щербатова, томъ I. Спб. 1896 г., стр. 300.

лишь въ исключительныхъ случаяхъ дослуживались тамъ лица, не принадлежавшія къ знатнымъ семьямъ. Словомъ, Щербатовъ отвергалъ «химеру равенства», даже въ примѣненіи къ дворянскому сословію. Въ своихъ политическихъ мечтахъ онъ не шелъ дальше пріобрѣтенія политическихъ правъ тѣмъ родовитымъ дворянствомъ, идеологомъ котораго явился онъ уже въ комиссію объ Уложеніи.

Какъ бы, однако, ни были далеки отъ либерализма аристократическія стремленія Щербатова, фактъ тотъ, что онъ не только не удовлетворялся существовавшимъ въ Россіи политическимъ порядкомъ, но глубоко ненавидѣлъ его. Когда человѣкъ ненавидитъ окружающій его порядокъ, онъ думаетъ о средствахъ его устраненія. Самымъ естественнымъ способомъ устраненія даннаго порядка является выступленіе противъ него того общественнаго слоя, который отъ него страдаетъ. Щербатовъ, кажется, понималъ это. Онъ писалъ, что, если самовластіе безпрепятственно «дѣйствуетъ» въ русской землѣ, то «все сіе отъ нашего рабскаго и подлаго терпѣнія происходитъ» и что ему хотѣлось бы вдохнуть твердость въ своихъ современниковъ, «дабы сопрягшись любовью къ отечеству», они постарались протянуть ему руку помощи. Любопытно, что въ Офирской землѣ, гдѣ верховная власть «обуздана» была основательными законами, которые сильно ограничивали для нея возможность вредить гражданамъ, два императора были свергнуты съ престола и умерли въ тюрьмѣ. Какъ русскому человѣку XVIII столѣтія, Щербатову недалеко было ходить за примѣрами этого рода. Но онъ былъ хорошо освѣдомленъ на счетъ того, что отнюдь не силами знатныхъ родовъ совершались перевороты въ тогдашней Россіи, и что *чинъ* отнюдь не былъ расположенъ поддерживать политическія вожделѣнія *породы*. Мало того, Щербатовъ, какъ видно, не чуждъ былъ сознанія той истины, что антагонизмъ между порабощеннымъ крестьянствомъ и рабовладѣльческимъ дворянствомъ (безъ различія слоевъ этого послѣдняго) служилъ сильнѣйшей поддержкой «деспотичества». Это приходится предположить въ виду того, что въ Офирской землѣ простому народу запрещено было обращаться къ государю съ привѣтствіями. Запрещеніе это оправдывалось тѣмъ, что «народъ общимъ образомъ нигдѣ не можетъ быть довольно просвѣщенъ» и что поэтому «показуемые бы знаки радости и усердія отъ народа въ самомъ дѣлѣ ничего бы не значили, а могли бы нѣкоимъ государямъ вложить мысли гордости и предубѣжденія яко бы они весьма любимы

*

народомъ, что можетъ вредныя послѣдствія имѣть». Но Офирская земля не Россія. Вѣрнѣе, Офирская земля—это Россія, какою она сдѣлалась бы только въ томъ случаѣ, если бы осуществился политическій идеалъ Щербатова. Въ дѣйствительной Россіи дворянство не могло совершенно уединить верховную власть отъ народа, который считалъ ее своей доброжелательницей. Это чрезвычайно усиливало политическую позицію центральной власти, и то, что мыслимо было въ Офирской землѣ, оказывалось невозможнымъ въ дѣйствительной Россіи. Щербатовъ сознавалъ это. Проклиная «наше рабское и подлое терпѣніе», онъ не задавался, однако, практической цѣлью превращенія Россіи изъ деспотической страны въ монархическую. Его записка о поврежденіи нравовъ оканчивается выраженіемъ той надежды, что современемъ явится у насъ государь, который пожелаетъ возстановить добрые нравы, какъ собственнымъ своимъ хорошимъ примѣромъ, такъ и, въ особенности, дарованіемъ основательныхъ правъ государству. Когда явится такой монархъ, «тогда изгнанная добродѣтель, оставя пустыни, утвердитъ среди градовъ и при самомъ дворѣ престолъ свой; правосудіе не покривитъ свои вѣски ни для мзды, ни для сильнаго; мздоимство и робость отъ вельможъ изгонятся; любовь отечества возгнѣздится въ сердца гражданскія, и будутъ не пышностью житья и не богатствомъ хвалиться, но безпристрастіемъ, заслугами и безкорыстностью». О появленіи государя, способнаго совершить такую благодѣтельную революцію, слѣдуетъ «просить Бога».

А что дѣлать въ ожиданіи его появленія? Стараться послужить странѣ, приспособляясь къ существующему порядку и порой далеко—по крайней мѣрѣ на нашу нынѣшнюю мѣрку,—заходя въ процессѣ приспособленія: Щербатовъ обращался съ личными просьбами къ той самой государынѣ, которую записка его о поврежденіи нравовъ изображаетъ какъ убѣжденную защитницу «деспотичества». А когда слишкомъ заболитъ сердце при видѣ многочисленныхъ бѣдствій родной страны, тогда отводить душу въ рѣзкихъ полныхъ негодованія статьяхъ... заранѣе зная, что имъ не суждено быть напечатанными. Публицистическія статьи Щербатова пролежали подъ спудомъ до конца пятидесятыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія [1]. *Какъ*

---

[1]) Въ пятидесятыхъ годахъ этого столѣтія онѣ стали появляться въ разныхъ историческихъ изданіяхъ. Записка о поврежденіи нравовъ впервые напечатана была въ 1858 г., въ Лондонѣ (выше она цитирована была по болѣе исправному изданію въ «Русской Старинѣ» 1870—1871 г.г.). «Письмо къ вельможамъ-правителямъ государства» появилось въ «Русской Старинѣ» 1872 г. Въ девяностыхъ

публицистъ, кн. М. Щ. былъ однимъ изъ *«лишнихъ людей»* того времени, одной изъ «умныхъ ненужностей», чтобы употребить здѣсь остроумное выраженіе А. И. Герцена. Статьямъ независимыхъ публицистовъ Фелица предпочитала оды во вкусѣ Державинскихъ.

VI.

Врагомъ самовластія довольно долго считался у насъ Я. Б. Княжнинъ за его трагедію «Вадимъ Новгородскій», когда-то надѣлавшую суматоху «въ сферахъ». Разсказывали, что за напечатаніе «Вадима» кн. Е. Р. Дашкова лишилась мѣста президента Россійской Академіи, а самъ Княжнинъ попалъ къ знаменитому Шешковскому на допросъ, послѣ котораго заболѣлъ и умеръ [1]). Это не вѣрно. Я. Б. Княжнинъ скончался въ январѣ 1791 г. [2]), и появленіе «Вадима» въ печати, относящееся къ 1793 г., не могло причинять своему автору какія бы то ни было непріятности. Полицейскую волокиту пришлось испытать за эту трагедію сыновьямъ Я. Б. Княжнина и нѣкоторымъ другимъ лицамъ, имѣвшимъ то или другое касательство къ ней. Сама пьеса была изъята изъ обращенія.

Еще О. Н. Козодавлевъ, служившій тогда однимъ изъ совѣтниковъ академической канцеляріи, въ своемъ докладѣ кн. Дашковой о «Вадимѣ» отозвался о немъ, какъ о произведеніи, не содержащемъ въ себѣ ровно ничего опаснаго. Онъ отмѣтилъ также, что развязкой «Вадима» является торжество монарха надъ бунтомъ, и это правильно. Весьма ошибочно было бы считать злополучную трагедію Я. Б. Княжнина выраженіемъ республиканскаго взгляда. Да Княжнинъ никогда и не былъ республиканцемъ. Онъ искренно питалъ къ императрицѣ чувство вѣрнаго подданнаго. Какъ извѣстно, ей посвящена его первая трагедія «Дидона». Въ посвященіи онъ говорилъ по адресу Екатерины:

Содѣлавъ власти цѣпь свободну, легку, стройну,
Ты въ счастьи равенство намъ первая нашла,
Блаженствомъ никого изъ насъ не обошла!

годахъ подъ редакціей И. П. Хрущова вышло собраніе сочиненій М. М. Щербатова, томъ I, Спб. 1896 г., т. II, Спб., 1898. Самое обстоятельное изслѣдованіе о Щербатовѣ («Дворянскій публицистъ Екатерининской эпохи») принадлежитъ В. А. Мякотину и напечатано въ сборникѣ его статей: «Изъ исторіи русскаго общества» Спб. 1905 г., стр. 102—166.

[1]) Въ «Историческихъ замѣчаніяхъ» А. С. Пушкина сказано даже: «Княжнинъ умеръ подъ розгами».

[2]) Родился онъ въ 1742 г.

Въ своемъ «Посланіи къ княгинѣ Дашковой» онъ называлъ Екатерину отрадой на престолѣ, матерью не только подданныхъ своихъ, но,—что, конечно, гораздо болѣе лестно,—даже и музъ, и опять утверждалъ,

Что мы въ такой блаженной долѣ
До Ней и не бывали въ вѣкъ . . . . .

Разумѣется, можно предположить, что политическіе взгляды Княжнина коренным образомъ измѣнились къ тому времени, когда онъ сталъ писать «Вадима». Въ пользу этого предположенія можно, пожалуй, сказать, что не даромъ же «Вадимъ» написанъ былъ въ 1789 г., т. е. когда началась великая французская революція. Однако, и это предположеніе не основательно.

Французская буря повліяла на Я. Б. Княжнина развѣ лишь въ томъ смыслѣ, что сдѣлала его очень осторожнымъ. Какъ узнаемъ мы отъ его сына, въ 1789 г. интересующая насъ здѣсь «трагедія была отдана для представленія въ театръ, и уже были розданы роли. . . . , но вскорѣ началась революція во Франціи, и Княжнинъ самъ увидѣлъ, что пьеса его приходится не ко времени. Онъ взялъ ее назадъ, и она пролежала у него въ кабинетѣ, на письменномъ столѣ, до самой его смерти».

Да и содержаніе трагедіи отнюдь не свидѣтельствуетъ объ антимонархическомъ настроеніи автора. Если Щербатовъ утверждалъ въ своей исторіи, что Рюрикъ овладѣлъ самодержавной властью вопреки волѣ новгородцевъ, то въ «Вадимѣ» власть Рюрика,—Княжнинъ называетъ его Рурикомъ,—имѣетъ совсѣмъ другое происхожденіе. Онъ не узурпаторъ, а вѣрный слуга и благодѣтель народа.

Республиканецъ Вигоръ разсказываетъ своему другу Вадиму, который, по случаю войны, провелъ нѣкоторое время въ отсутствіи и потому не зналъ, что произошло въ Новгородѣ.

Едва предъ войскомъ ты разстался съ сей страной
Вельможи многіе, къ злодѣйству видя средство
И только сильные отечества на бѣдство,
Гордыню, зависть, злость, мятежъ ввели во градъ.
Жилище тишины преобратилось въ адъ;
Святая истина отселѣ удалилась;
Свобода, встрепетавъ, къ паденью наклонилась;
Междоусобіе со дерзостнымъ челомъ
На трупахъ сограждан воздвигло смерти домъ.

Стремяся, весь народъ быть пищей алчныхъ врановъ,
Сражался въ бѣшенствѣ за выборы тирановъ.
Весь Волховъ кровію дымящейся кипѣлъ...

Мы видимъ: свобода наклонилась къ паденью не вслѣдствіе какихъ нибудь происковъ Рурика, а благодаря гордынѣ, зависти и злости вельможъ. Приглашенный на помощь Гостомысломъ, Рурикъ удовольствовался тѣмъ, что возстановилъ въ Новгородѣ порядокъ или, какъ выражается Вигоръ, возвратилъ новгородцамъ блаженство [1]).

Онъ вовсе не стремился къ сохраненію за собой власти, но умудренный опытомъ Гостомыслъ, умирая, нашелъ нужнымъ сдѣлать Рурика княземъ:

Народу завѣщалъ, да сохранитъ онъ власть
Скончавшую его стенанья и напасть.
Народъ нашъ, тронутый заслугой столь великой,
Поставилъ надъ собой спасителя владыкой [2]).

Дочь Вадима, Рамида, разговаривая о Рурикѣ со своей наперсницей Селеной, говоритъ:

Воспомни ты, какъ онъ побѣдоносенъ, славенъ,
Доволенъ только тѣмъ, что намъ благотворилъ,
Въ своей душѣ за то награду находилъ
И, мужествомъ прервавъ плачевны наши стоны,
Отрекся здѣшнія завидной всѣмъ короны.
Тогда народъ, страшась своихъ возврата бѣдъ,
Слезами орошалъ сего героя слѣдъ.
Въ какія горести весь градъ сей погружался
Казалося нашъ часъ послѣдній приближался [3]).

Правда, Рамида влюблена въ Рурика. Но показаніе влюбленной дѣвушки вполнѣ совпадаетъ здѣсь съ свидѣтельствомъ убѣжденнаго республиканца: самодержавная власть не только не была захвачена Рурикомъ, она была вручена, можно сказать, *навязана*, ему народомъ. И онъ, разумѣется, не забываетъ объ этомъ. Онъ говоритъ Рамидѣ:

Вельможи и народъ мнѣ дали здѣсь корону,
И, сердцемъ моему покорствуя закону,
Превыше вольности мою считаютъ власть [4]).

---

[1]) Это заставляетъ вспомнить объ Екатеринѣ, которая, какъ мы уже знаемъ отъ Княжнина, блаженствомъ никого изъ насъ не обошла.
[2]) Дѣйствіе I, явленіе 2-ое.
[3]) Дѣйствіе II, явлен. 1-ое.
[4]) Дѣйствіе II, явленіе 2-ое.

Та власть, которую народъ считаетъ превыше вольности, не можетъ не быть очень прочной. Это ясно какъ самому Рурику, такъ и новгородскимъ республиканцамъ. Одинъ изъ нихъ (Пренестъ) такъ объясняетъ Вадиму, почему они до сихъ поръ не возстали противъ Рурика:

Познаешь самъ, Вадимъ, сколь трудно рушить тронъ,
Который Рурикъ здѣсь воздвигнулъ безъ препонъ,
Прошеньемъ призванный отъ цѣлаго народа;
Увѣдаешь, какъ имъ отъятая свобода
Прелестной властiю его замѣнена;
Узнаешь, какъ его держава почтена,
И истинныхъ сыновъ отечества сколь мало,
Которы, чувствуя грызуще рабства жало,
Стыдилися бъ того, что въ свѣтѣ смертный есть,
Въ рукахъ котораго ихъ вольность, жизнь и честь [1]).

Прибавьте къ этому, что Рурикъ своею кротостью и справедливостью все болѣе и болѣе упрочиваетъ привязанность къ нему Новгородцевъ. Находясь подъ тяжелымъ впечатлѣнiемъ возстанiя Вадима, дочь котораго, — уже знакомую намъ Рамиду,—онъ любитъ, великодушный князь рѣшается сложить *съ себя корону*. Но народъ *на колѣняхъ* умоляетъ его не дѣлать этого. И тогда Рурикъ обращается къ Вадиму съ горькими и въ то же время гордыми словами:

Коль власть монаршу чтишь достойный наказанья,
Въ сердцахъ гражданъ мои увиди оправданья.
И что возможешь ты противъ сего сказать? [2]).

Вадимъ «заколается». Такъ поступаетъ и дочь его Рамида. Это, конечно, отвѣтъ. Но если онъ внушаетъ намъ уваженiе къ римской добродѣтели Вадима и его дочери, то побѣдоноснымъ этотъ отвѣтъ назвать никакъ нельзя: народъ, во имя котораго возставали Вадимъ и его единомышленники, высказался противъ нихъ. И, конечно, не для того, чтобы уменьшить симпатiю зрителей къ Рурику, Княжнинъ заставилъ его воскликнуть въ концѣ трагедiи:

О рокъ! О грозный рокъ! О праведные боги!
. . . .
Въ величiи моемъ лишь только тягость мнѣ!

---

[1]) Дѣйствiе I, явленiе 2-ое.
[2]) Дѣйствiе V, явленiе 3-ье.

Страдая, жертвой я быть долженъ сей странѣ
И должности моей стонающій блюститель,
Чтобъ быть невольникомъ, быть долженъ я властитель!...
Я буду и себя съ пути не совращу,
Гдѣ вамъ подобенъ ставъ, вамъ, боги, отомщу!

Это цѣлый апотеозъ власти, правда, не ограниченной, но зато существующей по волѣ народа и всецѣло употребляемой на его благо. Рурикъ—одинъ изъ тѣхъ идеальныхъ властителей, на которыхъ такъ часто возлагали свои упованія литературные представители освободительной французской философіи XVIII столѣтія. За что же разсердилась Екатерина? Почему былъ запрещенъ «Вадимъ»? Неужели для этого не было никакого основанія?

VII.

Мы знаемъ, что еще Сумароковъ любилъ, устами трагическихъ героевъ, преподносить публикѣ свои взгляды на человѣческія «должности» вообще и на должности монарховъ въ частности. Извѣстно также, что публика очень любила наставительныя рѣчи, раздававшіяся съ театральныхъ подмостокъ. Рѣчамъ Стародума «Недоросль» обязанъ былъ значительной, если не наибольшей, долей своего успѣха. Наставительныя рѣчи были въ обычаѣ того времени: французскіе просвѣтители сдѣлали театръ средствомъ распространенія своихъ идей. У Я. Б. Княжнина не было ни малѣйшаго основанія къ тому, чтобы отказаться слѣдовать этому распространенному обычаю. Его герои разсуждаютъ о «должностяхъ» еще охотнѣе, нежели герои Сумарокова. Какой успѣхъ имѣли ихъ разсужденія на эту тему, показываетъ судьба «Росслава». Неизвѣстный авторъ предисловія къ вышедшему въ 1817 г. изданію сочиненій Княжнина пишетъ:

«Во время представленія сей трагедіи многочисленная публика съ восторгомъ приняла несравненное произведеніе пера великаго стихотворца, и можно сказать, что каждый стихъ сопровождался громкими рукоплесканіями». «Росславъ» изобилуетъ тирадами, преисполненными благородства. Ея главный герой провозглашаетъ:

Тиранка слабыхъ душъ, любовь—раба героя.
Коль счастья съ должностью не можно согласить,
Тогда пороченъ тотъ, кто хочетъ счастливъ быть.

Въ другомъ мѣстѣ той же трагедіи Росславъ говоритъ Христіерну:

Ты долгомъ чтишь меня къ измѣнѣ принуждать,
А я—за общество со славой умирать!

Въ разговорѣ съ Любомиромъ Росславъ, заключенный Христіерномъ въ оковы, съ гордостью говоритъ:

Я зрю съ презрѣніемъ тираново гоненье;
За общество ношу сихъ узъ обремененье.

Противъ такихъ тирадъ Екатерина ничего не имѣла. Но вѣдь въ нихъ не было ровно ничего опаснаго для ея власти. Вступить въ борьбу съ чувствомъ любви, если оно мѣшаетъ исполненію обязанностей передъ «обществомъ», или самоотверженно умереть за свою родину можетъ и безусловный сторонникъ монархической власти. Говорятъ, правда, что до начала французской революціи Екатерина не боялась и собственно политическихъ разсужденій на сценѣ. При этомъ указываютъ на случай съ трагедіей Н. П. Николаева «Сорена и Замиръ».

Московскій главнокомандующій запретилъ (въ 1786 г.) представленіе этой трагедіи, найдя въ ней нѣкоторыя рѣзкія выходки противъ самовластія. Тогда императрица написала ему: «авторъ возстаетъ противъ самовластія тирановъ, а Екатерину вы называете матерью». Эти строчки могли тронуть многихъ наивныхъ россіянъ того времени, онѣ были умно написаны. Однако, изслѣдователи нерѣдко придаютъ имъ преувеличенное значеніе. По существу исторіи съ «Сореной» полезно противопоставить исторію съ трагедіей Княжнина «Владиміръ и Ярополкъ», написанной гораздо раньше.

Эта трагедія приготовлена была къ постановкѣ на придворной сценѣ, но потомъ «оставлена безъ вниманія» за «многія театральныя неисправности». Согласно предположенію В. Я. Стоюнина, князь Владиміръ былъ признанъ Екатериной неудобнымъ къ появленію на сценѣ въ своемъ качествѣ *язычника*. Это можетъ удивить, такъ какъ рѣчь идетъ объ ученицѣ Вольтера. Но это становится вѣроятнымъ, когда примешь въ соображеніе, что, какъ напоминаетъ тотъ же В. Я. Стоюнинъ, ученица Вольтера, вскорѣ послѣ восшествія своего на престолъ, писала: «Я, когда сюжеты суть того вѣка, когда идоламъ приносили жертвы, страдаю всегда, видя то на театрѣ»! [1]). Въ

[1]) См. статью В. Я. Стоюнина «Княжнинъ—писатель» въ августовской книгѣ «Историческаго Вѣстника» за 1881 г., стр. 442 и 443. О Княжнинѣ см. еще интересную статью г. Юрія Веселовскаго «Идейный драматургъ Екатерининской эпохи Княжнинъ и его трагедіи» въ первомъ томѣ «Литературныхъ Очерковъ» г. Юрія Веселовскаго, Москва 1900, стр. 349—379.

дѣлѣ о «Владимірѣ и Ярополкѣ» Екатерина, кромѣ своего благочестія, могла уступить и другимъ побужденіямъ. Въ этой трагедіи встрѣчались монологи въ родѣ слѣдующаго:

Къ чему, Россія, ты теперь приведена
Волненіемъ страстей князей твоихъ строптивыхъ!
Твоя зависитъ честь отъ взоровъ женъ кичливыхъ,
Страна героевъ днесь игралище любви...

Въ царствованіе любвеобильной Фелицы подобныя рѣчи могли наводить публику, присутствовавшую въ театральномъ залѣ, на не совсѣмъ выгодныя для государыни размышленія. Поэтому гораздо удобнѣе было оставить произведеніе Княжнина «безъ вниманія». Но какъ бы тамъ ни было, очевидно, что уже задолго до французской революціи Екатерина умѣла, когда находила это нужнымъ, выступать въ роли строгаго цензора литературныхъ произведеній.

Слѣдуетъ помнить, кромѣ того, что республиканцы, выведенные Княжнинымъ въ «Вадимѣ Новгородскомъ», возстаютъ не противъ «самовластія тирановъ», а противъ монархической власти вообще, не дѣлая исключенія ни для государя-отца, ни для государыни-«матери». Посадникъ Пренестъ признаетъ, что Рурикъ великодушенъ, кротокъ и справедливъ, но продолжаетъ относиться къ нему съ непреодолимымъ недовѣріемъ. Онъ убѣжденъ, что Рурикъ измѣнитъ свое поведеніе, какъ только утвердится на престолѣ:

Коль чтитъ законы днесь, во всемъ равняясь съ нами,
Законы послѣ всѣ и насъ попретъ ногами!

Рурикъ носитъ личину. А если бы это было и не такъ, если бы онъ дѣйствительно любилъ справедливость, то власть непремѣнно испортитъ его современемъ:

Какой герой въ вѣнцѣ съ пути не совратился?
Величья своего отравой упоенъ,
Кто не былъ изъ царей въ порфирѣ развращенъ? [1])

Такое понятіе о нравственномъ вліяніи монархической власти на монарховъ дѣлаетъ невозможнымъ какое бы то ни было примиреніе съ ними для людей, искренно преданныхъ

[1]) Дѣйствіе II, явл. 4-ое.

общественному благу. Оттого-то Вадимъ и его друзья, въ самомъ дѣлѣ, ни за что не хотятъ примириться съ Рурикомъ. Въ этомъ отношеніи герой Княжнина представляетъ собою полную противоположность такому заговорщику, какъ Цинна у Корнеля.

Когда измѣна открыла Августу всѣ нити заговора, императоръ великодушно предлагаетъ Циннѣ свою дружбу:

Soyons amis, Cinna, c'est moi qui T'en convie...

И Цинна поспѣшно схватываетъ руку, протянутую ему владыкой Рима. Проникнутый умиленіемъ, онъ кричитъ:

O vertu sans exemple! O clémence qui rend
Votre pouvoir plus juste et mon crime plus grand!

Съ такими заговорщиками еще можно поладить. Но нѣтъ никакого способа поладить съ Вадимомъ, который, будучи взятъ съ оружіемъ въ рукахъ и находясь во власти Рурика, такъ отвѣчаетъ ему на предложеніе дружбы:

Мнѣ другомъ? Ты? Въ вѣнцѣ? Престани тѣмъ плѣняться!
Скорѣе небеса со адомъ съединятся!.. [1])

Когда народъ опять навязываетъ Рурику власть, отъ которой онъ только что отказался, Вадимъ видитъ себя побѣжденнымъ внѣшними обстоятельствами. Онъ говоритъ Рурику:

Я вижу власть твоя угодна небесамъ.

Но это нисколько не колеблетъ его республиканскихъ убѣжденій. Онъ клеймитъ своихъ колѣнопреклоненныхъ согражданъ словомъ безпредѣльнаго презрѣнія:

О, гнусные рабы, своихъ оковъ просящи!
О, стыдъ! Весь духъ гражданъ отселѣ истребленъ!
Вадимъ! Се общество, котораго ты членъ!

Въ трагедіи Княжнина столкновеніе разрѣшается самоубійствомъ Вадима и его дочери. А какъ и кѣмъ разрѣшилось бы въ тогдашней русской дѣйствительности *столкновеніе, хотя бы отчасти* похожее на это? По приказанію Фелицы, его разрѣшилъ бы на свой,—тоже въ нѣкоторомъ родѣ трагическій,—ладъ «кнутобоецъ» Шешковскій. Ни на какое другое разрѣ-

[1]) Дѣйствіе V, явл. 3-ье.

шеніе Екатерина не могла бы согласиться. А если это такъ, то не могла она согласиться и на то, чтобы на сценѣ «россійскаго ѳеатра» выступали нераскаянные республиканцы въ родѣ Вадима, Препеста и Вигора. Положимъ, у Княжнина они разбиты на голову и хотя косвенно, однако, тѣмъ не менѣе весьма рѣшительно осуждены тѣмъ самымъ народомъ, благо котораго они хотѣли отстаивать. Но Княжнинъ изобразилъ ихъ такими благородными, такъ самоотверженно преданными своей идеѣ, что они оставались опасными, даже потерпѣвъ полное пораженіе. Этого Фелица не могла одобрить не только послѣ того, какъ началась революція и гильотина сняла голову французскому королю, но даже и въ самомъ началѣ своего царствованія. Сатирическіе журналы конца шестидесятыхъ и начала семидесятыхъ годовъ никогда не доходили до изображенія въ привлекательномъ видѣ нераскаянныхъ противниковъ монархической власти, а между тѣмъ Екатерина очень быстро положила конецъ ихъ существованію. Чтобы заслужить ея одобреніе, нужно было вывести Вадима па сцену въ совершенно другомъ видѣ. Извѣстно, какое освѣщеніе получило его легендарное возстаніе въ ея собственной, написанной въ подражаніе «Шекспиру», драмѣ «*Историческое представленіе изъ жизни Рюрика*».

Начать съ того, что попытка Вадима признается равносильной измѣнѣ [1]). Кромѣ того, измѣну онъ «учиняетъ» не изъ любви къ республиканской свободѣ, а потому, что завидуетъ Рюрику и самъ хочетъ «сѣсть на престолъ дѣда» своего [2]). Наконецъ, когда побѣдоносный Рюрикъ прощаетъ его, Вадимъ падаетъ на колѣни и смиренно говоритъ:

«О, Государь! ты къ побѣдамъ рожденъ, ты милосердіемъ враговъ всѣхъ побѣдиши, ты дерзость тѣмъ же обуздаешь... Я вѣрный твой подданный вѣчно!» [3])

Вотъ какія «историческія представленія» нужны были Семирамидѣ Сѣвера. Въ своемъ изображеніи противниковъ существующей власти наши драматурги не должны были итти дальше образца, даннаго Корнелемъ въ своемъ «Cinna, ou la clémence d'Auguste» [4]). А Княжнинъ пошелъ гораздо дальше, и потому «Вадимъ Новгородскій» вызвалъ сильное неудовольствіе Екатерины, несмотря на то, что авторъ хотѣлъ изобразить

---

[1]) Слова посадника Добрынина во второмъ явленіи пятаго дѣйствія.
[2]) Дѣйствіе I, явл. 5-е.
[3]) Дѣйствіе V, явл. 5-е.
[4]) Цинна или милосердіе Августа (или комитета).

торжество монархической власти. Въ лицѣ Вадима, Вигора и Пренеста на русскую сцену выходили дѣйствующія лица, способныя оказать пагубное вліяніе на русскаго обывателя. Ихъ примѣръ былъ бы опасенъ всегда и, конечно, становился еще болѣе опаснымъ въ эпоху французской революціи. Не удивительно, что Екатерина сочла напечатаніе «Вадима» за личную для себя обиду. «Что я вамъ сдѣлала,—спросила она княгиню Дашкову,—что вы распространяете противъ меня и моей власти такія опасныя правила?». Дашкова принялась доказывать ей, что у Княжнина были самыя хорошія намѣренія. Но ей удалось только смягчить, а не переубѣдить Екатерину. И это, какъ мы видимъ, совершенно понятно [1]).

VIII.

Нельзя ставить художнику въ вину тѣ взгляды, которые высказываютъ его герои. Вопросъ можетъ быть тутъ лишь о художественной правдѣ изображенія характеровъ, а слѣдовательно и взглядовъ. Это неоспоримо. Но вѣдь Екатерина подходила къ этому предмету совсѣмъ съ другой стороны. Она могла бы сказать: «если бы рѣчи, произносимыя Вадимомъ, Вигоромъ и Пренестомъ и не соотвѣтствовали ихъ характерамъ, то онѣ своимъ политическимъ содержаніемъ могли бы повредить мнѣ, оказавъ нежелательное для меня вліяніе на моихъ подданныхъ, поэтому я предпочитаю изъять «Вадима» изъ обращенія». И по своему, она была бы права.

Я уже не разъ говорилъ, что экономическій строй тогдашней Россіи дѣлалъ невозможнымъ возникновеніе въ ней сколько нибудь серьезнаго движенія въ духѣ освободительныхъ идей XVIII столѣтія. Мы знаемъ, что даже «вольтерьянцы» наши плохо усвоивали себѣ эти идеи, но что передовыя французскія ученія, попадая въ Россію, все таки шевелили русскіе умы,—это находится внѣ всякаго сомнѣнія. Кн. М. М. Щербатовъ былъ большимъ консерваторомъ въ *соціальномъ* отношеніи. Но его *ненависть къ деспотичеству* возникла, очевидно, подъ сильнымъ вліяніемъ французской литературы. Я. Б. Княжнинъ, вѣроятно, такъ и умеръ въ томъ убѣжденіи, что Екатерина II принесла съ собой блаженство всему населенію Россіи.

---

[1]) «Вадимъ Новгородскій» былъ напечатанъ кн. Дашковой отдѣльной брошюрой, а потомъ вошелъ въ XXXIX часть «Россійскаго Θеатра или полнаго собранія всѣхъ россійскихъ θеатральныхъ сочиненій». Впослѣдствіи перепечатанъ въ іюньской кн. «Русской Старины» за 1871 годъ. Выше Вадимъ цитированъ мною по этому изданію. Въ 1897 г. А. Л. Бурцевъ воспроизвелъ эту трагедію въ первой части своего «Описанія рѣдкихъ Россійскихъ книгъ».

Онъ былъ убѣжденнымъ монархистомъ. Однако, его неукротимые республиканцы своими рѣчами, несомнѣнно, заимствованными у французовъ, могли вызвать или укрѣпить чувство политическаго протеста въ сердцѣ иного зрителя или читателя. Дѣло въ томъ, что, какъ сказано въ одной изъ предшествующихъ главъ, царствованіе Екатерины II было началомъ, правда, крайне скромнымъ, новой эпохи въ исторіи нашей передовой интеллигенціи. Эта послѣдняя начала становиться въ отрицательное отношеніе къ той самой власти, которой она служила не только за страхъ, но и за совѣсть, пока находилась подъ непосредственнымъ вліяніемъ Петровской реформы.

«Ученая дружина» временъ Кантемира смотрѣла на самодержавіе какъ на «Моисеевъ Жезлъ», съ помощью котораго только и можно одолѣть старое московское варварство, далеко не сразу признавшее себя побѣжденнымъ. Но во второй половинѣ XVIII вѣка уже нельзя было опасаться того, что Россія повернетъ назадъ къ до-Петровской старинѣ. Разумѣется, одописцы, къ числу которыхъ принадлежалъ и Княжнинъ, вызвавшій неудовольствіе Екатерины своимъ «Вадимомъ», сильно грѣшили противъ истины, когда «пѣли», что жало невѣжества теперь ужъ совсѣмъ безсильно [1]). Покинувъ нѣкоторыя изъ своихъ старыхъ до-Петровскихъ позицій, невѣжество, опиравшееся на цѣлый легіонъ Скотининыхъ и Простаковыхъ, все таки продолжало представлять собою страшную силу. Поэтому передовая русская интеллигенція съ восторгомъ встрѣчала всѣ правительственныя мѣропріятія, такъ или иначе направлявшіяся на борьбу съ невѣжествомъ. Она готова была поддерживать ихъ всѣми силами. Но къ огорченію она стала замѣчать, что невѣжество нерѣдко встрѣчаетъ себѣ поддержку со стороны правительства просвѣщенной Фелицы. Вслѣдствіе этого въ ея среду проникало недовольство, и у нѣкоторыхъ ея представителей шевелился вопросъ: «а что если Моисеевъ Жезлъ есть не болѣе какъ орудіе застоя?». И тогда они начинали говорить и писать вещи, которыя приводили въ величайшее негодованіе «матушку-государыню».

Скоро мнѣ придется подробно говорить о двухъ самыхъ крупныхъ представителяхъ передовой русской интеллигенціи XVIII вѣка: объ А. Н. Радищевѣ и о Н. И. Новиковѣ. Теперь же я хочу посвятить двѣ-три страницы мало извѣстному, талантливому, мало вліятельному, но искреннему, пытливому и

---

[1]) Выраженіе того же Княжнина въ его «Посланіи» къ кн. Дашковой.

много пострадавшему Өедору Кречетову. Его примѣръ довольно поучителенъ.

Дворянинъ по происхожденію, но, кажется, плохо обезпеченный Кречетовъ началъ службу писцомъ въ канцеляріи Карачевскаго воеводы (1761 г.). Потомъ онъ служилъ копіистомъ въ государственной юстицъ-коллегіи, писаремъ въ штабѣ фельдмаршала Разумовскаго и т. п. Въ 1775 г. онъ, дотянувъ до подпоручика, вышелъ въ отставку, а нѣсколько лѣтъ спустя, какъ видно, опять поступилъ на службу, былъ произведенъ въ поручики и причисленъ къ Герольдіи Прав. Сената. Этимъ и закончилось его медленное восхожденіе по чиновной лѣстницѣ. Въ будущемъ его ждали только неудачи и жестокія преслѣдованія [1]).

Между своими товарищами по канцелярской службѣ Кречетовъ былъ чѣмъ-то въ родѣ бѣлаго ворона, такъ какъ много читалъ, думалъ и даже самъ задавался широкими литературными планами.

Впослѣдствіи, когда онъ попалъ въ Тайную Экспедицію, его допрашивали, зачѣмъ онъ дѣлалъ выписки изъ сочиненій, посвященныхъ политическимъ вопросамъ. Особенно заинтересовали Тайную Экспедицію выписки изъ книги: «О государственномъ Правленіи». Выписки эти заслуживаютъ вниманія не только съ точки зрѣнія Управы Благочинія.

Въ нихъ говорится о томъ, что общество имѣетъ право устраивать какъ найдетъ нужнымъ свое правительство и вносить въ него любыя измѣненія; что главной цѣлью всякаго правительства должно быть народное благо [2]), а самое большое «благо народа—вольность, которая въ обществѣ, составляющемъ Государство, есть то, что здравіе въ каждомъ человѣкѣ». Дальше идутъ соображенія о томъ, что законы во всякомъ случаѣ должны обуздывать гордость владычествующихъ и что нужна временная или постоянная власть, «устрашающая благородныхъ».

Республиканскихъ идей въ выпискахъ, приведенныхъ въ статьѣ г. Королькова, не встрѣчается. Въ нихъ даже сказано, что царствованіе добродѣтельнаго и справедливаго монарха

---

[1]) См. статью Г. М. Королькова: «Поручикъ Өедоръ Кречетовъ—Шлиссельбургскій узникъ XVIII столѣтія» въ апрѣльской кн. «Былого» за 1906 г.

[2]) Это напоминаетъ Гельвэція, доказывавшаго, что народное благо есть высшій законъ. Къ сожалѣнію, изъ статьи г. Королькова, имѣвшаго возможность документально ознакомиться съ дѣломъ Кречетова, не видно, кто былъ авторомъ книги «О государственномъ Правленіи». Ясно только, что въ ней выражались передовыя политическія идеи того времени.

можетъ принести съ собою золотой вѣкъ. Но зато прибавлено, что «ежели монархъ не таковъ, то начальное основаніе, служащее къ возвышенію душъ его подданныхъ,... превращается въ подлость и рабство». Это, конечно, не могло понравиться чиновникамъ Тайной Экспедиціи. И было ясно, что мысль Кречетова уже перестала довольствоваться ходячими понятіями о политической власти. Однако, изъ этого еще не слѣдуетъ, что Кречетовъ усвоилъ себѣ политическія ученія идеологовъ французской буржуазіи. Надо помнить, что въ данномъ случаѣ сѣмена западныхъ ученій попадали въ почву, получившую своеобразную подготовку.

Въ своей юности Кречетовъ учился очень мало. Онъ получилъ «домашнее» образованіе, а въ этомъ образованіи въ качествѣ учебныхъ пособій служили тогда по старому обычаю псалтырь и другія священныя книги. Любознательный юноша очень усердно читалъ печатныя произведенія этого рода. Они произвели на него значительное впечатлѣніе и не переставали привлекать его вниманіе даже и въ зрѣломъ возрастѣ. Поэтому взгляды, сложившіеся у него съ теченіемъ времени, представляли собой смѣсь передовыхъ идей французской философіи съ болѣе или менѣе оригинально истолкованнымъ христіанскимъ ученіемъ.

Но и эти смѣшанные — скажу прямо, запутанные — взгляды первоначально не заключали въ себѣ ровно ничего оппозиціоннаго. Кречетовъ долго вѣрилъ, что Екатерина II принадлежитъ къ числу именно тѣхъ монарховъ, которые приносятъ съ собою золотой вѣкъ, и собирался по мѣрѣ своихъ силъ способствовать осуществленію ея просвѣтительныхъ плановъ. Онъ вознамѣрился учредить «Всенародное, вольное къ благодѣтельствованію всѣхъ общество», цѣлью котораго было заведеніе школъ для распространенія въ Россіи юридическихъ знаній. Въ качествѣ человѣка, собственный опытъ котораго долженъ былъ хорошо ознакомить его съ ужасами нашего правосудія, Кречетовъ считалъ юридическое образованіе населенія самымъ необходимымъ условіемъ обезпеченія народнаго блага. Наивно думая, что правительство Екатерины можетъ только одобрить его благое намѣреніе, онъ подавалъ какъ самой государынѣ, такъ и синоду, митрополиту и разнымъ вельможамъ прошенія, въ которыхъ усердно доказывалась все та же мысль о необходимости поскорѣе организовать проектированное имъ общество. Въ то же время въ воззваніяхъ, обращенныхъ то къ гражданамъ вообще, то къ женщинамъ, то къ духовенству,

онъ распространялся о пользѣ просвѣщенія и, наконецъ, писалъ стихи, въ которыхъ опять говорилъ о томъ, какъ важно для общества правосудіе [1]).

Большое сочиненіе въ стихахъ, озаглавленное: «Камилловы пять сновидѣній», содержитъ въ себѣ цѣлую философію исторіи. Кречетовъ тамъ повѣствуетъ о томъ, какъ возникли разнаго рода власти,

... Какъ въ обществахъ введенъ законъ имѣть судей,
На толикъ всѣхъ предметъ, чтобы лучшихъ избирати
Изъ всѣхъ родовъ людей, судьями засѣдати,
Которые бъ могли судить разумно всѣхъ
По правдѣ...

Первоначально дѣла разбиралъ самъ народъ, но послѣ, «за трудностью народъ на судъ сбирать», постановлено было дать разумнѣйшимъ званіе сенаторовъ и поручить имъ рѣшеніе «общихъ всякихъ споровъ». Однако, сенаторы стали злоупотреблять ввѣренной имъ судебной властью. Явились неправды, раздоры, ссоры и драки. Въ виду этого граждане сказали себѣ:

. . . . да изберемъ Монарха
И къ оному еще на помощь Патріарха,
Которые бъ для всѣхъ имѣли правый судъ,
И пусть они на то намъ дѣло присягнутъ:
Чтобъ быть Монархамъ—всѣмъ намъ милыми отцами
А Патріархамъ—какъ добрымъ пастырямъ надъ кроткими овцами [2]).

Замѣтьте, монархія изображается здѣсь средствомъ борьбы съ бѣдствіями, порожденными учрежденіемъ Сената, т. е. аристократіей. Кречетовъ вообще не сочувствовалъ аристократическимъ стремленіямъ родовитаго дворянства. Въ спорѣ между *породой* и *чиномъ* онъ былъ на сторонѣ чина. Онъ писалъ, что честь должна принадлежать тому, кто оказалъ государству услуги, а не тому, кто происходитъ отъ знатныхъ предковъ:

Какую пользу въ томъ имѣетъ Государство,
Коль кто, за пятьсотъ лѣтъ считавъ свое дворянство,
Имѣетъ право то жъ, какъ дѣдъ имѣлъ его.

---

[1]) Вспомнимъ, какъ жестоко воевала съ крапивнымъ сѣменемъ наша сатира XVIII столѣтія.

[2]) Тамъ же, стр. 45.

Скажу больше. Изъ его бумагъ не видно, чтобы онъ имѣлъ какое-нибудь возраженіе противъ той мысли, выписанной имъ изъ книги «О государственномъ правленіи», что нужна власть, способная устрашить «благородныхъ».

Свѣтская власть государя дополняется у Кречетова духовной властью патріарха. О демократіи нѣтъ и рѣчи: съ нею покончено весьма простымъ соображеніемъ о трудности «народъ собрать». Политическое вольномысліе автора даетъ себя чувствовать развѣ лишь въ намекѣ на законы, называвшіеся у Панинызъ *фундаментальными*, а у Щербатова—*основательными:*

А въ Россахъ чтобъ уставить добры нравы,
Потребно учредить всеобщіе уставы:
Чтобъ добрыхъ не казнить дѣтей за злыхъ отцовъ,
А злыхъ не награждать за добрыхъ ихъ дѣдовъ,
Но всякому свое, чтобъ воздавати право.

Намекъ, заключающійся въ этихъ строкахъ, такъ скроменъ, что рѣшительно не можетъ служить признакомъ революціоннаго настроенія ихъ автора. Да и невозможно подозрѣвать въ такомъ настроеніи человѣка, написавшаго,—какъ разъ около того времени, къ которому относятся «Камилловы сновидѣнія»,— *Оду въ честь мудраго правленія Екатерины II* [1]).

Такъ какъ до 1787 г. изъ его многочисленныхъ сочиненій появилась въ печати только одна брошюра: «Не всіо и не ничево», то въ этомъ году онъ задумалъ напечатать ихъ въ особомъ періодическомъ изданіи. Объявленіе объ этомъ изданіи вышло въ видѣ брошюры, озаглавленной: «Открытіе новаго изданія; души и сердца пользующаго.—О всѣхъ и за вся и о всемъ къ всѣмъ или Россійскій Патріотъ и патріотизмъ» [2]). Но тутъ ему не повезло.

Петроградскій митрополитъ нашелъ заглавіе новой брошюры сомнительнымъ, такъ какъ слова: «о всѣхъ и за вся» произносятся во время литургіи. Онъ обратилъ на него вниманіе полицеймейстера. Полицеймейстеръ отнеся къ Управѣ Благочинія. Управа Благочинія, подвергнувъ допросу больного тогда Кречетова, нашла, что дѣло это ей не подсудно, и передала его въ Нижній Надверный Судъ. Словомъ, пошла писать губернія,

[1]) Въ статьѣ Короликова напечатано, что ода написана была въ 1775 г. но по ходу изложенія видно, что это *опечатка* и что ода относится къ 1785 г., т. е. къ году, слѣдующему за окончаніемъ «Камилловыхъ сновидѣній».

[2]) Въ разстановкѣ знаковъ препинанія слѣдую подлиннику.

какъ выражается Гоголь. Результатомъ волокиты, къ которой приложилъ значительныя усилія тотъ же петроградскій митрополитъ, явилось запрещеніе Кречетову упражняться «въ такихъ не заслуживающихъ одобренія сочиненіяхъ» и печатать ихъ «самовольно».

Это значило: перестань заниматься литературой. И это было тяжелымъ ударомъ для Кречетова. Онъ сталъ озлобляться противъ государыни, мудрое правленіе которой онъ такъ недавно превозносилъ въ своей одѣ. У него стали вырываться рѣзкіе отзывы о ней и вообще о нашихъ порядкахъ. А это повело за собою новую, на этотъ разъ еще гораздо болѣе непріятную волокиту.

IX.

Въ апрѣлѣ 1793 г. нѣкто Малевинскій, домашній парикмахеръ гр. Г. Г. Татищева, у котораго жилъ тогда Кречетовъ,— подалъ петроградскому губернатору доносъ, гдѣ было, между прочимъ, сказано, что «онъ (Кречетовъ, Г. П.), негодуя на необузданность власти, возставъ на злоупотребленія, возвращаетъ права народу». Въ приложенномъ къ доносу прошеніи на имя императрицы Малевинскій доводитъ до ея свѣдѣнія, что Кречетовъ произносилъ «непристойныя и укорительныя слова» по ея адресу, бранилъ «Высочайшихъ наслѣдниковъ» (sic!) и государство, а «весь сенатъ ругалъ, яко воровъ и разбойниковъ». Наконецъ, предатель докладывалъ, что Кречетовъ собирается просвѣтить Россію и тѣмъ избавить народъ отъ царскаго ига, въ которомъ (sic!) онъ по слѣпотѣ своей пребываетъ, и путемъ общаго законодательства сдѣлать законы ненарушимыми[1]).

Доносъ Малевинскаго подтвержденъ былъ показаніями нѣкоего Скворцова, а особенно регистратора Окулова, бывшаго пріятелемъ Кречетова. Кромѣ рѣзкихъ отзывовъ о государынѣ, наслѣдникѣ престола, митрополитѣ, Тайная Экспедиція услыхала отъ Окулова, что Кречетовъ, разсуждая о французской революціи, прибавлялъ, что такой же взрывъ можетъ произойти и въ Россіи. Чиновникамъ, производившимъ слѣдствіе, стало ясно, что они имѣютъ дѣло съ очень опаснымъ преступникомъ.

Какъ человѣкъ «злого нрава и гнусной души», какъ «совершенный бунтовщикъ» и какъ «извергъ рода человѣческаго»,

---

[1]) Тамъ же, стр. 47, 48, 49.

Кречетовъ, собиравшійся «сдѣлать въ Россіи правленіе таково, которое бы разрушило все благоустроенное въ нынѣшнемъ положеніи Государство», приговоренъ былъ къ заключенію въ Петропавловской крѣпости «до Высочайшаго указа», т. е. на неопредѣленное время. Но неопредѣленность закралась въ приговоръ совсѣмъ не потому, чтобы судьи считали возможнымъ современемъ освободить узника. Нѣтъ! Въ Петропавловской крѣпости рѣшено было содержать его «до указа» въ силу другого соображенія: «потому паче,—сознается приговоръ,— что иногда не откроется-ль еще какого на него здѣсь извѣщенія»[1]).

Это соображеніе очень скоро оправдалось. Черезъ мѣсяцъ послѣ приговора Кречетова опять потянули въ Тайную Экспедицію, такъ какъ въ его бумагахъ найдены были новыя доказательства его злыхъ намѣреній. Въ одной запискѣ у него сказано было, что слѣдуетъ объяснить «великость дѣлъ Петра III». Правительство Екатерины II захотѣло узнать, въ чемъ эти дѣла заключаются. Кречетовъ объяснилъ, что разумѣлъ подъ ними два указа: «во-первыхъ о вольности дворянства, а во-вторыхъ о томъ, чтобы истцовъ не отдавать подъ судъ тѣмъ, на которыхъ они жалуются или доносятъ». Потомъ ему поставлено было еще нѣсколько вопросовъ въ такомъ же родѣ. Такъ, изъ другой записки Кречетова видно было, что онъ собирался,— *только собирался*,—написать новое толкованіе на символъ вѣры. Это его намѣреніе признано было преступнымъ, такъ какъ старый символъ «кровью великаго числа мучениковъ запечатлѣнъ». Но подобныя обвиненія едва ли принимались въ серьезъ. Важнѣе былъ слѣдующій отзывъ Кречетова о государяхъ. Его спросили, какъ понимать ту его,—тоже занесенную имъ на бумагу,— мысль, что Іисусъ есть монархъ всего рода человѣческаго: «мы и кромѣ Іисуса Христа имѣемъ монарховъ, разумѣя подъ симъ титломъ самодержавныхъ коронованныхъ главъ», обидчиво прибавляли судьи. Кречетовъ отвѣчалъ: «я бы думалъ признать монархомъ одного Іисуса Христа, а коронованныхъ главъ я почитаю только лишь какъ хранителей закона и исполнителей его».

Злая воля его подлежала теперь въ глазахъ власти еще меньшему сомнѣнію, чѣмъ прежде. Въ новомъ докладѣ объ его дѣлѣ генералъ-прокуроръ писалъ:

«Изъ всѣхъ его мыслей и произносимыхъ имъ словъ видно, что онъ не хочетъ, чтобы были монархи, а заботится

---

[1]) Тамъ же, стр. 53.

болѣе о равенствѣ и вольности для всѣхъ вообще, ибо онъ, между прочимъ, сказалъ, что разъ дворянамъ сдѣлали вольность, для чего-жъ не распространить оную и на крестьянъ, вѣдь и они такіе же человѣки». Нельзя не признать, что такая мысль, непремѣнно, должна была показаться крайне «гнусной» дворянскому правительству Екатерины II: послѣ указа о вольности дворянства, крестьяне принялись разсуждать совершенно такъ, какъ разсуждалъ въ этомъ случаѣ Кречетовъ, и мѣстами отказались повиноваться помѣщикамъ. Надо было подальше запрятать «изверга», высказывавшаго такія мысли. По повелѣнію Екатерины, Кречетова перевезли въ Шлиссельбургскую крѣпость[1]).

Кречетовъ вышелъ изъ тюремнаго заключенія только по восшествіи на престолъ Александра I. Павелъ, который освободилъ многихъ лицъ, осужденныхъ Екатериною, не захотѣлъ распространить на него свою милость: вѣроятно, потому, что, рѣзко отзываясь объ императрицѣ, Кречетовъ не щадилъ и наслѣдника престола.

Подводя итогъ тѣмъ взглядамъ, къ которымъ пришелъ этотъ многострадальный неудачникъ, разочаровавшись въ Екатеринѣ, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, что они отличаются *большою умѣренностью*. Не отрицая своихъ рѣзкихъ отзывовъ о государынѣ и только стараясь объяснить ихъ раздражительностью, вызванною болѣзненнымъ состояніемъ, Кречетовъ рѣшительно отвергъ приписанное ему Окуловымъ сочувствіе къ тому, что происходило тогда во Франціи. Изъ его объясненій видно, что революція представлялась ему «*величайшимъ зломъ*», котораго Россія *можетъ и должна избѣжать посредствомъ своевременныхъ реформъ*. Возможно, что до начала во Франціи террора онъ иначе относился къ революціи, но терроръ испугалъ его, какъ испугалъ онъ во Франціи и за ея предѣлами всѣхъ тѣхъ, которые, осуждая старый порядокъ, надѣялись, что свобода можетъ быть куплена не очень дорогой цѣной. Ниже мы увидимъ, что взглядъ на революцію, какъ на зло, появленію котораго въ Россіи слѣдуетъ помѣшать своевременными реформами, раздѣлялся у насъ также многими декабристами.

Но это не все. Хотя Кречетовъ, мысль котораго совпала тутъ съ завѣтной думой народа,—и находилъ, что дворянская вольность логически должна повести за собой освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; хотя онъ, кажется, и

---

[1]) Тамъ же, стр. 60.

соглашался съ тѣмъ, что нужны законы, устрашающіе благородныхъ, но къ народу онъ относился съ презрительнымъ недовѣріемъ. Отвергая приписываемое ему намѣреніе освободить крестьянъ посредствомъ военнаго бунта, онъ утверждалъ, что «и мыслей таковыхъ имѣть не могъ», такъ какъ хорошо знаетъ, какія бѣдствія могутъ произойти «въ общежитіи изъ вольности невѣждъ». Онъ былъ убѣжденъ, что давать невѣждамъ вольность «есть то же самое, что давать дѣтямъ ножи вмѣсто игрушекъ». Развивая эту идею, онъ прибавилъ что «настоящую силу свободы и грамотные не всѣ разумѣютъ, а у насъ въ народѣ великая часть грамотѣ неумѣющихъ» [1]).

Если вольность «невѣждъ» представляетъ собою нѣчто крайне опасное для «общежитія» и если, съ другой стороны, лица, держащія въ своихъ рукахъ судьбы страны, пренебрегаютъ ея благомъ, то выхода нѣтъ, спасенія ждать не-откуда. Это умозаключеніе само собой должно было навязываться повременамъ Кречетову. И поскольку онъ останавливался на немъ, постольку онъ долженъ былъ переживать безотрадное настроеніе.

Кто, желая работать на пользу народа, видитъ въ немъ лишь невѣжественную массу, не способную къ исторической самодѣятельности, тотъ неизбѣжно чувствуетъ себя очень слабымъ. Передовая русская интеллигенція сознавала это и, все болѣе и болѣе настойчиво, порою не отступая даже передъ самообманомъ, стремилась додуматься до такого взгляда на трудящуюся массу, который позволялъ бы вѣрить, что, несмотря на свою неграмотность, масса эта способна понять и отстоять какъ свой собственный интересъ, такъ и совпадающій съ нимъ интересъ всего «общежитія».

Зачатокъ такого взгляда мы найдемъ уже у Радищева [2])

---

[1]) Тамъ же, стр. 57.

[2]) Кстати. Разговаривая съ Окуловымъ объ арестѣ Радищева, Кречетовъ, хотя и порицалъ Екатерину за строгое къ нему отношеніе, однако, утверждалъ, что «Радищевъ своею книгою одно дурачество и глупость показалъ». (См. тамъ же, стр. 52). На чемъ основывался этотъ рѣзкій отрицательный отзывъ, остается совершенно неизвѣстнымъ.

ГЛАВА XI.

Реакція противъ освободительной философіи XVIII в. на Западѣ Европы и въ Россіи.

I.

Передовая философія XVIII в. была теоретическимъ выраженіемъ практическихъ стремленій третьяго сословія во Франціи. Совершенно понятно, что она встрѣчала энергичный отпоръ со стороны тѣхъ классовъ, интересамъ которыхъ противорѣчили эти стремленія. Не нужно обманываться тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ салонахъ французской аристократіи охотно разсуждали о сочиненіяхъ энциклопедистовъ. Тутъ было крайне поверхностное увлеченіе, лишь въ малой степени уменьшавшее тѣ трудности, которыя стояли на пути къ распространенію новыхъ философскихъ идей. Вспомнимъ хотя бы судьбу «Энциклопедіи». Какъ часто приходилось ея редакторамъ и издателямъ дрожать за ея судьбу. Главный редакторъ ея, благородный Дидро, собственнымъ горькимъ опытомъ узналъ, сколько препятствій лежитъ на пути къ осуществленію освободительнаго идеала новой философіи. Онъ утѣшалъ себя, какъ мы знаемъ, тою мыслью, что въ отсталыхъ странахъ, гдѣ еще «ничего не сдѣлано», этотъ идеалъ можетъ быть осуществленъ съ большею легкостью. Но уже одно то обстоятельство, что этотъ *передовой* французъ могъ видѣть въ *отсталости* залогъ прогресса, показываетъ, что онъ ясно сознавалъ, какую тяжелую борьбу придется выдержать послѣдователямъ новой философіи въ передовыхъ странахъ Европы.

Съ этой философіей свѣтская власть боролась такъ же усердно, какъ и духовная.

Свѣтская власть дѣйствовала черезъ посредство прокуроровъ, облекавшихъ въ юридическую форму обвиненія, выдвигавшіяся противъ авторовъ «нечестивыхъ произведеній» (productions de l'impiété) [1]; черезъ посредство палачей, сжигавшихъ

---

[1]) Для примѣра укажу на обвинительную рѣчь, съ которой прокуроръ Сэгье выступилъ въ 1770 г. противъ «Système de la Nature» и шести другихъ «дурныхъ» книгъ.

М. М. Щербатовъ.

эти произведенія, когда судьи выносили противъ нихъ запретительные приговоры, и, наконецъ, черезъ посредство тюремщиковъ, подъ надзоромъ которыхъ содержались провинившіеся писатели, когда ихъ отправляли въ Бастилію, въ Венсэнъ или въ другія мѣста заключенія.

Духовная власть выступала въ лицѣ разныхъ, болѣе или менѣе высокопоставленныхъ, сановниковъ католической церкви, которые, обличая новыхъ мыслителей «въ превратныхъ толкованіяхъ», тѣмъ самымъ навлекали на нихъ громы прокурорскаго краснорѣчія [1]. Точка зрѣнія церкви защищалась также цѣлымъ легіономъ писателей, выступавшихъ на самыхъ различныхъ поприщахъ,—вплоть до театральной сцены. Органъ іезуитовъ, «Le journal de Frevoux», и органъ янсенистовъ, «Les Nouvelles ecclésiastiques», вели ожесточенную и систематическую пропаганду противъ освободительной философіи.

Кромѣ этихъ *офиціальныхъ* противниковъ, освободительная французская философія имѣла еще—*неофиціальныхъ*. Эти послѣдніе относились къ ней съ такою же ненавистью и были для нея не менѣе, если даже не болѣе, опасны. Я говорю о *мистикахъ*.

Что такое *мистицизмъ*? Еще Фейербахъ справедливо жаловался на слишкомъ большую неопредѣленность этого выраженія. Поэтому я нахожу полезнымъ отмѣтить здѣсь тѣ стороны мистическаго взгляда на міръ, которыя наиболѣе важны для исторіи общественной мысли. Обращаюсь къ помощи А. Н. Пыпина.

«Названіе мистицизма,—писалъ онъ,—прилагается вообще къ тому нравственно-религіозному взгляду, который принимаетъ, что ясное понятіе о божествѣ, природѣ и человѣкѣ невозможно для обыкновеннаго человѣческаго познанія, что этого понятія не даютъ и положительныя религіи и что оно достигается непосредственнымъ приближеніемъ къ божеству, чудеснымъ единеніемъ съ высшимъ божественнымъ міромъ, которое приходитъ внѣ всякой дѣятельности сухого разсудка» [2].

---

[1] Впрочемъ, католическая церковь навлекала эти громы на «вредныхъ» писателей не только проповѣдями, но очень часто и прямыми доносами. Какъ замѣтилъ одинъ французскій писатель, начиная съ половины XVIII вѣка, ни одинъ съѣздъ французскаго духовенства не закончился безъ того, чтобы не обратить вниманія короля и магистратуры на успѣхи «философизма» (progrés du philosophisme). Преслѣдованіе противъ «Systême de la Nature» начато было вслѣдствіе представленія, сдѣланнаго королю духовнымъ съѣздомъ 1770 года. Лицо, дѣлавшее это представленіе отъ имени съѣзда, жаловалось королю, между прочимъ, на то, что авторъ «Systême de la Nature» продолжаетъ «наслаждаться зрѣлищемъ неба, которое онъ оскорбляетъ».

[2] Русское масонство. Петроградъ. 1916 г., стр. 204.

Это опредѣленіе можно признать удовлетворительнымъ для нашей цѣли, такъ какъ оно выдвигаетъ на первый планъ именно тѣ стороны мистицизма, на которыя намъ необходимо обратить вниманіе.

Когда проченъ данный общественный строй, тогда непоколебима и возникшая на его основѣ система религіозныхъ вѣрованій. Когда онъ отживаетъ свой вѣкъ, тогда разлагается и названная система. Это же видимъ мы и во Франціи XVIII в. Упадокъ «стараго порядка» сопровождался въ ней ослабленіемъ вліянія католической церкви. Однако, далеко не всѣ французы, ушедшіе изъ-подъ вліянія католицизма, отказались тогда отъ анимистическаго взгляда на міръ. Въ исторіи человѣческой культуры убѣжденіе въ томъ, что міръ управляется однимъ, нѣсколькими или многими духами, предшествовало возникновенію положительныхъ религій. И оно пережило очень многія изъ нихъ. Когда стали разлагаться религіи античнаго міра, анимистическая точка зрѣнія осталась крайне распространенной. И тогда началъ усиливаться *мистицизмъ*, характеризующійся, какъ мы уже слышали отъ А. Н. Пыпина, вѣрой въ возможность непосредственнаго единенія человѣка съ божествомъ и вообще съ духами.

Нѣчто подобное произошло и во Франціи, когда въ ней сталъ рваться по всѣмъ швамъ «старый порядокъ» (l'ancien régime). Разложеніе «стараго порядка» повело за собою упадокъ вліянія католицизма. Но этимъ самымъ вызвана или усилена была склонность къ мистицизму во многихъ изъ тѣхъ французовъ, которые, хотя и перестали уже удовлетворяться католической религіей, но еще не возвысились до научнаго взгляда на міровой процессъ, какъ на процессъ закономѣрный и въ самомъ себѣ заключающій свою причину, а стало быть и свое объясненіе.

Не всѣмъ мистикамъ въ одинаковой степени свойственно равнодушіе къ положительнымъ религіямъ. Тутъ, какъ и вездѣ, есть оттѣнки. Нѣкоторые мистики совсѣмъ порываютъ связь съ положительными религіями; другіе—стараются сохранить свою связь съ тою или другою изъ нихъ. Такъ, русскіе мистики XVIII столѣтія въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ искренно считали себя вѣрными членами православной церкви. Однако, въ большей или меньшей,—иногда, какъ только что сказано, совсѣмъ малой,—степени равнодушіе къ догматамъ и обрядамъ положительныхъ религій свойственно всѣмъ вообще мистикамъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже нападали на положи-

тельныя религіи. Но это вовсе не значитъ, что они были сторонниками научнаго міровоззрѣнія. Нѣтъ, людямъ, склоннымъ къ мистицизму, это міровоззрѣніе, пожалуй, еще болѣе чуждо и ненавистно, нежели приверженцамъ положительныхъ религій. Поэтому не рѣдко бывало такъ, что мистики осуждали ту или другую положительную религію, главнымъ образомъ, потому, что она, по ихъ мнѣнію, служила недостаточно сильной опорой *противъ невѣрія*.

Вотъ, напримѣръ, извѣстный французскій мистикъ XVIII в. Сэнъ-Мартэнъ (1743—1803), осуждая католицизмъ, говорилъ: «Ce sont les prêtres qui ont engendré les philosophes, et les philosophes qui engendrent le néant et la mort» (священники породили философовъ, а философы родятъ всеобщее уничтоженіе и смерть). Ясно, что главнымъ зломъ своего времени онъ считалъ не католицизмъ, а освободительную философію. И неудивительно, что философы, которыхъ такъ не любилъ Сэнъ-Мартэнъ, платили ему тою же монетою. Вольтеръ отзывался о книгѣ «неизвѣстнаго философа»[1] «Des erreurs et de la vérité ou des hommes rappelés au principe universel de la science», вышедшей въ 1775 г., какъ о самомъ нелѣпомъ произведеніи, какое только случалось ему читать[2]).

Говоря объ этомъ сочиненіи, одинъ изъ нашихъ изслѣдователей замѣтилъ недавно, что авторъ его «подъ маской таинственности дѣлалъ нападеніе на религіи и на самую власть»[3]). Мы уже знаемъ, какъ надо понимать нападки Сэнъ-Мартэна на католицизмъ. Что касается его отношенія къ власти, то оно вполнѣ соотвѣтствовало его отношенію къ религіи. Онъ былъ недоволенъ современными ему французскими порядками. Но при этомъ онъ утверждалъ, что перемѣны къ лучшему слѣдуетъ ожидать не отъ человѣческой мудрости, а отъ вмѣшательства Провидѣнія (une intervention de la Providence) въ ходъ историческаго развитія Франціи. Общій характеръ міросозерцанія Сэнъ-Мартэна, игравшаго очень большую роль въ мистической литературѣ XVIII столѣтія, можетъ быть выраженъ въ томъ, что у него многое заимствовалъ величайшій реакціонеръ конца XVIII и начала XIX столѣтій, талантливый и страстный Жозефъ де-Мэстръ.

---

[1]) Псевдонимъ Сэнъ Мартэна.

[2]) «Не думаю,—говорилъ онъ,—чтобы когда-нибудь было напечатано что-либо болѣе абсурдное, темное, нелѣпое и глупое, чѣмъ эта книга».

[3]) Г. Васютинскій въ статьѣ «Французское масонство» (Масонство въ его прошломъ и настоящемъ, подъ редакціей С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова, т. I, стр. 52).

Вполнѣ понятно, что философы, которыхъ такъ не любили мистики, ни мало не обманывались на счетъ истинной природы мистицизма. Авторъ напечатанной въ «Энциклопедіи» статьи «Théosophes» называетъ мистиковъ людьми, страдавшими періодическимъ разстройствомъ («dérangement périodique de la machine»). По его словамъ, современные ему французскіе мистики старались до послѣдней возможности уменьшить область разума и ограничить область человѣческихъ знаній книгами Ветхаго и Новаго Завѣта. Мы погрузились бы въ варварство, если бы правительства послушались ихъ совѣтовъ,— говоритъ онъ.

Отвергая французскую философію XVIII вѣка, мистики больше всего нападали на матеріалистовъ, которыхъ Сэнъ-Мартэнъ называлъ «les philosophes de la matière». Это—логично, такъ какъ матеріалистическая философія, и только она одна, представляетъ собою полную противоположность философіи мистицизма. Для матеріалиста человѣкъ, со всѣми своими свойствами, есть не болѣе, какъ часть природы. Для мистика, сама природа есть не что иное, какъ откровеніе божества.

По ученію Сэнъ-Мартэна, физическій міръ есть символъ міра духовъ, а міръ духовъ есть символъ божественнаго міра. Согласно матеріалистической теоріи, единственнымъ источникомъ познанія служитъ опытъ, истолкованный человѣческимъ разумомъ. По ученію мистиковъ, наиболѣе глубокія, единственныя, истинныя познанія достигаются посредствомъ божественнаго откровенія. Мистическая философія природы есть не что иное, какъ теософія. Матеріалистъ отказывается вѣрить въ то, чего онъ не понимаетъ. Мистикъ говоритъ: crede, ut intelligas! (вѣрь, чтобы понимать). Матеріалистъ отвергаетъ магію съ тѣмъ же презрѣніемъ, съ какимъ относится онъ ко всякому знахарству и колдовству. Въ глазахъ мистика, магія есть нѣчто гораздо болѣе почтенное и серьезное, нежели наше обыкновенное естествознаніе. Сэнъ-Мартэнъ поставилъ себѣ задачу привести человѣческій духъ къ «сверхъестественнымъ вещамъ» (aux choses surnaturelles).

Тотъ же Сэнъ-Мартэнъ говоритъ, что надо объяснять вещи (природу)—человѣкомъ, а не человѣка—вещами (природой) [1]. Въ этихъ немногихъ словахъ, какъ нельзя ярче, обозначена прямая противоположность мистическаго міровоззрѣнія матеріалистическому.

[1]) Вполнѣ вѣрный этому взгляду, онъ училъ, что *нужно изучать телеологическіе законы природы и первопричину ея бытія, а не явленія.*

Исходной точкой матеріалистическаго ученія о человѣческомъ характерѣ служила та мысль, что онъ складывается подъ вліяніемъ окружающей обстановки. Важнѣйшей составной частью этой обстановки является, по мнѣнію матеріалистовъ, общественный строй. Объяснять человѣческій характеръ общественнымъ строемъ значило объяснять человѣка, если не *вещами*, то *отношеніями* (общественными). Съ этимъ, разумѣется, не могли помириться мистики. Въ своемъ ученіи о человѣческомъ характерѣ они отправлялись отъ понятія о человѣческой душѣ. Въ ней живетъ, говорили они, частица божественнаго огня, и, чтобы надлежащимъ образомъ воспитать человѣка, нужно только воспользоваться ею. Въ виду божественнаго происхожденія этой частицы, совершенно ясно, что общественныя отношенія никакъ не могутъ имѣть на нее рѣшающаго вліянія. Царство божіе внутри насъ. И достигается оно не переустройствомъ общества, а извѣстными духовными «упражненіями», главнымъ образомъ, мистическими, т. е. имѣющими цѣлью непосредственное единеніе человѣка съ божествомъ.

Излагая «философію» знаменитаго германскаго мистика Якова Беме (1575—1624), Виндельбандъ замѣтилъ, что *этическимъ* слѣдствіемъ ея надо признать *бѣгство изъ міра* [1]). Это справедливо не только въ примѣненіи къ «философіи» Беме. *Всякая* мистическая мораль есть не что иное, какъ проповѣдь бѣгства изъ дѣйствительнаго земного міра въ фантастическій духовный міръ. Мистики нападали на матеріалистическое ученіе о нравственности, наивно принимая его за проповѣдь эгоизма. Но на самомъ дѣлѣ эгоистична именно мораль мистика, который, въ послѣднемъ счетѣ, заботится только о томъ, чтобы поставить свою собственную душу въ желательное отношеніе къ міру духовъ.

Матеріалистическое ученіе о человѣческомъ характерѣ умозаключаетъ къ общественной реформѣ. Въ глазахъ послѣдовательнаго мистика такая реформа никакого серьезнаго значенія не имѣетъ.

Мистицизмъ XVIII вѣка, бывшій плодомъ разложенія стараго порядка, былъ вмѣстѣ съ этимъ реакціей противъ революціонныхъ стремленій того времени. Вотъ почему матеріалистическое ученіе о нравственности широко распространялось въ періодъ, непосредственно предшествовавшій французской революціи, между тѣмъ какъ мистическая этика, въ томъ или

[1]) Исторія новой философіи русскій переводъ подъ редакціей А. И. Введенскаго, второе изданіе, т. I, стр. 99.

другомъ видѣ, получила преобладаніе въ ту эпоху политической и умственной реакціи, которая наступила послѣ бурь, вызванныхъ этой революціей [1]).

II.

Мистицизмъ XVIII вѣка *мѣстами* глубоко проникъ въ масонское движеніе. Говорю: *мѣстами*—потому, что, напримѣръ, англійская «система» масонства чужда была мистическаго духа. Правда, англійскіе масоны отказываются принимать въ свою среду «безсмысленныхъ атеистовъ». Масонъ, непремѣнно, долженъ быть религіознымъ человѣкомъ. Но знаменитая «Новая Книга Конституцій» пастора Андерсена сводитъ обязательную для всѣхъ масоновъ религію къ совокупности простыхъ нравственныхъ требованій. Англійское масонство того времени выражало собою стремленіе къ компромиссу между различными христіанскими вѣроисповѣданіями, жестоко воевавшими между собою въ эпоху англійской революціи и реставраціи. Когда удовлетворены были главнѣйшія изъ тѣхъ общественныхъ нуждъ, которыми вызвана была англійская революція XVII вѣка, и когда изжита была наступившая послѣ революціи реакція, взаимная борьба религіозныхъ вѣроисповѣданій утратила свой общественный смыслъ. Какъ говоритъ И. М. Херасковъ, послѣ актовъ о вѣротерпимости, билля о правахъ (1689 г.), съ Утрехтскаго мира (1713 г.), обезпечившаго Англіи блестящее экономическое будущее, для людей господствующаго класса все казалось въ Англіи достигнутымъ—дальнѣйшія распри принимали въ ихъ глазахъ характеръ досадной, ненужной склоки; конечно, подъ режимъ свободы не подходилъ еще «безсмысленный атеизмъ», грозившій основамъ «цивилизованнаго христіанскаго общества»; подъ подозрѣніе брался и римскій католицизмъ съ его реакціонно-монархическими симпатіями, но во всемъ остальномъ между «лойяльными и честными людьми» не могло уже быть большихъ разногласій, о мелкихъ же не стоило спорить. Къ этимъ мелкимъ разногласіямъ относились теперь и богословскіе споры между представителями различныхъ сектъ [2]).

---

[1]) О Сэнъ-Мартэнѣ, сочиненія котораго пользовались очень большимъ авторитетомъ въ средѣ русскихъ мистиковъ XVIII столѣтія, см. Caro, Essai sur la vie et la doctrine de Saint-Martin, Paris 1852. Frank, La philosophie mystique en France au XVIII siècle. По-русски взгляды Сэнъ-Мартэна прекрасно изложены П. Н. Сакулинымъ въ его сочиненіи: «Изъ исторіи русскаго идеализма»,—князь В. О. Одоевскій, томъ I, часть I, стр. 395—4[illegible]2.

[2]) Происхожденіе масонства и его развитіе въ Англіи XVIII и XIX вв. «Масонство въ его прошломъ и настоящемъ», томъ I, стр. 20.

Вышедшая въ 1815 г. въ новомъ изданіи «Книга Конституцій» Андерсена,—первое изданіе которой явилось въ 1723 г.,—говоритъ: «та или иная религія и способъ поклоненій божеству не можетъ быть поводомъ къ исключенію кого бы то ни было изъ Общества франкъ-масоновъ, лишь бы онъ вѣровалъ въ славнаго Архитектора неба и земли и практиковалъ священныя обязанности морали» [1]). Тутъ нѣтъ мистицизма въ смыслѣ, указанномъ мною выше. Напротивъ, можно подумать, что авторы этихъ строкъ держались взглядовъ, близкихъ къ Вольтеровскому деизму.

Конечно, Вольтеръ отличался большею послѣдовательностью. Онъ въ самомъ дѣлѣ довольствовался вѣрованіемъ въ «славнаго Архитектора неба и земли» и исполненіемъ требованій морали, между тѣмъ какъ доступъ даже въ наиболѣе раціоналистическія масонскія ложи открытъ былъ только христіанамъ: евреи, магометане и проч. въ нихъ не принимались. Но хотя и не очень широки были предѣлы масонскаго деизма, однако, фактъ его существованія свидѣтельствуетъ о томъ, что масонство англійской «системы» не подчинялось вліянію мистиковъ. Англійская «система» проникла и во Францію, гдѣ существовали ложи, вѣроятно, значительно болѣе передовыя по своимъ взглядамъ, нежели—собственно англійскія. Такова была *Ложа Паукъ*, основанная знаменитымъ астрономомъ Лаландомъ въ 1769 г. Списки ея членовъ украшались именами Вольтера, Франклина, Кондорсе, Дюпати, Сіейса, Бальи, Ромма, Кабаниса, Гара, Камилла Демулэна и т. д. [2]). Въ такомъ же направленіи «работала» «*Энциклопедическая*» ложа въ Тулузѣ, основанная почти наканунѣ революціи и поспѣшившая купить для своей библіотеки Энциклопедію. Черезъ годъ по ея основаніи въ ней считалось уже около 120 членовъ [3]), занимавшихся преимущественно вопросами общественнаго благоустройства и филантропіей [4]). Но во Франціи только еще близилась та революція третьяго сословія, которая совершилась въ Англіи уже въ XVII столѣтіи. Какъ объяснено выше, упадокъ стараго порядка вызывалъ возникновеніе и распространеніе мистицизма, который проникалъ также и во многія масонскія ложи, члены которыхъ, подъ его вліяніемъ, начинали дѣятельно заниматься

---

[1]) Цитиров. у. Хераскова, тамъ же, стр. 33—34.

[2]) А. М. Васютинскій «Французское масонство въ XVIII в.» «Масонство въ его прошломъ и настоящемъ», т. I, стр. 55.

[3]) Въ среднемъ, французскія ложи имѣли отъ 15 до 80 членовъ.

[4]) А. М. Васютинскій, тамъ же, стр. 55—56. Любопытно, что *большинство членовъ Энциклопедической ложи состояло изъ ремесленниковъ.*

всякаго рода «тайными» науками (sciences occultes). *Эти* французскія ложи имѣли *реакціонный* характеръ. Кабалистика служила въ нихъ орудіемъ борьбы съ новой французской философіей.

Въ Германіи, далеко отстававшей тогда отъ Франціи на пути общественнаго развитія, духъ мистицизма встрѣчалъ менѣе рѣшительный отпоръ со стороны передовыхъ мыслителей и потому распространялся сильнѣе. Какъ выражается В. Н. Перцевъ, мистицизмъ становился тамъ своего рода общественной заразой, которой не всегда избѣгали даже люди, имѣвшіе привычку къ трезвому мышленію. Этотъ изслѣдователь приводитъ интересное признаніе очень извѣстнаго историка Іог. Мюллера (изъ одного письма его къ брату отъ 1790 г.):

«Во мнѣ,—говоритъ Іог. Мюллеръ,—есть что-то, что обыкновенно не уживается въ душѣ одного и того же человѣка: въ дѣлахъ свѣтскаго характера я за умѣренность, за порядокъ, за покой, за господство разума, но моя вѣра сама собой безъ книгъ, безъ обязательствъ, становится все болѣе мистической... Я считаю на дѣлѣ мистицизмъ за истинную универсальную религію...» [1]).

Поэтому нельзя обвинить В. Н. Перцева въ преувеличеніи, когда онъ говоритъ, что ходъ развитія нѣмецкаго масонства даетъ намъ самыя яркія страницы изъ исторіи нѣмецкаго оккультизма, чародѣйства, а иногда и прямого шарлатанства. Едва ли не больше всѣхъ «поработали» въ области чародѣйства, шарлатанства и, въ добавокъ, политическаго обскурантизма члены ордена «злато-розоваго креста» или *розенкрейцеры*.

Происхожденіе розенкрейцерства до сихъ поръ плохо выяснено. Основателемъ его считается І. В. Андреэ, жившій въ началѣ XVII столѣтія [2]). Но нельзя считать доказаннымъ, что въ этомъ столѣтіи розенкрейцеры существовали, какъ организованное цѣлое. Зато въ слѣдующемъ вѣкѣ орденъ злато-розоваго креста сыгралъ очень замѣтную роль не только въ Германіи, но и въ Россіи. Тогда онъ очень быстро слился съ масонствомъ.

«Гнѣздомъ его,—говоритъ А. Н. Пыпинъ,—былъ Берлинъ, а отличительной чертой необычайная смѣсь обскурантизма и

---

[1]) «Нѣмецкое масонство въ XVIII в.» «Масонство въ его прошломъ и настоящемъ», т. I, стр. 62».—«Нѣмецкое масонство получило вполнѣ опредѣленный *аристократическій отпечатокъ*» (В. Н. Перцевъ, тамъ же, стр. 68).

[2]) Г. Тукалевскій полагаетъ, что воззрѣнія розенкрейцеровъ идутъ отъ гностиковъ II и III вв. («Н. И. Новиковъ и І. Г. Шварцъ» «Масонство въ его прошломъ и настоящемъ» т. I, стр. 213).

суевѣрія, вмѣстѣ съ политической реакціей. Въ розенкрейцерствѣ какъ будто совмѣстилось все то преданіе мрачнаго застоя, съ которымъ боролось просвѣщеніе XVIII вѣка». Подобно другимъ, болѣе позднимъ масонскимъ системамъ, розенкрейцерство совершенно отклонилось отъ сравнительно раціоналистическаго преданія англійскаго масонства, съ величайшимъ усердіемъ занимаясь мистикой и всевозможными «тайными» науками. «Въ область розенкрейцерства были привлечены и творенія мистической философіи, во главѣ которой стоялъ Яковъ Бёме, и самыя необузданныя фантазіи «божественной алхиміи» и «божественной магіи»: отвергая съ пренебреженіемъ простую алхимію и магію, будто бы только грубо матерьяльныя, розенкрейцеры, на самомъ дѣлѣ, мечтали, однако, о добываніи золота, философскаго камня и т. д.» [1]).

Среди документовъ, принадлежащихъ Обществу любителей древней письменности, А. В. Семека нашелъ двѣ очень интересныхъ рукописи. Одна изъ нихъ объясняетъ, какъ производится, въ седьмой степени розенкрейцерства, «герметическая операція въ тайнѣ творенія». Подробно изложенное А. В. Семекой содержаніе этой рукописи заслуживаетъ величайшаго вниманія всѣхъ тѣхъ, которые хотятъ имѣть представленіе о томъ, какимъ духовнымъ оружіемъ боролась мистическая реакція XVIII вѣка съ передовой французской философіей.

Авторъ рукописи совѣтуетъ собрать въ полнолуніе майской росы и смѣшать ее съ двумя частями мужской и тремя— женской крови. Сосудъ, содержащій эту смѣсь, долженъ быть поставленъ въ умѣренно-теплое мѣсто. Скоро на днѣ сосуда получится красный осадокъ, а то, что останется сверху и что носитъ названіе «menstruum», должно быть отдѣлено въ особую стклянку и время отъ времени подливаемо въ первый сосудъ, куда надо прибавить, кромѣ того, одинъ гранъ «тинктуры изъ анимальнаго царства». Авторъ увѣряетъ, что черезъ нѣкоторое время въ сосудѣ окажется два живыхъ существа: «мужщинка и женщинка». Если налитая въ сосудъ кровь взята была отъ цѣломудренныхъ людей, то мужщинка и женщинка будутъ очень красивы. Въ противномъ случаѣ они окажутся полузвѣрями. При соблюденіи необходимыхъ условій, эти существа проживутъ цѣлый годъ, въ теченіе котораго отъ нихъ можно узнать все, что угодно, «ибо они тебя будутъ бояться и почитать». Но этого мало. По срединѣ того же сосуда выра-

---

[1]) А. Н. Пыпинъ. Русское масонство, стр. 488—489.

отаетъ прекрасное дерево съ плодами, и по прошествіи года женщинка съ мужщинкой вкусятъ отъ его плодовъ, вслѣдствіе чего и погибнутъ. Тогда все содержимое сосуда сольется вмѣстѣ и раздѣлится на четыре части. Въ верхней—предстанетъ «небесный Іерусалимъ со всѣми жителями»; во второй—«стклянный міръ» (sic); въ третьей—«красное великое стклянное море»; наконецъ, четвертая часть явится «мрачнымъ обиталищемъ всѣхъ дьяволовъ и злочестивыхъ». Въ концѣ-концовъ изо всего этого получится ужасный червь, который черезъ четыре дня исчезнетъ, и т. д., и т. д.

Другая рукопись, найденная А. В. Семекой, учитъ приготовлять «уримъ». Съ помощью этого чудеснаго вещества можно видѣть все, «какъ въ созвѣздіи, такъ подъ землей, такъ и въ горахъ, и въ долинахъ, и повсюду». Та же рукопись содержитъ въ себѣ указанія, относящіяся къ бѣлой магіи, которая будто бы даетъ возможность входить въ общеніе съ духами и повелѣвать ими. «Бѣлая магія не есть опытъ праздности или химера умомечтанія,—наставительно говоритъ авторъ этой рукописи,—сія наука возведетъ тебя въ степень совершеннаго очищенія. Душа твоя подобна будетъ ангельской, и воля твоя простираться станетъ употреблять духа *генія* всякаго на одни дѣла, пользу приносящія» [1]).

Читатель самъ видитъ, что принимать этотъ дикій бредъ за «науку» могли только люди, не имѣвшіе ровно никакого понятія ни о предметѣ науки, ни о пріемахъ научнаго изслѣдованія явленій. Распространять «сіентифическія» знанія, въ родѣ только что изложенныхъ, значило засорять головы нелѣпымъ и вреднымъ вздоромъ. Но рѣшительно вся тайная премудрость розенкрейцеровъ стояла на томъ же уровнѣ. И глубокаго сожалѣнія достойны тѣ, которые съ чистымъ сердцемъ обращались къ этому мутному источнику, чтобы утолить мучившую ихъ духовную жажду.

III.

Надъ распространеніемъ розенкрейцерской мистики усердно потрудился у насъ значительно обрусѣвшій трансильванскій

---

[1]) См. статью А. В. Семеки *«Русское масонство въ XVIII вѣкѣ»* «Масонство въ его прошломъ и настоящемъ», т. I, стр. 167—168). Ср. А. Н. Пыпина «Русское масонство», стр. 493–496. Нѣмецкій подлинникъ рукописей о химическомъ изготовленіи «человѣчковъ» изданъ былъ въ Германіи въ 1745 г. (Франкфуртъ и Лейпцигъ).

нѣмецъ Іоганъ Георгъ («Иванъ Егоровичъ», какъ звали его русскіе) Шварцъ (1751—1784).

Въ 1776 г. онъ былъ приглашенъ въ Россію кн. И. С. Гагаринымъ въ качествѣ гувернера къ дѣтямъ А. М. Рахманова. Русскому языку онъ научился въ Могилевѣ, гдѣ жили Рахмановы. Однако, уже въ 1779 г. онъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ и былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ философіи и «беллетровъ». Тогда-то этотъ замѣчательно энергичный человѣкъ и взялъ на себя роль проповѣдника мистицизма въ Россіи.

Чтобы облегчить распространеніе мистическихъ идей, нужно было ослабить вліяніе передовой французской философіи. И вотъ Шварцъ ополчился противъ нея въ своихъ философскихъ лекціяхъ. Повидимому, лекціи эти производили значительное впечатлѣніе на слушателей. Извѣстный впослѣдствіи издатель «Сіонскаго Вѣстника» А. Ф. Лабзинъ такъ вспоминалъ о философскихъ чтеніяхъ Шварца.

«Шварцъ въ самое то время, когда модные писатели поглощались съ жадностью незрѣлыми умами, принялъ на себя благородный трудъ—разсѣять сіи возстающіе мраки и безъ всякаго иного призыва, по сему единственно побужденію, въ партикулярномъ домѣ, открылъ лекціи новаго рода для всѣхъ желающихъ. Съ ними разбиралъ онъ Гельвэція, Руссо, Спинозу, Ламеттри и проч., сличалъ ихъ съ противными имъ философами и, показывая разность между ними, училъ находить и достоинство каждаго. Какъ будто новый свѣтъ просіялъ тогда слушателямъ! Какое направленіе умамъ и сердцамъ далъ себѣ благодѣтельный мужъ!» [1])

Другой слушатель Шварца, Л. Максимовичъ, говоритъ: «Онъ одинъ могъ совратившееся съ пути истиннаго юношество наставить и убѣдить—исповѣсть свою слабость и признать свою зависимость отъ Премудрѣйшаго Строителя Вселенной. Все же сіе онъ учинилъ преподаваніями своихъ лекцій у себя на дому, допущеніемъ къ слушанію оныхъ всякаго рода и званія людей и изъясненіемъ отборнѣйшихъ мѣстъ какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ писателей, уразумительнѣйшимъ образомъ доказывающихъ истину Творца и словъ Священнаго Писанія, въ рукахъ его, въ душѣ и при дверяхъ смерти имъ читаемаго и обожаемаго».

---

[1]) См. біографію Шварца въ сочиненіяхъ Н. С. Тихонравова, т. I, часть I, стр. 75.

Опроверженіе Спинозы, Ламеттри, Гельвэція и даже Руссо,—какъ извѣстно, возмущавшагося атеизмомъ и матеріализмомъ,—дополнялось у Шварца открытой пропагандой мистическаго ученія. Въ своемъ качествѣ профессора «беллетровъ», онъ читалъ въ университетѣ эстетико-критическія лекціи. И въ нихъ «сей возвышенный и рѣдкій чувствъ и онымъ подлежащаго испытатель», разсуждая о живописи, скульптурѣ, и архитектурѣ, направлялъ умы своихъ слушателей, между прочимъ, «къ справедливости физіогноміи и хиромантіи, къ чудесному открытію магіи и каббалы, къ превращенію естественнаго въ сверхъестественное» и т. д. [1])

Шварцъ былъ ученикомъ знаменитаго нѣмецкаго мистика Якова Бёме (1575—1624). Этотъ послѣдній, дѣйствительно, отличался если не способностью къ научно-философскому *мышленію*, то, по крайней мѣрѣ, глубиною своихъ смутныхъ теоретическихъ *запросовъ*. Передовой русскій писатель сороковыхъ годовъ XVI вѣка такъ отзывался объ Яковѣ Бёме.

«Его духовное, мистическое созерцаніе, истекавшее изъ святого источника, привело его къ воззрѣнію такой необъятной ширины, о которой наука его времени не смѣла мечтать,—и къ такимъ истинамъ, которыя человѣчество узнало вчера» [2]). Какія же это истины? А. И. Герценъ имѣлъ въ виду то убѣжденіе Бёме, что матерія и духъ представляютъ собою не два отдѣльныхъ начала, а единую субстанцію. Другими словами, Бёме держался *монистическаго* взгляда на міръ. Но монизмъ Бёме очень мало похожъ на тотъ монизмъ, который человѣчество узнало, по выраженію Герцена, *вчера* и который былъ *матеріалистическимъ монизмомъ Фейербаха*. Именно Фейербахъ вполнѣ правильно замѣтилъ, что *идеалистическій монизмъ* разрѣшаетъ антиномію между духомъ и матеріей путемъ простого упраздненія матеріи; онъ объявляетъ внѣшній міръ выраженіемъ единой духовной субстанціи. Монизмъ Бёме былъ именно *идеалистическимъ монизмомъ* и притомъ такимъ, который разработанъ былъ не *логикой*, а *мистически настроеннымъ воображеніемъ*. Гегель говоритъ, что варварской глубинѣ Бёме недоставало *понятія* (Diese Tiefe, roh und barbarisch, ist ohne Begriff) [3]). Къ этому мнѣнію былъ близокъ и Герценъ:

---

[1]) Свидѣтельство одного изъ благодарныхъ слушателей (Тихонравовъ, тамъ же, стр. 76—77).
[2]) Сочиненія А. И. Герцена, т. II, стр. 223. Женева, 1876
[3]) Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte, Hegel's Werke B. XV, S. 327.

«И то же высокое ученіе Бёме,—продолжаетъ онъ,—облекаясь въ странныя, мистическія и алхимическія одежды, дало основу самымъ эксцентрическимъ, самымъ безумнымъ отклоненіямъ отъ простосердечнаго принятія истины: шведенборгіанцы, Экарстгаузенъ, Штилингъ и ихъ послѣдователи, Гоэнло и нынѣшніе германскіе духовидцы, заклинатели, прокаженные, испорченные, всѣ эти кликуши... большую долю своего мракобѣсія почерпнули изъ Якова Бёме» [1].

IV.

Шварцъ принадлежалъ къ числу тѣхъ послѣдователей Бёме, которые, не будучи способны по достоинству оцѣнить глубину его,—хотя и очень смутныхъ,—теоретическихъ запросовъ, увлекались эксцентрическими и безумными отклоненіями отъ истины, частью уже содержавшимися въ ученіи даровитаго германскаго сапожника, а частью совершившимися впослѣдствіи, но на основѣ того же ученія. Каковы были философскіе взгляды Шварца, хорошо видно изъ его лекцій о *трехъ родахъ познанія*, читанныхъ имъ у себя на дому съ 3-го сентября по 31 декабря 1782 г. [2].

Три рода познанія были, по Шварцу, слѣдующіе: 1) любопытное; 2) пріятное и 3) полезное. Къ первому относится изслѣдованіе явленій природы: «Отчего громъ? Что такое воздухъ? Какимъ образомъ земля производитъ растеніе? И проч. сему подобное». *Пріятнымъ* познаніемъ называется у Шварца живопись, поэзія, музыка и прочія искусства. Это познаніе «удовлетворяетъ нашъ слухъ, наше зрѣніе и воображеніемъ питаетъ нашъ разумъ». Но самымъ важнымъ считаетъ нашъ профессоръ познаніе *полезное*, научающее насъ «истинной любви, молитвѣ и стремленію духа (sic) къ вышнимъ понятіямъ.» «Къ симъ-то послѣднимъ познаніямъ человѣкъ,—по мнѣнію Шварца,—стремиться долженъ для своего блага: ибо онъ въ сей жизни только путешественникъ, а въ будущей гражданинъ». Познаніе первыхъ двухъ родовъ, похвальное само по себѣ, становится вреднымъ, когда отвлекаетъ вниманіе людей отъ полезнаго и единственно необходимаго познанія, такъ какъ въ этомъ случаѣ любопытныя и пріятныя науки дѣла-

---

[1]) Сочиненія А. И. Герцена, т. II, стр. 224. Женева. 1876.

[2]) Тихонравовъ, тамъ же, стр. 77. Нѣкоторые другіе изслѣдователи считаютъ, что, начавшись въ августѣ 1782 г., лекціи эти продолжались до 5-го апрѣля 1783 г.

ютъ человѣка безбожнымъ и подвергаютъ его проклятію. «Ибо,—пояснялъ Шварцъ,—самое паденіе не иное что есть, какъ отвращеніе себя отъ дѣйствія Бога и учиненіе самого себя средоточіемъ своихъ дѣйствій черезъ воззрѣніе на свои собственныя силы и надежду на оныя». [1])

Философскія системы противорѣчатъ одна другой. Къ современной (Шварцу. Г. П.) философіи относится и деизмъ Вольтера и матеріализмъ Дидро. Дидро-атеистъ, а Руссо говоритъ, что видитъ Бога въ каждомъ твореніи. Изъ факта существованія этихъ философскихъ разногласій Шварцъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что философы не въ состояніи объяснить вселенную, и приглашаетъ своихъ слушателей вернуться къ той старой системѣ, которая изложена въ Библіи. Одна Библія,—говоритъ Шварцъ въ 7-ой лекціи,—заключаетъ въ себѣ истинный источникъ всѣхъ человѣческихъ познаній. Въ ней «сокрыто таинство творенія, дѣйствія праотцевъ нашихъ, паденіе, проклятіе, искупленіе, спасеніе и будущее состояніе человѣческаго существа» [2]).

Шварцъ провозглашаетъ возможность мистическаго соединенія человѣка съ Богомъ, созерцанія Бога и познанія таинъ творенія. Въ каждомъ человѣкѣ есть не только *тѣло и душа*, но еще и *духъ*. Къ душѣ относятся низшія духовныя силы, въ ней заложены нравственныя склонности. Душа только приближаетъ человѣка къ духу, заключающему въ себѣ болѣе высокія силы. Тѣ люди, въ которыхъ развиты эти силы, носятъ на себѣ печать Св. Духа и составляютъ первое состояніе міра духовъ. Сила человѣческаго духа (не *души*. Г. П.) сверхчувственна и сверхчеловѣчна. Съ ея помощью человѣкъ и достигаетъ царства духовъ. Чтобы развить ее въ себѣ, надо съ дѣтства воспитывать людей согласно съ ученіемъ Христа [3]).

Но воспитаніе въ духѣ Христа не есть, по Шварцу, нравственное воспитаніе человѣка. Нравственныя склонности заложены, какъ мы уже знаемъ, собственно, въ душѣ, къ которой относятся низшія духовныя силы. Нравственность не цѣль, а средство. Цѣль состоитъ въ мистическомъ соединеніи съ Богомъ.

---

[1]) Тихонравовъ, тамъ же, стр. 77—78—79, см. также В. Н. Тукалевскаго: Н. И. Новиковъ и І. Г. Шварцъ («Масонство въ его прошломъ и настоящемъ», т. I, стр. 206 и слѣд.).

[2]) В. Н. Тукалевскій «Изъ исторіи философскихъ направленій въ русскомъ обществѣ XVIII в.» (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1911 г., май. стр. 34—35). Тихонравовъ, тамъ же, стр. 79.

[3]) Тукалевскій, тамъ же, стр. 35.

Направленіе «философской» мысли молодого Шварца довольно ясно опредѣляется этими отрывками. Для полноты можно сослаться еще на рукопись, принадлежащую Румянцевскому музею въ Москвѣ и озаглавленную: «Переводъ съ записокъ И. Е. Ш.» (И. Е. Шварца). Подробно излагающій содержаніе этихъ записокъ А. И. Незеленовъ полагаетъ, что на самомъ дѣлѣ это не переводъ собственнаго сочиненія Шварца, а, вѣроятнѣе всего, краткія записки какого-нибудь студента. Съ этимъ необходимо считаться. Слушатели не всегда правильно понимаютъ преподавателей, и, разумѣется, преподаватели *не отвѣтственны за промахи чужой «незрѣлой мысли»*. Поэтому мы обязаны осторожно относиться къ студенческимъ запискамъ. Но не слѣдуетъ и вовсе пренебрегать ими. Въ нихъ могутъ встрѣчаться весьма полезныя указанія на образъ мыслей преподавателей.

Вотъ, напримѣръ, въ интересующей насъ здѣсь рукописи есть мѣсто, посвященное опроверженію Гельвэція. Этому французскому матеріалисту подсказана та мысль, что «человѣкъ есть махина, подобная часамъ». Мысль эта опровергается ссылкой на то обстоятельство, что человѣкъ обладаетъ разумомъ и волей. Гельвэцій будто бы предположилъ, что у человѣка такихъ силъ нѣтъ совсѣмъ, а есть только силы страдательныя. На этомъ предположеніи у него будто бы основывался тотъ выводъ, что самобытная дѣятельность совершенно чужда человѣческой природѣ и приходитъ «извнѣ, снаружи». Все это очень наивно изложено, и весьма вѣроятно, что въ изложеніе закрались собственные промахи мало подготовленнаго слушателя. Можно надѣяться, что самъ Шварцъ въ своихъ возраженіяхъ французскимъ матеріалистамъ обнаруживалъ больше умѣнья обращаться съ философскими понятіями. Но что и онъ плохо понималъ взгляды Гельвэція, это вѣроятно уже въ виду того, что названнаго писателя до сихъ поръ плохо понимаетъ и изъ рукъ вонъ плохо излагаетъ огромнѣйшее большинство историковъ философіи. Вотъ почему мы можемъ, не опасаясь впасть въ большую ошибку, допустить, что если авторъ записокъ весьма наивно изложилъ философскую аргументацію Шварца, то онъ все-таки не очень удалился отъ пониманія общаго ея характера.

Вотъ примѣръ. Авторъ записокъ передаетъ философское доказательство бытія духовнаго міра. Исходной точкой служитъ здѣсь то положеніе, что человѣкъ есть узелъ, «которымъ звѣриное царство связывается съ царствомъ духовъ». А подтверждается это положеніе тѣмъ доводомъ, что «если мы начнемъ

отъ стихій, то находимъ непрерывный рядъ до человѣка; какъ можетъ сей (т. е. рядъ. Г. П.) престать съ человѣкомъ? человѣческій ли то смыслъ?» За этимъ «философскимъ» доводомъ слѣдуетъ характеристика разныхъ царствъ природы. Тутъ мы узнаемъ, что предметы, относящіеся къ минеральному царству. состоятъ изъ земли и жидкости. Въ растительномъ царствѣ мы опять видимъ землю и жидкость, но уже «гораздо тончайшія». Звѣриное царство тоже представляетъ землю и жидкость, но «въ наивысшей степени утонченныя, даже до краснаго и бѣлаго цвѣта утонченныя». Человѣкъ, конечно, составляющій особое царство, — заключаетъ въ себѣ «все выше описанное», а въ добавокъ еще и разумъ, «который можетъ господствовать надъ чувствованіемъ, такъ что можетъ настоящую болѣзнь обезоружить, ежели то нужно къ собственному совершенству» [1]).

Зная воззрѣнія Шварца, мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что ходъ его мыслей искаженъ тутъ не весьма сильно. Современное состояніе человѣка есть состояніе паденія. Слѣдуя за Шварцемъ, авторъ записокъ утверждалъ, что есть три состоянія падшихъ духовъ: 1) діаволы; 2) души животныхъ или звѣрей; 3) души человѣческія. Мы, люди,—говорится въ одномъ мѣстѣ рукописи,—гнилые, смердящіе сосуды, въ которыхъ все доброе, все чистое дѣлается кислымъ и смраднымъ. Но этотъ пессимистическій взглядъ на человѣка смягчается тѣмъ оптимистическимъ убѣжденіемъ, что души человѣческія «имѣютъ уже Божественную искру свѣта въ себѣ, водителя, который поведетъ ихъ къ Богу» [2]).

Ученическая неловкость изложенія и здѣсь не мѣшаетъ намъ узнать мысли, свойственныя *отчасти* всякому идеализму, а *въ особенности—философіи мистической*. Поэтому мы и здѣсь можемъ предполагать, что, въ общемъ, ученикъ довольно правильно понялъ мысли учителя.

Такое же предположеніе позволительно сдѣлать и по поводу того мѣста рукописи, гдѣ излагаются возраженія Шварца на общественно-педагогическіе взгляды Гельвэція. Гельвэцію правильно приписана тутъ та мысль, что добродѣтели и благополучіе народа происходятъ не отъ «святости его религіи», но отъ мудрости его законовъ, и что религія имѣетъ мало вліянія на добродѣтели и блаженство народовъ. Опровергается эта мысль тѣмъ соображеніемъ, что законы могутъ насъ принудить быть

[1]) Незеленовъ, «Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху», стр. 167.
[2]) Незеленовъ, тамъ же, стр. 167—168

граждански добрыми, но не могутъ сдѣлать чистыми сердцемъ; ибо послѣднее возможно только для религіи (явное petitio principii).

Шварцъ распредѣлялъ послѣдователей Гельвэція на три разряда: во-первыхъ, тѣ, «которые сами не размышляютъ изъ лѣности»; во-вторыхъ—тѣ, «которые живутъ въ непрестанномъ разсѣяніи»; въ-третьихъ, тѣ, которые подчинены своимъ страстямъ, такъ какъ «въ страстяхъ человѣкъ не видитъ,—пьянъ» [1].

Не останавливаясь на этой педантической классификаціи, не имѣющей даже тѣни серьезнаго основанія, замѣтимъ, что «опроверженіе» Шварцемъ Гельвэція съ большою ясностью обнаруживаетъ передъ нами глубокій консерватизмъ Шварца, равно какъ и всѣхъ, подобныхъ ему, мистиковъ. Убѣжденіе въ томъ, что прогрессъ *общественной нравственности* предполагаетъ усовершенствованіе *общественнаго строя*, располагаетъ людей къ *общественнымъ реформамъ*. Наоборотъ, вѣра въ то, что добродѣтель состоитъ въ чистотѣ сердца и зависитъ отъ «святости религіи», дѣлаетъ ихъ равнодушными къ подобнымъ реформамъ. Консерваторы всегда упирали на «чистоту сердца». Одной изъ разновидностей весьма любезной имъ теоріи чистоты сердца являлась у насъ въ XVIII в. та мысль защитниковъ крѣпостного права, что надо сначала просвѣтить крестьянъ и поднять ихъ нравственность и только потомъ уже позволять себѣ думать объ ихъ *освобожденіи*. Въ основѣ этой мысли тоже лежало убѣжденіе, что ни просвѣщеніе народа, ни его «добродѣтель» не имѣетъ причинной связи съ «законами», выражающими и регулирующими собою общественныя отношенія.

Не лишены интереса разсужденія Шварца о томъ, что не слѣдуетъ опровергать «теоретическихъ предразсудковъ», на которыхъ основываются важныя практическія истины. Вотъ, напримѣръ, важная практическая истина состоитъ въ томъ, что надо быть добродѣтельнымъ. Но эта важная истина недоступна неразвитому человѣку. Какъ же помочь горю? Должно внушить ему соотвѣтствующій «теоретическій предразсудокъ». Такъ, невѣжественному персіянину внушается, что душа порочнаго человѣка неспособна будетъ перейти на томъ свѣтѣ очень узкій мостъ, ведущій въ мѣстопребываніе праведниковъ; непросвѣщенному христіанину говорятъ о мукахъ ада и т. д. «Кто искореняетъ сіи предразсудки, столь мудро первыми великими учителями, яко символическія представленія, употреб-

[1]) Незеленовъ, тамъ же, стр. 168—169.

ленные, тотъ есть злодѣй. Онъ разрушаетъ тѣ огненные маяки, посредствомъ которыхъ милліоны душъ прибыли благополучно къ райской пристани» [1]). Другими словами, *цѣль оправдываетъ средства*; если предразсудки способствуютъ достиженію полезной цѣли, то они заслуживаютъ всякаго почтенія, и кто возстаетъ противъ нихъ, заслуживаетъ осужденія. Легко представить себѣ, какими зловредными людьми, какими ненавистными препятствіями на пути людей къ райскому блаженству должны были представляться Шварцу французскіе энциклопедисты, такъ жестоко воевавшіе съ «теоретическими» и всякими другими предразсудками.

А. И. Незеленовъ слѣдующимъ образомъ описываетъ сдѣланное слушателями Шварца графическое изображеніе человѣка съ его тремя началами:

«Два четыреугольника, одинъ надъ другимъ, соединяются углами; въ точкѣ ихъ соединенія проведена толстая, короткая черта; продолжающіяся стороны обоихъ четыреугольниковъ образуютъ треугольники вверху и внизу: верхній упирается въ черту, надъ которой написано: «Духовный міръ. Небесное царство», нижній—въ черту, подъ которой надпись: «Вещественный міръ.—Тѣлесный міръ.» Оба четыреугольника раздѣлены горизонтально, волнистыми линіями, на треугольники. Такимъ образомъ весь рисунокъ представляетъ шесть треугольниковъ».

Два среднихъ треугольника изображаютъ собственно человѣческое начало. Сбоку у нихъ написано: «Душа. Древо растетъ вверхъ и внизъ, такъ и человѣкъ растетъ вверхъ (внизъ? Г. П.), вещественный міръ, и внизъ (вверхъ? Г. П.), въ духовный міръ. Чѣмъ крѣпче и сокообильнѣе корень древа, тѣмъ продолжительнѣе и безопаснѣе его пребываніе. Сбоку двухъ верхнихъ треугольниковъ стоитъ надпись: «Духъ, разумѣніе умственное. Мы сами образуемъ сего духа. Онъ лежитъ при рожденіи въ возможности, а не въ дѣйствіи». Остальные два, расположенные внизу, треугольника знаменуютъ тѣло. Внутри одного изъ нихъ написано: «Организація, 3 начала ⊖ 🜍 ☿ (т. е. соль, сѣра, меркурій), бальзамъ жизни, жизненные духи»; внутри другого—«матерія четырехъ стихій».

Это графическое изображеніе человѣческой природы окончательно вводитъ насъ въ царство нелѣпѣйшей мистики. А. И. Незеленовъ,—благоволившій къ Шварцу за его усердную

---

[1]) Незеленовъ, тамъ же, стр. 169—170.

борьбу съ французскими просвѣтителями,—отмѣтилъ, въ видѣ смягчающаго обстоятельства, что этотъ мистикъ все-таки не доходилъ до отожествленія «сѣры съ духомъ», встрѣчающагося въ «химической псалтыри» Парацельса [1]). Это возможно и, пожалуй, даже вѣроятно. Однако, и того, до чего дошелъ онъ, было совершенно достаточно, чтобы сдѣлать изъ него самаго несомѣннаго обскуранта. Защищая откровенную религію отъ нападокъ энциклопедистовъ, онъ говорилъ, что религія эта вполнѣ доступна только магамъ и кабалистамъ. «Магія,—училъ онъ,—есть та божественная наука, съ помощью которой маги познаютъ истинный натуральный свѣтъ и натуральный духъ. Магъ—это тотъ искатель истины, съ которымъ натура говоритъ во всѣхъ тваряхъ черезъ своего духа и показываетъ свою сигнатуру» [2]). Такимъ образомъ, колдовство было послѣднимъ словомъ этого «философа» въ его борьбѣ съ французской философіей разума.

Человѣку такого образа мыслей орденъ розенкрейцеровъ, съ его дикой фантастикой и съ его глубокой ненавистью къ «ложному» французскому просвѣщенію, долженъ былъ казаться вѣрнымъ хранителемъ и распространителемъ истинной мудрости. Неудивительно, что Шварцъ весьма близко сошелся съ берлинскими розенкрейцерами во время своего путешествія въ Германію осенью 1781 г.

Берлинскіе розенкрейцеры усердно занимались магіей и увѣряли, что состоятъ въ прямыхъ сношеніяхъ съ царствомъ духовъ. Какъ разъ незадолго до принятія Шварца въ орденъ, ими вызывались для прусскаго кронпринца тѣни Марка Аврелія и великаго курфюрста Фридриха-Вильгельма. Благодаря дѣйствію особыхъ,—и разумѣется, совершенно «вещественныхъ»,—приборовъ, духи эти появились при громѣ и молніи, такъ что несчастный наслѣдникъ прусскаго престола оробѣлъ и не могъ лично вопросить ихъ. Но добрые духи снизошли къ его человѣческой слабости и по собственному почину принялись «замогильнымъ голосомъ» читать ему наставленія. Подобныя сцены не разъ повторялись и послѣ, при чемъ за духовъ говорилъ одинъ саксонецъ, «мастеръ въ искусствѣ чревовѣщанія и физіогномики» [3]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 163.

[2]) Приводится у В. Н. Тукалевскаго, наз. статья («Масонство въ его прошломъ и настоящемъ» т. I, стр. 216).

[3]) См. Предисловіе Я. Л. Барскова къ «Перепискѣ московскихъ масоновъ XVIII-го вѣка», изданной Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, Петроградъ, 1915 г., стр. XX

Вызывая духовъ для назиданія скорбнаго главою кронпринца, берлинскіе розенкрейцеры преслѣдовали чисто земную цѣль подчиненія его своему вліянію. Не даромъ во главѣ ихъ стоялъ тогда Іог. Кристофоръ Велльнеръ, который былъ, если вѣрить Фридриху II,—«ein betriegerischer und intriganter Pfaffe». По смерти короля—«философа» этотъ, склонный къ обманамъ и интригамъ, попъ въ самомъ дѣлѣ сталъ играть въ Пруссіи очень вліятельную роль. Онъ сдѣлался государственнымъ министромъ и министромъ духовныхъ дѣлъ. «Его историческая репутація самая незавидная,—какъ нельзя болѣе справедливо замѣчаетъ А. Н. Пыпинъ.—Его время было временемъ гоненія противъ всякой живой мысли: его гоненію, между прочимъ, подпалъ и Кантъ» [1]).

Берлинскіе сторонники просвѣщенія относились къ Велльнеру и прочимъ представителямъ «Соломонскихъ наукъ» съ величайшимъ недовѣріемъ. Сотрудникъ Лессинга Николаи готовъ былъ видѣть въ нихъ тайныхъ іезуитовъ. Но Шварца не могла смутить та дурная слава, какою пользовались они въ кругахъ нѣмецкихъ просвѣтителей. Напротивъ, чѣмъ сильнѣе нападали просвѣтители на членовъ ордена златорозоваго креста, тѣмъ больше должно было усиливаться довѣріе къ нему Шварца. Нѣкоторые наши изслѣдователи спрашивали себя: почему не замѣтилъ Шварцъ рѣшительной склонности берлинскихъ розенкрейцеровъ къ политической реакціи? Они объясняютъ это аполитическимъ характеромъ его собственныхъ стремленій. Но сочувствіе къ политической реакціи было совершенно естественнымъ и необходимымъ дополненіемъ его «философскаго» обскурантизма. Было бы, напротивъ, удивительно, если бы у Шварца явилось отвращеніе отъ политической реакціи.

V.

Какъ это хорошо извѣстно теперь, Шварцъ былъ весьма энергичнымъ пропагандистомъ и очень талантливымъ организаторомъ. Онъ умѣлъ настойчиво и талантливо преслѣдовать свои цѣли. Онъ учредилъ при университетѣ «Переводческую» семинарію «для переложенія лучшихъ авторовъ и нравоучительныхъ сочиненій на россійскій языкъ». Потомъ было организовано имъ «собраніе университетскихъ питомцевъ», въ кото-

---

[1]) Русское масонство, стр. 298.

ромъ воспитанники читали и обсуждали свои собственныя произведенія. Нечего и говорить, что литературные опыты молодыхъ людей были, благодаря Шварцу, насквозь пропитаны мистическимъ духомъ. Мы еще увидимъ, какую значительную роль сыграли у насъ тогда студенты университета въ дѣлѣ распространенія мистицизма и борьбы съ передовой французской философіей. Но Шварцъ не удовлетворился вліяніемъ на учащуюся молодежь. Онъ постарался пріобрѣсти и упрочить свое вліяніе въ тѣхъ слояхъ московскаго общества, которые, по той или по другой причинѣ склонялись къ мистицизму. При его дѣятельномъ участіи основано было осенью 1782 г. *«Дружеское ученое общество»*, занимавшееся также благотворительностью.

Вліяніе Шварца на учащуюся молодежь сравнивали съ тѣмъ вліяніемъ, какое пріобрѣлъ, въ сороковыхъ годахъ XIX в., Грановскій, а его вліяніе на своихъ друзей уподобляли вліянію Станкевича. «Столь же тонко организованная и благородная, но несомнѣнно болѣе пылкая натура, чѣмъ Станкевичъ,—говоритъ П. Н. Милюковъ,—Шварцъ былъ такимъ же идейнымъ и нравственнымъ оракуломъ своего кружка, среди котораго гораздо рѣзче выдавался своими знаніями и образованіемъ. Обоихъ рано подкосила смерть, но оба оставили неизгладимый слѣдъ въ сердцахъ и умахъ своихъ почитателей» [1]).

Тутъ много справедливаго. Но никакъ не слѣдуетъ забывать и вотъ о чемъ.

Грановскій всегда былъ человѣкомъ очень умѣренныхъ взглядовъ. Однако, его очень умѣренные взгляды имѣли несомнѣнно *прогрессивный* характеръ. Онъ глубоко ненавидѣлъ реакцію и если, въ отличіе отъ Герцена и Огарева, отрицательно относился къ соціализму, то въ значительной степени потому, что тогдашній *(утопическій)* соціализмъ не сумѣлъ оцѣнить по достоинству великое значеніе «буржуазной» *политической* свободы. То же и со Станкевичемъ. Лично онъ никогда не дѣлалъ революціонныхъ выводовъ изъ усвоенной имъ философской системы и, по всей вѣроятности, даже не подозрѣвалъ, что изъ нея можно дѣлать такіе выводы. Но система эта, несмотря на консервативное настроеніе, охватившее подъ старость ея основателя, заключала въ себѣ такой элементъ, благодаря которому она, по чрезвычайно удачному выраженію Герцена, сдѣ-

---

[1]) «Очерки по исторіи русской культуры», часть третья, выпускъ второй С.П.Б. 1903 г., стр. 351-355. Сравненіе Шварца съ Грановскимъ повторяетъ В. Е. Якушкинъ въ статьѣ: «Николай Ивановичъ Новиковъ», напечатанной въ сборникѣ «Починъ» (стр. 164).

лалась. впослѣдствіи, настоящей алгеброй революціи. Поэтому, если Грановскій и Станкевичъ пріобрѣли неизгладимое вліяніе на умы своихъ почитателей, то вліяніе это было *прогрессивнымъ*. Наоборотъ, Шварцъ вліялъ на своихъ слушателей и друзей въ духѣ *мистическаго обскурантизма*, отнимавшаго у нихъ всякую возможность усвоить себѣ передовыя идеи своего времени. Когда Шварца называютъ ревнителемъ просвѣщенія, то забываютъ, что «просвѣщеніе», къ которому онъ стремился, на самомъ дѣлѣ являлось *мрачной и свирѣпой реакціей противъ просвѣщенія XVIII вѣка*. И чѣмъ планомѣрнѣе, чѣмъ настойчивѣе и самоотверженнѣе была его дѣятельность, тѣмъ больше вреда приносила она только что начавшему европеизоваться русскому обществу.

А. В. Семека, признавая, что розенкрейцерство было на западѣ «явленіемъ умственной отсталости», находитъ, однако, что въ Россіи оно было совершенною «*новостью*» [1]) и принесло свою долю пользы. По его мнѣнію, важно прежде всего то обстоятельство, что русское розенкрейцерство представляетъ собою «первое у насъ интеллигентное общественное движеніе, въ первый разъ сплотившее русскихъ людей и направившее ихъ въ сторону служенія общественнымъ нуждамъ и интересамъ въ формахъ широкой благотворительности и борьбы противъ «вольтерьянства», поколебавшаго правильный ходъ нашей культуры» [2]).

Разумѣется, если считать, что проникновеніе въ Россію освободительной французской философіи нарушало правильный ходъ нашей культуры и что, поэтому, борьба съ нею была первой задачей русской общественной мысли, то приходится «прежде всего» поблагодарить русскихъ розенкрейцеровъ за огромное усердіе, проявленное при рѣшеніи этой задачи. Но въ этомъ случаѣ позволительно спросить себя: неужели же съ «вольтерьянствомъ» можно было бороться только посредствомъ дикой фантастики розенкрейцеровъ? Это, по меньшей мѣрѣ, не доказано, а если бы было доказано, то явилось бы очень увѣсистымъ доводомъ въ пользу того же «вольтерьянства».

Г. Семека продолжаетъ: «Это была первая *философская система* въ Россіи, которая, составляя опредѣленное *идеалистическое* міровоззрѣніе, сыграла немаловажную просвѣтительную роль въ XVIII вѣкѣ; успѣшно борясь съ вліяніемъ чуждаго

---

[1]) Подчеркнуто г. Семекой.
[2]) Назв. статья («Масонство въ его прошломъ и настоящемъ», т. I, стр. 171).

русскому духу вольтерьянства, розенкрейцерство, не смотря на свои дикія крайности и смѣшныя стороны, воспитывало, дисциплинировало русскіе умы, давало имъ впервые серьезную умственную пищу, пріучало,—правда, помощью мистической теософіи и масонской натурфилософіи,—къ постоянной, напряженной и новой для нихъ работѣ отвлеченной мысли» [1]).

Г. Семека убѣжденъ, что всякая идеалистическая система лучше всякой матеріалистической или приближающейся къ матеріализму. А такъ какъ мистическая теософія и «масонская» натурфилософія не имѣли ровно ничего общаго съ матеріализмомъ, то онъ думаетъ, что достаточно отмѣтить (и подчеркнуть) неоспоримо-идеалистическій характеръ ученія розенкрейцеровъ, чтобы оправдать его въ глазахъ читателя и даже изобразить, какъ «серьезную умственную пищу». Но мы уже знаемъ, что ни мистическая теософія, съ ея совершенно произвольными теоретическими построеніями, ни «масонская» натурфилософія, съ ея химическими опытами въ родѣ лабораторнаго приготовленія «человѣчковъ» не заключала въ себѣ рѣшительно ничего серьезнаго въ качествѣ «умственной пищи». Ученіе розенкрейцеровъ не только не могло *дисциплинировать* русскіе умы, но, напротивъ, должно было дѣлать ихъ, въ мѣру своего вліянія, *недоступными для логической дисциплины* [2]).

Прежде, нежели европеизованные русскіе люди ознакомились съ розенкрейцерствомъ, они имѣли возможность ознакомиться съ нѣкоторыми идеалистическими системами, въ самомъ дѣлѣ заслуживавшими названіе философскихъ. Какъ ни слабы подчасъ идеалистическія соображенія Кантемира, однако, они очень далеки отъ свойственной розенкрейцерству дикой фантастики. Ломоносовъ былъ, въ философіи, ученикомъ Вольфа. И ту же философію Вольфа принесъ съ собою въ Москву (въ іюнѣ 1756 г.) проф. І. М. Шаденъ, который, однако, по словамъ Н. С. Тихонравова, не остановился на ней и слѣдилъ за развитіемъ философской мысли до Канта [3]). Стало быть, розен-

---

[1]) Тамъ же, та же страница. Курсивъ и здѣсь принадлежитъ г. Семекѣ.

[2]) Одинъ изъ выдающихся русскихъ розенкрейцеровъ И. В. Лопухинъ, писалъ: «Истинное, живое познаніе тайны творенія и созерцаніе свѣта натуры, или зрѣніе дѣйствія духа ея въ нетлѣнной оной персти, яко въ самомъ первомъ его облаченіи (вечкулѣ) открывается токмо при свѣтѣ благодати, озаряющемъ душу въ новой жизни возрожденія». Тутъ есть, что хотите, но нѣтъ дисциплины мысли. Идеалистъ Гегель сказалъ бы, что здѣсь отсутствуетъ *понятіе*, уступившее свое мѣсто *фантазіи*. (См. сочиненія И. В. Лопухина «нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденія и гибели», стр. 50—51. Цитирую по изданію В. Ф. Саводника; Матеріалы по исторіи русскаго масонства XVIII вѣка, выпускъ I-й).

[3]) Н. С. Тихонравовъ, сочиненія, томъ III-й, часть I-ая, стр. 47.

крейцерство, какъ система воззрѣній, отнюдь не можетъ быть признано первой для русскихъ людей идеалистической «новостью».

Выше я уже замѣтилъ, что о *просвѣтительномъ* значеніи розенкрейцерства можно говорить, только злоупотребляя терминомъ: *просвѣщеніе*. Это косвенно подтверждается самимъ г. Семекой: немаловажная роль, сыгранная у насъ такимъ «явленіемъ умственной отсталости», какимъ было,—по собственнымъ словамъ этого изслѣдователя,—розенкрейцерство, кажется ему *просвѣтительной* собственно потому, что розенкрейцеры успѣшно боролись съ вліяніемъ чуждаго русскому духу «вольтерьянствомъ». Иначе сказать: благодаря особенностямъ русскаго духа, *борьба съ просвѣщеніемъ XVIII вѣка* пріобрѣла въ Россіи *просвѣтительное* значеніе. Такіе доводы врядъ ли могутъ быть признаны убѣдительными.

Внѣ всякаго сомнѣнія стоитъ тотъ фактъ, что московскіе розенкрейцеры занимались филантропической дѣятельностью. Это, конечно, дѣлаетъ имъ честь. Тотъ взглядъ на «милостыню», котораго держался, напримѣръ, И. В. Лопухинъ, свидѣтельствуетъ объ извѣстномъ сочувствіи къ страдающему человѣчеству. Лопухинъ говоритъ въ своихъ запискахъ:

«Кстати о милостынѣ. Странно, какъ очень многіе противъ нея умствуютъ. Главная тому причина, кажется, желаніе оправдывать свое нехотѣніе подавать ее». Онъ согласенъ, что правительство должно принимать извѣстныя мѣры противъ нищенства; но мѣры эти должны, по его мнѣнію, во первыхъ, по возможности, устранить его источникъ, а во вторыхъ, нужно, чтобы онѣ не лишали бѣдныхъ «единственнаго способа къ пропитанію, и притомъ еще съ притѣсненіемъ». Кромѣ того, обязанность частныхъ людей не покрывается въ этомъ случаѣ обязанностью правительства. Лопухинъ спрашиваетъ:

«Частному человѣку, имѣющему въ сердцѣ хотя искру любви къ ближнему, какъ отказать ему въ помощи, какая можетъ быть въ томъ ошибка. Что поданныхъ нѣсколько копѣекъ иной пропьетъ? А ежели отъ сдѣланнаго по сему отказа иногда человѣкъ будетъ сутки или больше терпѣть голодъ, или покусится на преступленіе, или замараетъ душу свою ропотомъ на судьбу; то каково должно это быть душѣ того, кто откажетъ, ежели въ ней есть чувствительность истиннаго человѣколюбія?» [1]).

---

[1]) «Записки изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и сенатора И. В. Лопухина, составленныя имъ самимъ». — Съ предисловіемъ Искандера,—Лондонъ, 1860, стр. 44.

Лопухинъ сознается, что ему и самому случалось иногда съ досадой отказывать просящимъ милостыню, если онъ подозрѣвалъ ихъ въ намѣреніи выпить на поданныя имъ деньги. Но «я всегда радъ бывалъ,—говоритъ онъ,—когда въ такомъ случаѣ воротивъ того, кому отказалъ, заслуживалъ ему (sic) и себя какъ бы наказывалъ дачею ему въ двое, говоря себѣ въ мысляхъ: что! Развѣ ты самъ не преступалъ никогда предѣловъ трезвенности и развѣ бѣдному, и подлинно крайнюю нужду имѣющему, не можетъ случиться лишнее выпить?».

Эти разсужденія не отличаются глубиною мысли, но съ ясностью показываютъ, что Лопухинъ былъ значительно добрѣе тѣхъ своихъ современниковъ, которые осмѣивали его сочувственное отношеніе къ нищимъ и совершенно спокойно отворачивались отъ людей, взывавшихъ къ нимъ о помощи. Поэтому, не соглашаясь съ г. Семекой, можно, пожалуй, сказать, что наше европеизованное общество XVIII в., вслѣдствіе тогдашняго «поврежденія нравовъ» его, нуждалось въ такихъ гнилыхъ костыляхъ для своего альтруизма, какимъ были мистическая теософія и масонская натурфилософія. И этого, разумѣется, нельзя оспаривать по отношенію къ извѣстнымъ элементамъ общества. Мы, въ самомъ дѣлѣ, видимъ, что въ немъ существовали элементы, альтруизмъ которыхъ безъ такихъ костылей обойтись не могъ.

Но, во-первыхъ, этотъ историческій фактъ не превращаетъ *гнилыхъ костылей* въ нѣчто «новое», а во-вторыхъ, онъ не только ничего не объясняетъ въ данномъ случаѣ, но самъ требуетъ объясненія. Необходимость его объясненія представится намъ еще болѣе настоятельной, если мы примемъ во вниманіе, что элементы, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, были, правда, вовсе не самыми лучшими элементами тогдашняго общества, но все-таки старались, какъ умѣли, быть полезными своимъ ближнимъ.

Другой изслѣдователь, — г. Кизеветтеръ, —подводитъ насъ къ тому же вопросу, только въ другой его формулировкѣ.

Въ своей прекрасной статьѣ «Московскіе розенкрейцеры XVIII столѣтія», написанной по поводу изданія Академіей Наукъ переписки ихъ, онъ говоритъ, что, несмотря на очевидныя заблужденія этихъ людей, мы не можемъ отказать имъ въ нашей симпатіи, такъ какъ, уже не говоря о пережитыхъ ими преслѣдованіяхъ, ошибки ихъ были не ошибками старчества, а ошибками молодости нарождавшейся тогда русской интеллигенціи. Въ основѣ ихъ ошибокъ лежалъ, — по словамъ

г. Кизеветтера,—искренній порывъ къ идеалу, искренняя неудовлетворенность обывательской пошлостью [1]). И это, конечно, такъ. Но въ чемъ же заключается историческая, — точнѣе, *соціологическая*, — причина того, что нарождавшаяся интеллигенція наша совершила тогда именно такія, а не какія-нибудь другія ошибки? Иначе сказать: почему ея молодыя стремленія вывели ее, т. е., собственно, *значительную часть ея*, на путь, проложенный въ передовыхъ странахъ Запада *реакціоннымъ старчествомъ?*

Чтобы отвѣтить на этотъ чрезвычайно важный вопросъ, намъ необходимо какъ можно лучше изучить общественные взгляды московскихъ розенкрейцеровъ и постараться уяснить себѣ тѣ *общественныя отношенія*, на основѣ которыхъ взгляды эти возникли въ данной *исторической обстановкѣ*.

VI.

Русскіе люди, изъ которыхъ составился кружокъ московскихъ розенкрейцеровъ, не удовлетворялись тѣмъ, что видѣли вокругъ себя, и стремились къ идеалу. Въ этой ихъ неудовлетворенности сказалось вліяніе Петровской реформы, значительно облегчившей проникновеніе къ намъ западно-европейскихъ понятій. Но единственнымъ жизнеспособнымъ и плодотворнымъ идеаломъ, выработаннымъ европейской цивилизаціей того времени, былъ идеалъ французскаго третьяго сословія, выразившійся, между прочимъ, въ передовой французской философіи. Въ этомъ идеалѣ заключалось, между прочимъ, отрицаніе всѣхъ тѣхъ дворянскихъ привилегій, подъ сѣнью которыхъ выросла и воспиталась большая часть нашей тогдашней интеллигенціи. Чтобы серьезно увлечься имъ, нужно было совершенно *покинуть точку зрѣнія дворянскаго сословія*, а на это способны были только единицы. Правда, представители нашей дворянской интеллигенціи начинали порой тяготѣть къ этому идеалу. Тогда они становились «вольтерьянцами», зачитывались «энциклопедистами», переводили сочиненія французскихъ матеріалистовъ и вообще какъ будто разрывали со всѣмъ своимъ духовнымъ прошлымъ. Но скоро начинали дѣйствовать старыя дрожжи, наши благородные сторонники идеала передовой французской буржуазіи ужасались своей собственной дерзости и возвращались къ прежнимъ религіознымъ вѣрова-

[1]) «Русская Мысль», октябрь, 1915 г., стр. 124.

ніямъ, а вмѣстѣ и къ убѣжденію въ томъ, что безъ дворянскихъ привилегій, а главное, безъ крѣпостного права обойтись невозможно. Какъ мы уже знаемъ, это случилось, напримѣръ, съ И. В. Лопухинымъ, который, переведя и заставивъ красиво переписать послѣднюю главу второго тома Гольбаховой «Système de la Nature», тотчасъ же почувствовалъ «неописанное раскаяніе», сжегъ свой переводъ и сдѣлался убѣжденнымъ русскимъ консерваторомъ, придававшимъ очень большое значеніе религіозной санкціи дорогого ему общественнаго порядка. Съ нимъ,— да и не съ нимъ однимъ, — случилось то же, что пережилъ Д. И. Фонъ-Визинъ. Но, возвращаясь къ своимъ прежнимъ религіознымъ вѣрованіямъ, авторъ «Бригадира» опять усвоилъ ихъ себѣ во всей ихъ непосредственности. Это удавалось не всѣмъ. Далеко не для всѣхъ проходило безслѣдно хотя бы и кратковременное увлеченіе «ансиклопедистами». Вкусивъ отъ древа «ансиклопедическаго» познанія добра и зла, они уже не вполнѣ удовлетворялись своими старыми религіозными понятіями. Это было мучительно. И тѣмъ мучительнѣе, чѣмъ сильнѣе хотѣлось имъ вѣрить. Вотъ тутъ-то и приходила къ нимъ на выручку мистика XVIII-го столѣтія.

Порожденная тѣмъ самымъ процессомъ общественнаго развитія, который, съ другой стороны, вызвалъ къ жизни освободительную французскую философію, мистика эта, представлявшая собою одно изъ средствъ духовной борьбы съ движеніемъ третьяго сословія, гораздо больше, нежели старая христіанская догматика и обрядность, годилась для внесенія полнаго мира въ души, прошедшія черезъ «вольтерьянство». Поэтому и тяготѣли къ ней русскіе люди, разрывавшіе съ новымъ французскимъ ученіемъ. Лопухинъ нашелъ успокоеніе именно въ мистикѣ, а не въ старозавѣтныхъ религіозныхъ понятіяхъ тѣхъ своихъ соотечественниковъ, которые, въ своей безпредѣльной простотѣ, считали масоновъ слугами антихриста. И чѣмъ сильнѣе, чѣмъ неотступнѣе были духовные запросы русской дворянской интеллигенціи этого оттѣнка, тѣмъ больше должна была она дорожить мистикой.

Нѣкоторые изслѣдователи видѣли трагедію Лопухина и его мистическихъ единомышленниковъ въ томъ, что они искали самаго истиннаго масонства, а пришли,—благодаря услужливому посредничеству Ивана Егоровича Шварца,—къ такому, которое можно назвать самымъ худшимъ, т. е. къ розенкрейцерству. Но разъ уже явилась у этихъ людей потребность утолять свою духовную жажду водой мистицизма, то чѣмъ

мутнѣе была эта вода, тѣмъ больше должна была она приходиться имъ по вкусу. Это такъ же естественно, какъ и то, что люди, желающіе опьянить себя, предпочитаютъ крѣпкое вино слабому.

А. И. Герценъ удивлялся когда-то, что при своей гуманности Лопухинъ обнаруживалъ «закоснѣлое упорство» въ защитѣ крѣпостного права. По мнѣнію Герцена, Лопухинъ въ этомъ отношеніи «невольно противорѣчитъ самъ себѣ и отъ этого впадаетъ въ фразы». Для примѣра Герценъ указывалъ на то письмо къ Александру I, въ которомъ Лопухинъ, заявляя, что онъ стыдится слова холопъ и желалъ бы, чтобы всѣ русскіе были свободны, прибавлялъ, однако, что вторженіе непріятеля было бы менѣе гибельно, чѣмъ ограниченіе помѣщичьей власти [1]).

По этому поводу г. Пиксановъ съ жаромъ высказался противъ дуалистическаго метода мышленія, который знаетъ только двѣ категоріи историческихъ явленій—«свѣтлыхъ и темныхъ». Въ противоположность Герцену, г. Пиксановъ утверждаетъ, что у Лопухина было на рѣдкость цѣльное и законченное міросозерцаніе [2]). Въ дѣйствительности, г. Пиксановъ ошибается, какъ и Герценъ, только въ другомъ направленіи.

Лопухинъ, со своимъ отношеніемъ къ крѣпостному праву, отнюдь не былъ исключеніемъ среди московскихъ розенкрейцеровъ. Какъ справедливо замѣчаетъ г. Барсковъ, всѣ они мирно уживались съ крѣпостнымъ строемъ и даже работали въ его пользу. «Новиковъ, по выходѣ изъ Шлиссельбурга, хозяйничалъ въ крѣпостной деревнѣ и, какъ заурядный помѣщикъ, курилъ въ ней водку, изобрѣтая разныя пособія крайне тѣснымъ и труднымъ обстоятельствамъ. Поздѣевъ довелъ своихъ крѣпостныхъ до бунта, гр. А. С. Строгановъ, человѣкъ, по отзыву императрицы, самый мягкій и, въ сущности, гуманный, у котораго доброта сердца граничила со слабостью, горячо защищалъ дѣло рабства, которое бы должно изобличать весь складъ его души» [3]). Въ дополненіе къ этому можно указать на то, съ какимъ олимпійскимъ спокойствіемъ говорилъ о дѣлежѣ крѣпостныхъ людей розенкрейцеръ А. М. Кутузовъ. «Пу-

---

[1]) См. предисловіе Искандера къ Лондонскому изданію записокъ Лопухина.

[2]) Масонство въ его прошломъ и настоящемъ, томъ I, стр. 228 (Статья «Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ»).

[3]) Предисловіе къ перепискѣ московскихъ масоновъ XVIII вѣка, стр. LVII—LVIII.—Правда, дѣла Новикова были тогда крайне разстроены благодаря пережитому имъ преслѣдованію. Временами его семьѣ приходилось чуть не голодать. Если это ничего не *извиняетъ*, то кое-что *объясняетъ*.

бликуя въ вѣдомостяхъ (о продажѣ деревень. Г. П.),—писалъ онъ Тургеневу,—надобно выговорить (sic) нѣкоторыхъ дворовыхъ людей; я и самъ еще не знаю, которые мнѣ достанутся; когда станутъ дѣлить, то постарайтесь, чтобы и дворовые люди раздѣлены были поровну. Тутъ есть два парикмахера, одинъ Сергѣй Смирной, другой—Федулъ Григорьевъ; итакъ смотри, чтобы на одну сторону не достались» [1]).

Сохранилось три письма Н. И. Новикова къ своему «начальнику», подписанныхъ масонскимъ его именемъ «*Коловіонъ*» (другое масонское имя его было: eques ab ancora). Въ одномъ изъ этихъ писемъ, говоря о производствѣ дѣлъ типографическихъ, онъ замѣчаетъ: «Въ смотрѣніи за типографическими дѣлами главнѣйшее и безпокойнѣйшее есть то, что безпрестанно имѣть смотрѣніе за рабочими людьми, чтобы они приходили на работу, чтобы исправно работали и чтобы не было кражи и напраснаго медленія и остановки въ дѣлѣ, также и разбирать безпрестанныя ихъ ссоры и проч. Ибо вамъ... частью извѣстно, что большая часть рабочихъ людей, по прежнему за ними несмотрѣнію, избалованы и пьяницы, то и смотрѣніе за ними должно быть строгое, и сіе съ покорностью моею представляю на благоизволеніе ваше» [2]). Это напоминаетъ мнѣніе Щербатова о крайней испорченности рабочихъ, и тонъ этого «строгаго» отзыва о рабочихъ наводитъ на ту мысль, что Новиковъ мало интересовался ихъ *земной* жизнью. Письмо написано было еще до смерти Шварца.

Г. Барсковъ говоритъ, что между нашими розенкрейцерами только С. Н. Гамалѣя своимъ отношеніемъ къ крѣпостному праву составлялъ исключеніе изъ указаннаго имъ общаго правила. Мы скоро увидимъ, какъ надо понимать отношеніе Гамалѣи къ тогдашней русской дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ, г. Барсковъ, подобно Герцену, видитъ въ указанномъ имъ отношеніи московскихъ розенкрейцеровъ къ крѣпостному праву противорѣчія этихъ «гуманистовъ» съ самими собою [3]). Но въ томъ то и дѣло, что никакого противорѣчія здѣсь не было.

Въ 1784 г. Лопухинъ печаталъ въ своей типографіи «*Магазинъ свободно-каменьщическій*», издававшійся,—какъ говорили

---

[1]) Цитировано г. Е. Тарасовымъ въ статьѣ «Исторія масонства въ Россіи».—Забытый розенкрейцеръ А. Н. Кутузовъ (По неизданнымъ документамъ).—Статья эта напечатана въ сборникѣ, посвященномъ С. Ф. Платонову его учениками, друзьями и почитателями (СПБ. 1911).

[2]) С. В. Ешевскій, сочиненія по русской исторіи, стр. 258.

[3]) См. названное выше предисловіе, та же страница.

издатели въ своемъ обращеніи къ читателямъ,—для того, чтобы принятые въ масонскій орденъ, а равно и посторонніе могли почерпать истинныя свѣдѣнія о масонствѣ. Изъ первой же статьи этого журнала мы узнаемъ, что опасны тѣ люди, «которые умѣютъ возмущать глупыя и несчастливыя страсти простой толпы», и что «ложи каменьщиковъ никому, кромѣ черни, не затворены» [1]). Это было весьма послѣдовательно. Наши розенкрейцеры защищали крѣпостной бытъ не по какому-нибудь случайному недоразумѣнію, а потому, что они являлись идеологами того сословія, все существованіе котораго всецѣло основывалось въ тогдашней Россіи на эксплоатаціи порабощеннаго крестьянина [2]). Увлеченіе большинства ихъ прогрессивнымъ идеаломъ французскаго *третьяго сословія* потому и могло быть лишь очень кратковременнымъ, что они не способны были надолго покинуть *дворянскую* точку зрѣнія.

Мистика, вносившая миръ въ ихъ души, привлекала ихъ, между прочимъ, потому, что она сама была реакціей противъ революціонныхъ стремленій третьяго сословія. Она отвращала вниманіе людей отъ недостатковъ общественнаго строя обѣщаніемъ загробнаго блаженства. Сдѣлавшись розенкрейцеромъ, Лопухинъ, въ своемъ «Нравоучительномъ катехизисѣ», говоритъ, что истинный франкъ-масонъ долженъ больше всего заботиться о будущемъ блаженствѣ своихъ подчиненныхъ. Другой мистикъ излагаетъ ту же мысль стихами:

Зри духомъ въ вѣчность. Что твой взоръ встрѣчаетъ?
Тамъ лучшій міръ, тамъ Богъ?—Страдалецъ, улыбнись?

Обращаясь съ такими утѣшеніями къ страдальцамъ, мистика, въ противоположность французской философіи, не только не колебала существовавшаго порядка, но поддерживала его. И если Лопухинъ и люди одинаковаго съ нимъ консервативнаго настроенія тяготѣли къ ней, то это не значитъ, что они были «аполитичны» и не интересовались вопросами общественнаго устройства. Какъ сильно интересовался ими Лопухинъ, видно уже изъ того страха, который внушало ему впослѣдствіи предполагавшееся имъ намѣреніе правительства Александра I уни-

[1]) Цит. у Незеленова, «Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху», стр. 177—178.

[2]) Г. Барсковъ дѣлаетъ интересныя указанія на то, какъ учитывали московскіе розенкрейцеры разницу общественныхъ «состояній» даже въ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ. Онъ прибавляетъ, что эта черта «барства» бросалась въ глаза масонамъ-иностранцамъ (Барону Шрейдеру). Назв. предисловіе, стр. LI.

чтожить крѣпостное право. Онъ доказывалъ, что «Народъ требуетъ обузданія» для собственной его пользы, и что для «сохраненія общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управленіе помѣщиковъ [1])». Этотъ взглядъ былъ очень распространенъ между помѣщиками. Какъ мы знаемъ, въ этой средѣ онъ сопровождался тѣмъ убѣжденіемъ, что неограниченная власть русскихъ помѣщиковъ должна дополняться неограниченной властью русскаго монарха. Лопухинъ вполнѣ раздѣлялъ и это ходячее убѣжденіе. Его политическій консерватизмъ ярко выразился во многихъ его сочиненіяхъ. Для примѣра укажу на «Катехизисъ», гдѣ говорится, что истинный франкъ-масонъ долженъ чтить своего Государя—«и во всякомъ страхѣ повиноваться Ему, не токмо доброму и кроткому, но и строптивому». Вообще «масонъ долженъ быть покоренъ вышнимъ Властямъ, не токмо изъ страха наказанія, но и по долгу совѣсти».

VII.

Не менѣе консервативно настроены были и другіе московскіе розенкрейцеры. Когда М. Н. Радищевъ арестованъ былъ за свою книгу «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», кн. Н. Н. Трубецкой писалъ А. М. Кутузову: «Теперь скажу тебѣ, что посвятившій нѣкогда тебѣ книгу и учившійся съ тобою въ Лейпцигѣ находится подъ судомъ за дерзновенное сочиненіе, которое, сказываютъ, такого рода, что стоитъ публичнаго и самаго строгого наказанія. Вотъ, мой другъ, вѣтреная его и гордая голова куда завела, и вотъ слѣдствіе обыкновенное быстраго разума, не основаннаго на христіанскихъ правилахъ. Я, зная твое прекрасное сердце, знаю, что тебя тронетъ сіе извѣстіе. Но по всему, мною слышанному, онъ точно достоинъ участи, ему угрожающей, почему и огорчаться о немъ ты не долженъ, но вздохнуть только ко Управляющему всѣмъ, да сдѣлаетъ Онъ наказаніе, ему угрожающее, средствомъ ко обращенію его на познаніе его мерзостей и на покаяніе объ оныхъ» [2]).

Это письмо помѣщено 1 августа 1790 г. Полтора года спустя самъ А. М. Кутузовъ, въ письмѣ къ Радищеву, съ которымъ его, несмотря на коренную разницу взглядовъ, связы-

---

[1]) Строкъ, цитируемыхъ здѣсь мною, нѣтъ въ лондонскомъ изданіи «Записокъ Лопухина»; онѣ находятся въ другомъ изданіи (Чтенія въ обществѣ ист. и древ. 1860).

[2]) Переписка московскихъ масоновъ XVIII столѣтія, стр. 8.

вала старая дружба,—высказалъ благочестивую надежду на то что ссылка автора «Путешествія» принесетъ ему нравственную пользу. «Горько мнѣ, другъ мой, сказать тебѣ,—писалъ онъ,—но дружба моя исторгаетъ сію истину: твое положеніе имѣетъ свои выгоды. Отдѣленъ, такъ сказать, отъ всѣхъ человѣковъ, отчужденъ отъ всѣхъ ослѣпляющихъ насъ предметовъ,—тѣмъ удачнѣе имѣешь ты странствовать въ собственной твоей области, въ самомъ себѣ; хладнокровіемъ можешь ты взирать на самого себя и, слѣдовательно, съ меньшимъ пристрастіемъ будешь судить о вещахъ, на которыя ты прежде глядѣлъ сквозь покрывало честолюбія и мірскихъ суетъ. Можетъ быть, многое представится тебѣ въ совершенно новомъ видѣ, и, кто знаетъ, не перемѣнишь ли ты образа твоего мыслить и не откроешь ли многихъ истинъ, о которыхъ ты прежде сего не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія» [1]). Письмо это показываетъ, какъ далекъ былъ его авторъ хотя бы отъ самомалѣйшаго политическаго свободомыслія. И поистинѣ парадоксально то мнѣніе г. Е. Тарасова, что Кутузовъ былъ даже поклонникомъ свободы, «но съ извѣстными ограниченіями» [2]). Ограниченія были такъ велики, что для поклоненія свободѣ не оставалось и мѣста.

Наказаніе, постигшее Радищева, представлялось Н. Н. Трубецкому мягкимъ до послѣдней степени возможности. «А что онъ (Радищевъ. Г. П.) преступникъ,—говорилъ сіятельный розенкрейцеръ,—то я сіе утвердить могу по нѣкоторымъ фрагментамъ, которые мнѣ пересказывали изъ его книги; и увѣряю тебя, мой другъ, что вездѣ, кромѣ какъ подъ правленіемъ толико милосердной матери нашей, онъ бы за преступленіе свое потерялъ голову на эшафотѣ; даже бы и при самомъ владѣніи Елисаветы онъ бы истязанъ былъ въ Тайной; ибо онъ не только разрывалъ въ книгѣ своей всѣ союзы общества, но и освященную особу царскую не пощадилъ. И за все оное, чѣмъ онъ наказанъ? Отняты у него средствы быть впредь вреднымъ; да и заключенъ онъ не навсегда, а только на время, дабы могъ опомниться и изъ преступника содѣлаться впредь полезнымъ членомъ общества. И такъ, мой другъ, будь спо-

---

[1]) Переписка московскихъ масоновъ XVIII вѣка, стр. 195. Я не ставлю здѣсь вопроса о тактичности подобнаго обращенія къ сосланному другу. Но этотъ вопросъ былъ бы тѣмъ умѣстнѣе, что письмо А. М. Кутузова было отвѣтомъ на письмо къ нему А. Н. Радищева, полное искренняго расположенія и совершенно чуждое какихъ бы то ни было наставленій по адресу несогласномыслящаго друга. (См. тамъ же, стр. 168).

[2]) Сборникъ, посвященный С. Ф. Платонову его учениками, друзьями и почитателями, стр. 232.

коенъ объ его участи и моли Спасителя нашего, толико жаждущаго покаянія и исправленія грѣшника, чтобы онъ ему далъ слезы покаянія для омовенія дерзновеннаго его поступка, и тогда онъ же вложитъ въ сердце монархини и матери нашей, всегда готовое прощать, что она возвратитъ его въ свое время, и мы его увидимъ изъ преступника полезнымъ гражданиномъ, который самъ будетъ проклинать тѣ правилы, которыя истекли изъ его пера» [1]). Комментаріи излишни.

Въ свою очередь, Лопухинъ порицалъ дерзость «несчастнаго Радищева», позволившаго себѣ написать книгу, въ которой осуждался существующій порядокъ. Онъ говорилъ въ письмѣ къ тому же Кутузову:

«Весьма справедливо твое, мой другъ, мнѣніе, и я съ нимъ согласенъ, что ежели подданный и сынъ отечества почитаетъ за долгъ представить о чемъ нибудь истину своему государю, то онъ долженъ сіе сдѣлать лицу его непосредственно и тайно, въ любви и благоговѣніи, и, какъ я увѣренъ, пріиметъ сіе всегда Екатерина, а не разсѣяніемъ книги, могущей возмутить покой общественный» [2]).

Теперь хорошо извѣстно, что переписка московскихъ розенкрейцеровъ подвергалась наблюденію со стороны правительства (такъ называвшаяся *перлюстрація*). Они знали объ этомъ и потому считали нужнымъ оттѣнять въ своихъ письмахъ консервативный характеръ своихъ политическихъ воззрѣній. Однако, розенкрейцеры выставляли здѣсь на видъ то, что, въ самомъ дѣлѣ, принадлежало имъ и за что они весьма крѣпко держались. Въ началѣ царствованія Александра I они уже не могли опасаться правительственныхъ преслѣдованій, а между тѣмъ они и тогда продолжали высказываться въ крайне консервативномъ духѣ.

Консерватизмъ составлялъ основу всѣхъ общественныхъ и политическихъ взглядовъ какъ самого Шварца, такъ и всѣхъ его русскихъ послѣдователей. Конечно, этотъ консерватизмъ тоже имѣлъ свою исторію. Первоначально онъ существовалъ болѣе въ видѣ *инстинкта* чѣмъ въ совокупности *продуманныхъ взглядовъ* на общественно-политическія отношенія.

Французская революція, на практикѣ примѣнившая теоретическія воззрѣнія передовыхъ французскихъ философовъ, послужила тѣмъ толчкомъ, благодаря которому консерватизмъ московскихъ розенкрейцеровъ окончательно перешелъ изъ области

---

[1]) Тамъ же, стр. 92—93.
[2]) Тамъ же, стр. 90.

инстинкта въ область *сознанія*. Если прежде они съ ненавистью говорили о новой французской *теоріи*, то теперь ихъ ужасала новая французская *практика*. Лопухинъ, на счетъ котораго обучались въ чужихъ краяхъ В. Я. Колокольниковъ и М. И. Невзоровъ, сообщилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Кутузову, что по полученіи ими докторской степени въ Лейденѣ, онъ отсовѣтовалъ имъ ѣхать въ Парижъ для дальнѣйшей «экзерциціи», такъ какъ «въ разсужденіи царствующей тамъ нынѣ мятежности» считалъ «за полезное избѣгать тамошняго житья» (ноябрь, 1790 г.) [1]. Вѣрные ученики московскихъ розенкрейцеровъ, Колокольниковъ и Невзоровъ и сами боялись ѣхать во Францію. Они писали Лопухину изъ Лейдена отъ 6 ноября 1790 г.: «завтра отправляемся мы въ путь, по совѣту вашему въ Швейцарію, гдѣ остановимся въ Бернѣ, или въ Лаузенѣ, потому что въ обоихъ сихъ мѣстахъ имѣются академіи. Чтобы миновать Франціи, то мы поѣдемъ чрезъ нѣкоторые города нѣмецкіе, а именно Клевъ, Кельнъ и Майнцъ; такимъ образомъ мы не токмо минуемъ Франціи, но и Брабанта, гдѣ больше еще мятежа, нежели во Франціи» [2].

Кн. Н. Н. Трубецкой писалъ А. М. Кутузову (13 марта 1791 г.), жалуясь на нѣкоторыхъ французскихъ мистиковъ, вдругъ заговорившихъ революціоннымъ языкомъ: «О, другъ мой, колико тонокъ дьяволъ! Онъ приготовлялъ чрезъ такъ называемыхъ философовъ умы французовъ къ низверженію съ себя религіи и, когда ему сіе удалось, то онъ ослѣпилъ ихъ умъ къ низверженію власти царской, а теперь употребляетъ сущее суевѣріе, подъ краскою и подъ именемъ христіанства, чтобъ утвердить пагубное безначаліе, въ которомъ понеже нѣтъ ничего иного, кромѣ безпорядка, онъ можетъ утверждать престолъ свой и гнать истинное Христово ученіе, которое, ради Его царства, пагубно, ибо основано на повиновеніи Богу, царямъ, яко его орудіямъ, по словамъ Христовымъ, что сердце царево въ рукѣ Божьей, и правительствамъ, ибо Христосъ есть законъ порядка, и на исправленіи самого себя, ибо Христосъ духомъ своимъ хочетъ царствовать въ пріуготовленныхъ и очищенныхъ сердцахъ человѣческихъ отъ всякія скверны, приверженной человѣку отъ его паденія» [3].

Въ письмѣ къ Лопухину Кутузовъ увѣрялъ: «Смѣло можно сказать, что изъ среди насъ не выдетъ никогда Мирабо и ему

---

1) Переписка московскихъ масоновъ, стр. 26.
2) Тамъ же, стр. 22.
3) Тамъ же, стр. 104—106.

подобныя чудовища. Христіанинъ и возмутитель противъ власти, отъ Бога установленныя, есть совершенное противоречіе» (ноябрь, 1790 г.)[1]). Какъ видно, Мирабо казался тогда этимъ убѣжденнымъ охранителямъ самымъ страшнымъ представителемъ французской мятежности. Въ 1791 г. Кутузовъ въ письмѣ къ кн. Н. Н. Трубецкому опять высказывалъ «*математическую* увѣренность въ томъ, что истинный христіанинъ не уподобится никогда Мирабо». Князю Трубецкому этого совсѣмъ не нужно было доказывать съ помощью математики. Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что истинный христіанинъ «николи не будетъ Мирабо», онъ прибавлялъ сюда еще то общее соображеніе, что послѣдователь истиннаго христіанства «никогда не согласится съ нынѣшними просвѣтителями Франціи, но всегда радъ пролить свою кровь за защищаніе государя... и что, словомъ, христіанинъ, бывъ и подъ правленіемъ Нерона, не нарушитъ своего обѣта и не дерзнетъ возстать противъ власти, коей онъ клялся быть вѣрнымъ, ибо онъ здѣсь не ожидаетъ спокойствія, но вѣдаетъ, что терпѣніе, повиновеніе властямъ и исполненіе должности своей къ Богу и къ Государю суть тотъ путь, который препровождаетъ его къ ожидаемому имъ спокойствію не здѣсь, ибо здѣсь его быть не можетъ (sic), но тамъ, гдѣ онъ спокойствіе получаетъ въ награду за претерпѣнное имъ здѣсь»[2]).

Въ сочиненіи, относящемся къ 1794 г. и озаглавленномъ: «*Изліяніе сердца, чтущаго благость единоначалія и ужасающагося, взирая на пагубные плоды мечтанія равенства и буйной свободы, съ присовокупленіемъ нѣскольких изображеній душевной слѣпоты тѣхъ, которые не тамъ, гдѣ должно, ищутъ причинъ своихъ бѣдствій*», Лопухинъ подробно доказывалъ, что на землѣ устроить благоденствіе невозможно, что безпорядки неизбѣжны даже при наилучшемъ правленіи, и что, поэтому, частнымъ людямъ лучше и не задумываться объ измѣненіи существующаго политическаго строя. Изо всѣхъ возможныхъ формъ правленія ему и теперь,—лучше сказать: теперь больше, чѣмъ когда бы то ни было, — наименѣе несовершенной представляется неограниченная монархія, въ пользу которой говоритъ разсудокъ, подкрѣпляемый нашимъ историческимъ опытомъ, и которая особенно пригодна для такихъ обширныхъ странъ, какъ Россія. По словамъ Лопухина, монархъ изображаетъ высшее существо и «списуетъ его уставы» въ своемъ законодательствѣ.

[1]) Переписка московскихъ масоновъ, стр. 33.
[2]) Тамъ же, стр. 112.

Эта апологія монархіи сопровождается страстнымъ выпадомъ противъ Франціи:

«О страна несчастія!—вопіетъ онъ,—коль ужасное позорище превратовъ (sic) и бѣдствій ты являешь! Добродѣтель вмѣняется въ порокъ, и святые законы чистоты ея почитаются вымысломъ суевѣрія, навыкомъ только и условіемъ (т. е. условными. Г. П.). Дерзость, безстыдство, лютость паче звѣрской, и жало сатанинскаго остроумія составляютъ качество сонмища мучителей, весь народъ мерзостью своею печатлѣющаго» и т. д. Само собою разумѣется, что равенство, къ которому стремились французскіе революціонеры, кажется консервативному идеологу русскаго дворянства неосуществимой на землѣ утопіей. Онъ объявляетъ неравенство вѣчнымъ закономъ природы: «все намъ возвѣщаетъ необходимость, пользу подчиненія и власти. Вся натура живописуетъ несущіе намъ (sic) и невозможность равенства... Въ самыхъ горнихъ селеніяхъ духовныхъ царствуетъ божественно устроенное неравенство... И сіе преизящное неравенство, изъ бездны красотъ истекающее, составляетъ существо и стройность творенія, и въ дивномъ многоразличіи возвѣщаетъ единство Всемогущаго Творца» [1]).

Нельзя не подивиться строгому соотвѣтствію, установившемуся между консерватизмомъ Лопухина и его религіозными вѣрованіями. О такомъ соотвѣтствіи съ большой похвалой отозвался бы самъ Жозефъ-де-Мэстръ. Но совершенно такое же соотвѣтствіе замѣчается и въ воззрѣніяхъ другихъ нашихъ розенкрейцеровъ.

Единственный упрекъ, съ которымъ обращались они къ Екатеринѣ II, указывая на опытъ французской революціи, состоялъ въ нелишенномъ язвительности напоминаніи о томъ, что сама эта государыня кокетничала когда-то съ Энциклопедистами. Да и этотъ упрекъ выражался въ формѣ общаго разсужденія о томъ, какія вредныя послѣдствія вело за собою покровительство, оказанное *нѣкоторыми* правительствами опаснымъ французскимъ новаторамъ, и потому имѣлъ скорѣе характеръ намека. При томъ же, онъ дѣлался въ частныхъ письмахъ, авторы которыхъ знали, правда, что они доходятъ, благодаря «перлюстраціи», до свѣдѣнія ученицы Вольтера.

Французская революція съ ея крайнимъ обостреніемъ классовой борьбы, составила эпоху въ исторіи общественной мысли Европы вообще и Россіи, въ частности. Практическіе планы

---

[1]) См. названную выше статью г. Пиксанова, стр. 240 1-го тома «Масонство въ его прошломъ и настоящемъ».

французскихъ соціалистовъ-утопистовъ въ значительной степени подсказывались стремленіемъ найти средство для примиренія классовъ. Въ слѣдующемъ томѣ я покажу, что страхъ передъ революціонной борьбой классовъ повліялъ и на образъ мыслей нашихъ декабристовъ. Но уже въ XVIII вѣкѣ французская революція вызвала цѣлый переполохъ въ нашемъ обществѣ. И едва-ли имѣла она въ Россіи болѣе сознательныхъ и,—главное,—болѣе *послѣдовательныхъ* противниковъ, чѣмъ были московскіе розенкрейцеры. *Они занимали у насъ тогда самое видное мѣсто между тѣми европеизованными русскими людьми, которые стали отрицательно относиться къ Западу, опасаясь революціоннаго воздѣйствія его на Россію.*

Мы уже видѣли, что опасеніе подобнаго воздѣйствія отчасти сказалось еще въ сатирическихъ произведеніяхъ Н. И. Новикова. Подъ вліяніемъ мистики, страхъ передъ западноевропейскимъ свободомысліемъ, къ сожалѣнію, еще больше овладѣлъ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Но объ его увлеченіи мистикой и о вліяніи, оказанномъ на него этимъ увлеченіемъ, рѣчь пойдетъ у насъ ниже. Теперь я укажу на другихъ.

Лопухинъ писалъ: «Хотя я очень мало свѣдущъ въ дѣлахъ иностранныхъ и комерческихъ, однако, при семъ, могу кажется не безъ основанія осмѣлиться сказать, что главное искусство Россійской политики должно состоять въ томъ, чтобъ сколько можно не только меньше зависѣть отъ Европы, но и меньше связей съ нею имѣть какъ политическими сношеніями, такъ и нравственными. Подъ именемъ послѣднихъ разумѣю и обычаи, коихъ заразительная гнилость снѣдаетъ древнее здравіе душъ и тѣлъ Россійскихъ» [1]. Эта мысль, коренившаяся въ глубочайшей основѣ міросозерцанія нашихъ мистиковъ, получила потомъ широкое развитіе въ статьяхъ С. П. Шевырева.

Но прежде, чѣмъ за ея развитіе взялся С. П. Шевыревъ, она неоднократно повторялась въ статьяхъ М. И. Невзорова,—того самаго, который, окончивъ медицинскій факультетъ въ Лейденѣ, не рѣшался посѣтить Францію и Бельгію въ виду происходившихъ тамъ безпорядковъ. Непримиримый врагъ «философіи міра сего», Невзоровъ, даже на фармакопею смотрѣвшій глазами мистика [2]), высказывалъ твердое убѣжденіе

[1]) Записки Лопухина, стр. 190 лондонскаго изданія.

[2]) Когда австрійскіе врачи признали хининъ необходимымъ лѣчебнымъ средствомъ, этотъ докторъ медицины писалъ въ своемъ журналѣ «Другъ юношества» (январь 1802 г.): «Какъ міръ стоитъ тому уже болѣе семи тысячъ лѣтъ и объ [illegible] уже много Гиппократъ..., а какъ сыскана Америка, изъ которой привозится перувіанская кора или хина, тому съ небольшимъ триста лѣтъ:

въ томъ, что вся исторія Запада была лишь подготовленіемъ къ разразившейся во Франціи революціи и что «отъ сѣвера (т. е. Россіи. Г. П.) не только будетъ избавленіе многимъ странамъ отъ ига новаго Навуходоносора (Наполеона. Г. П), но изыдетъ яркій лучъ и прольется свѣтъ истиннаго просвѣщенія на Европу и другія страны міра» [1]). Эта мысль Невзорова тоже вошла, какъ одинъ изъ составныхъ элементовъ, въ ученіе славянофиловъ.

Обращаясь къ молодежи, Невзоровъ писалъ: «Любезные юноши! Уважайте просвѣщенныхъ и добродѣтельныхъ иностранцевъ, но не перенимайте всего того, что водится, дѣлается и славится въ чужихъ краяхъ, а слѣдуйте во многомъ простодушнымъ своимъ предкамъ» [2]). Къ чему пришелъ онъ самъ, слѣдуя простодушнымъ предкамъ, хорошо видно изъ его отрицательнаго отношенія къ романамъ, трагедіямъ и комедіямъ. Его очень огорчало то обстоятельство, что грѣшный Гете становился «оракуломъ изящности» [3]).

Литературная дѣятельность Невзорова относится собственно къ первымъ двумъ десятилѣтіямъ девятнадцатаго вѣка. Но я считалъ полезнымъ теперь же указать на нее, такъ какъ воззрѣнія, высказанныя имъ въ своихъ статьяхъ, сложились у него подъ непосредственнымъ вліяніемъ московскихъ розенкрейцеровъ.

Покойный Пыпинъ назвалъ нашъ мистицизмъ девятнадцатаго вѣка *язвой для общества.* Но онъ отказывался признать его кровное родство съ мистицизмомъ XVIII столѣтія [4]). Но достаточно вспомнить о Невзоровѣ, Лабзинѣ и нѣкоторыхъ другихъ, подобныхъ имъ мистикахъ Александровской эпохи, чтобы придти къ прямо-противоположному взгляду: мистицизмъ Александровской эпохи по прямой линіи происходилъ отъ мистицизма Екатерининскаго времени и былъ единосущенъ съ нимъ.

VIII.

Итакъ, Герценъ впалъ въ большую ошибку, сказавъ, что въ Лопухинѣ помѣщикъ боролся съ человѣкомъ и мистикомъ [5]).

неужели до тѣхъ поръ родъ человѣческій долженъ былъ страдать лихорадками, не имѣя способнаго къ тому лѣкарства? Нѣтъ, я не думаю. Богъ есть премудръ, милосердъ и о тваряхъ своихъ промышляетъ. Онъ далъ все нужное для нихъ въ тѣхъ странахъ и мѣстахъ, гдѣ они живутъ». (О Невзоровѣ см. статью П. Безсонова въ III т. «Русской Бесѣды» за 1856 г., стр. 118—129).

[1]) «Русская Бесѣда», 1856 г., т. III, стр. 118 и 120.

[2]) Тамъ же, стр. 121.

[3]) Тамъ же, стр. 118—119.

[4]) Русское масонство, стр. 203—204.

[5]) Предисловіе къ лондонскому изданію «Записокъ Лопухина», стр. VII, примѣчаніе.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о «человѣкѣ», мы можемъ рѣшительно утверждать, что какъ въ Лопухинѣ, такъ и въ другихъ московскихъ розенкрейцерахъ, *мистикъ* жилъ съ *помѣщикомъ* въ полнѣйшемъ согласіи, служа ему необходимымъ дополненіемъ и желанной поддержкой.

Здѣсь читатель напомнитъ мнѣ, пожалуй, замѣчаніе г. Барскова о томъ, что С. И. Гамалѣя былъ въ этомъ отношеніи исключеніемъ изъ общаго правила. И въ самомъ дѣлѣ, все то, что намъ извѣстно объ этомъ другѣ Новикова, заставляетъ насъ воображать его себѣ настоящимъ безсребренникомъ, совершенно равнодушнымъ ко всякимъ сословнымъ привилегіямъ и даже къ простымъ правамъ своимъ по имуществу. Когда хотѣли дать ему въ награду за службу въ Бѣлоруссіи триста душъ крестьянъ, онъ отказался на томъ основаніи, что ему, не знающему, какъ управиться со своей собственной душою, страшно взять на себя попеченіе о чужихъ душахъ. Однажды на него напали грабители. Онъ равнодушно отдалъ имъ свои часы и кошелекъ, а придя домой, сталъ молиться о томъ, чтобы отнятыя у него вещи не были употреблены на что-нибудь дурное. Въ другой разъ его собственный слуга обокралъ его и бѣжалъ. Когда онъ былъ пойманъ, Гамалѣя подарилъ ему украденныя деньги и отпустилъ его на волю: «Ступай съ Богомъ» [1]). Какъ видимъ, С. М. Гамалѣя поступалъ такъ, какъ въ наши дни совѣтовалъ поступать,—*но самъ не поступалъ*,—гр. Л. Н. Толстой. Гамалѣя проповѣдовалъ нѣчто весьма похожее на ученіе о непротивленіи злу насиліемъ.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ такъ формулируетъ свой взглядъ на взаимныя обязанности людей: «Если вмѣсто любви къ нимъ (къ людямъ. Г. П.) дѣлаюсь судьею ихъ и еще строгимъ, не подозрѣвая себя, то я вступаю не въ мое дѣло, иду туда, куда не посланъ, учу кого не долженъ... А для меня гораздо бы лучше было, ежели бы я старался исполнять прежде на себѣ тѣ истины, которыя уже удалось познать, а потомъ и другимъ въ любви сообщать, *не негодуя* при томъ на нихъ, ежели они не исполняютъ по моему мнѣнію; ибо они своему Господу стоятъ или падаютъ, который и силенъ есть возставить ихъ; *а я не буду отвѣтствовать за нихъ*, а за себя; потому и полезнѣе мнѣ наблюдать за собою [2])».

---

[1]) М. Н. Лонгиновъ, Новиковъ и московскіе мартинисты. Москва, 1867, стр. 167.

[2]) Къ величайшему моему сожалѣнію я не имѣлъ возможности достать письма С. И. Гамалѣи, изданныя въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка въ Москвѣ.

Ученіе о непротивленіи злу доходитъ здѣсь до такихъ выводовъ, до которыхъ не дошелъ и гр. Л. Н. Толстой. С. И. Гамалѣя считалъ непозволительнымъ даже простое *негодованіе* противъ зла. Но совершенно ясно, что онъ стоялъ на той же крайне индивидуалистической точкѣ зрѣнія, на которую всталъ потомъ Л. Н. Толстой, и которая одна только и дѣлаетъ пріемлемымъ ученіе о непротивленіи злу. Гамалѣя готовъ былъ дать своимъ ближнимъ хорошій совѣтъ, но не считалъ себя въ правѣ негодовать на нихъ, такъ какъ ихъ сердце въ рукахъ Господа, и каждый отвѣчаетъ, въ концѣ концовъ, только за свое собственное поведеніе.

Невозможно отрицать, что С. И. Гамалѣя обнаружилъ огромный запасъ незлобивости и безкорыстія. Съ точки зрѣнія *формальной логики* его надо признать самымъ послѣдовательнымъ изъ русскихъ розенкрейцеровъ: кто твердитъ: «зри духомъ въ вѣчность», кто проповѣдуетъ равнодушіе къ преходящимъ земнымъ благамъ, тотъ поступаетъ логично, отказываясь сопротивляться людямъ, отнимающимъ у него эти блага.

Въ теоріи, ученіе о непротивленіи злу признавали всѣ наши мистики. Вотъ, напримѣръ, Лопухинъ въ своемъ «*Краткомъ изображеніи качествъ и должностей истиннаго христіанина, почерпнутомъ изъ слова Божія и расположенномъ по вопросамъ и отвѣтамъ*», такъ отвѣчалъ на вопросъ, что долженъ дѣлать истинный христіанинъ съ тѣмъ, кто хочетъ съ нимъ судиться и лишить его принадлежащаго ему:

«Есть ли кто хочетъ съ нимъ судиться и отнять у него платье, то долженъ онъ отдать ему и рубашку; и есть ли кто пожелаетъ заставить его итти съ собою версту, то итти съ нимъ и двѣ, т. е. онъ долженъ, съ духомъ безпредѣльнаго смиренія, собою и всякою собственностью жертвовать любви».

Совершенно въ томъ же смыслѣ отвѣчалъ онъ тамъ и на болѣе общій вопросъ: что долженъ дѣлать истинный христіанинъ съ тѣмъ, кто его обидитъ?

«Принявъ обиду съ ненарушимымъ терпѣніемъ, долженъ готовъ быть съ любовію снести еще большую [1])».

Между тѣмъ, Лопухинъ служилъ въ уголовной палатѣ и велъ гражданскія тяжбы даже со своими пріятелями [2]). Трудно

Поэтому они цитируются мною по Незеленову: «Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху», стр. 175—176. О Гамалѣѣ см. статью М. В. Довнаръ-Запольскаго во *второмъ* томѣ издающейся подъ редакціей г.г. Мельгунова и Сидорова исторіи масонства.

[1]) Масонскіе труды Лопухина, выпускъ I, часть II, стр. 68.

[2]) О тяжбѣ его съ семьей своего близкаго друга И. П. Тургенева, см. въ цитированной выше статьѣ г. Пиксанова (Масонство въ его прошломъ и настоящемъ, т. I, стр. 234, 236, 237).

предполагать, что онъ простилъ бы слугѣ, который вздумалъ бы его обокрасть, или грабителямъ, которые отняли бы у него кошелекъ и часы. Съ этой стороны онъ совсѣмъ не отличался свойственной Гамалѣѣ послѣдовательностью. Не отличались ею и другіе московскіе розенкрейцеры. И *не смотря на это, они оставались болѣе вѣрны духу мистики, нежели самъ Гамалѣя.* Это можетъ показаться страннымъ, но это такъ.

Мистика явилась однимъ изъ духовныхъ выраженій реакціи противъ усилій третьяго сословія покончить со старымъ порядкомъ. Кто возстаетъ противъ попытокъ устранить данный порядокъ, тотъ вовсе не пренебрегаетъ имъ. Не пренебрегали старымъ порядкомъ и знакомые намъ московскіе мистики. Напротивъ, они дорожили его *основами*, если не всѣми отдѣльными его частностями. Но въ противоположность христіанству, учившему не дорожить земными благами и заботиться преимущественно о спасеніи души, идеологи третьяго сословія совѣтовали сосредоточить свое вниманіе исключительно на земныхъ дѣлахъ, чтобы людямъ «уже здѣсь, на землѣ, устроить царство небесное». Реакція противъ новой французской философіи снова и неизбѣжно приводила къ проповѣди того взгляда, что спасеніе души есть единственное благо, заслуживающее вниманія истиннаго христіанина. Этимъ взглядомъ и подсказано было поведеніе Гамалѣи. Но историческое значеніе этого взгляда,—опредѣлившее собою его raison d'être,—сводилось къ тому, что онъ служилъ доводомъ противъ революціонныхъ стремленій того времени, т. е. духовнымъ средствомъ защиты стараго порядка. Поскольку имъ обусловливалось равнодушное отношеніе къ привилегіямъ высшаго сословія, постольку онъ попадалъ дальше цѣли и становился исторически-нецѣлесообразнымъ. Теорія, его выдвинувшая, приходила въ противорѣчіе со своей собственной природой. *Это противорѣчіе, незамѣтное для Гамалѣи, устранялось непослѣдовательностью Лопухина и ближайшихъ единомышленниковъ.* Непослѣдовательные съ точки зрѣнія формальной логики, они были послѣдовательнѣе Гамалѣи съ точки зрѣнія той объективной логики исторіи, которая проходила мистику XVIII столѣтія и обезпечила ей довольно широкое распространеніе на материкѣ Европы.

Если формальная логика подсказывала *мистикамъ* равнодушіе къ привилегіямъ высшаго сословія, то никакъ не слѣдуетъ думать, что равнодушіе этого рода имѣло въ себѣ что-нибудь прогрессивное. Нисколько! Проповѣдывать равнодушное

отношеніе къ благамъ міра сего,—равнодушіе, частнымъ случаемъ котораго явилось отсутствіе заботы о сословныхъ привилегіяхъ,—значило проповѣдывать бѣгство изъ нашего грѣшнаго міра. Кто бѣжитъ изъ нашего грѣшнаго міра, тотъ показываетъ себя равнодушнымъ не только къ привилегіямъ высшаго сословія, но и къ земной судьбѣ тѣхъ, которые отъ нихъ страдаютъ. А кто проповѣдуетъ бѣгство изъ нашего грѣшнаго міра въ такое время, когда противники сословныхъ привилегій стараются перестроить общество на новыхъ началахъ, тотъ, самъ того не сознавая, поддерживаетъ эти привилегіи и оказываетъ услугу «грѣшникамъ», т. е. тѣмъ, которые, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ, такъ или иначе эксплоатируютъ народную массу.

Еще разъ: вопреки мнѣнію Герцена мистическое настроеніе Лопухина и его ближайшихъ товарищей по масонскому ордену превосходно уживалось съ ихъ убѣжденіями крѣпостниковъ-помѣщиковъ. Тутъ г. Пиксановъ правъ. Однако, онъ ошибается, приписывая Лопухину вполнѣ послѣдовательное міросозерцаніе. Стройность міросозерцанія Лопухина и всѣхъ вообще нашихъ розенкрейцеровъ не была совершенной. Въ ихъ душахъ замѣтно присутствіе того элемента, который обозначенъ у Герцена словомъ: *человѣкъ*. И этотъ элементъ, не имѣвшій ничего общаго съ «помѣщикомъ», въ самомъ дѣлѣ былъ въ разладѣ съ этимъ послѣднимъ. Но когда онъ приходилъ въ столкновеніе съ нимъ, «*мистикъ*» поддерживалъ «*помѣщика*», а вовсе не «*человѣка*». И это понятно: «*человѣкъ*» проникъ въ души московскихъ розенкрейцеровъ подъ вліяніемъ тѣхъ самыхъ «анциклопедистовъ», въ которыхъ «*мистикъ*» видѣлъ орудіе сатаны.

Разумѣется, ничто не мѣшаетъ намъ отнести исключительно на счетъ сердечной доброты Лопухина его благожелательное отношеніе къ нищимъ. Но когда, оправдывая такое отношеніе къ нимъ, онъ говоритъ, что отсутствіе своевременной помощи можетъ побудить бѣдняка на преступленіе, онъ разсуждаетъ такъ, какъ будто бы онъ соглашался съ французскими матеріалистами, безъ устали твердившими, что *поведеніе людей* опредѣляется *ихъ положеніемъ*. Точно также, когда, принимая рѣшеніе помогать даже такимъ нищимъ, которые казались ему склонными къ пьянству, онъ говорилъ себѣ: «развѣ ты самъ не преступалъ никогда предѣловъ трезвости и развѣ бѣдному, и подлинно крайнюю нужду имѣющему, не можетъ случиться лишнее выпить», онъ какъ будто повторялъ

ироническое замѣчаніе Гельвэція: «on veut que les malheureux soient parfaits»! Но тамъ, гдѣ передовые идеологи французскаго третьяго сословія требовали переустройства общественныхъ отношеній, нашъ мистически настроенный идеологъ дворянства въ концѣ концовъ довольствовался копѣечными подачками бѣднымъ. Этимъ можно измѣрить величину разстоянія, отдѣлявшаго его отъ передовыхъ французскихъ писателей.

Лопухинъ возставалъ противъ крайней жестокости уголовныхъ наказаній. Этимъ онъ тоже показывалъ, что ему не удалось окончательно уйти изъ-подъ вліянія западно-европейскихъ просвѣтителей. Та его мысль, что «ненадежность избѣжать наказанія гораздо больше можетъ удерживать отъ преступленій, нежели ожиданіе жестокаго» (наказанія. Г. П.) [1]) цѣликомъ заимствована,—все равно, *посредственно или непосредственно*,—у Беккарія. Но и здѣсь разстояніе, отдѣлявшее идеолога русскаго дворянства отъ послѣдователей новой французской философіи, обнаруживается въ разсужденіяхъ Лопухина о характерѣ и размѣрахъ уголовной кары. Въ принципѣ онъ не *отвергаетъ* тѣлесныхъ наказаній, а только находитъ нужнымъ *смягчить ихъ*. Въ качествѣ старшаго члена, а потомъ и предсѣдателя московской уголовной палаты онъ, съ согласія московскаго главнокомандующаго гр. З. Г. Чернышева, сталъ за кражу и мошенничество наказывать не кнутомъ, «а тѣлесно же, но такимъ образомъ, чтобъ наказанные могли отдаваться въ рекруты» [2]). Этого не одобрилъ бы Беккарія, и это врядъ ли могло понравиться С. И. Гамалѣѣ; но и это согласно было съ объективной логикой русской общественной жизни, какъ она отражалась въ сознаніи нѣсколько смягченныхъ западнымъ вліяніемъ элементовъ привилегированнаго сословія.

Извѣстно, что, ревизуя въ 1802 г., вмѣстѣ съ Н. А. Нелединскимъ-Мелецкимъ Слободско-украинскую губернію, Лопухинъ выказалъ довольно значительную терпимость по отношенію къ духоборамъ и своимъ заступничествомъ остановилъ, по выраженію Герцена, разбойничьи набѣги на нихъ хищной полиціи [3]). Этотъ его, безъ всякаго сомнѣнія, хорошій поступокъ можно, пожалуй, приписать вліянію мистики, не придававшей, какъ мы знаемъ, большого значенія догматамъ положительныхъ религій

[1]) Лондонское изданіе «Записокъ», стр. 5.
[2]) Тамъ же, стр. 9.
[3]) О дѣлѣ духоборовъ см. въ «Запискахъ», стр. 118 и слѣд. Лондонскаго изданія.

и ихъ обрядности. Но если мистика не дорожила догматами и обрядностью, то вѣдь это и было слѣдствіемъ разлагающаго вліянія освободительной философіи на старыя вѣрованія. Кромѣ того, русскіе мистики, въ своемъ качествѣ послѣдовательныхъ консерваторовъ, очень далеки были отъ полнаго равнодушія къ обрядности [1]). Такимъ образомъ, и въ терпимости Лопухина вполнѣ позволительно видѣть результатъ хотя и непродолжительнаго воздѣйствія на него «энциклопедистовъ».

Наконецъ,—и это самое главное,—даже, такъ называемая, просвѣтительная дѣятельность московскихъ розенкрейцеровъ, равно какъ и широкая помощь, оказанная ими голодающему крестьянству въ неурожайный 1787 г., объясняется только тѣмъ, что ненавистная имъ освободительная французская философія присоединила въ ихъ душахъ *«человѣка»* къ *«помѣщику»* и *«мистику»*.

О *«помѣщикѣ»* здѣсь не стоитъ и распространяться: какъ это всѣмъ извѣстно, онъ слишкомъ часто утѣшалъ себя, говоря: не бѣда, что потерпитъ мужикъ. *«Мистикъ»*, стремившійся къ единенію съ божествомъ и поглощенный заботами о вѣчной жизни, тоже мало смущался временными земными страданіями людей. Наоборотъ *«человѣкъ»*, воспитавшійся подъ благодѣтельнымъ воздѣйствіемъ той философіи, которая совѣтовала людямъ прежде всего заняться разумнымъ устройствомъ взаимныхъ отношеній своихъ на землѣ, не могъ порой не откликаться на народное бѣдствіе. И, если московскіе розенкрейцеры не остались глухи къ стонамъ голодавшаго крестьянства, то не ясно ли, что здѣсь они пошли по пути, указанному именно освободительной философіей?

То же и съ «просвѣтительной» дѣятельностью нашихъ розенкрейцеровъ. Конечно, заводить школы и издавать журналы и книги не откажется и мистикъ, если какъ въ школахъ, такъ и въ журналахъ будутъ проповѣдываться душеспасительныя книги, соотвѣтствующія его взглядамъ и его душевному настроенію. Всѣмъ извѣстно, что изданія московской «Типографической Компаніи», основанной въ 1784 г. московскими розенкрейцерами, преслѣдовали, главнымъ образомъ, душеспасительныя цѣли. Такихъ изданій было очень много [2]). Для исторіи

[1]) Они утверждали, что обряды православной церкви ближе къ обрядамъ первобытнаго христіанства, нежели обряды другихъ христіанскихъ исповѣданій.

[2]) Иногда говорятъ, что большинство изданныхъ «Типографической Компаніей» сочиненій не имѣло собственно масонскаго содержанія. Это вѣрно. Однако, и между книгами, *чуждыми* масонскаго содержанія, было очень много душеспасительныхъ и мистическихъ. Къ этому разряду относятся: сочиненія Василія

нашей общественной мысли весьма характеренъ тотъ фактъ, что первой «*тайной*» *типографіей*, которую завела наша интеллигенція, была типографія, печатавшая сочиненія, предназначенныя для масоновъ. Подводя итогъ издательской дѣятельности московскихъ «просвѣтителей» масонскаго образа мыслей, А. Н. Пыпинъ, который вовсе не былъ расположенъ слишкомъ старательно изображать ея отрицательныя свойства, говоритъ:

«Результатъ, оставшійся въ русской литературѣ отъ масонской дѣятельности Новикова и его кружка, производитъ самъ по себѣ странное и тяжелое чувство. Этотъ результатъ, который долженъ представлять собою плодъ задушевныхъ стремленій и многолѣтняго труда,—есть масса книгъ, преисполненныхъ туманнымъ мистицизмомъ, грубымъ незнаніемъ, ребяческими заблужденіями, фантастическимъ суевѣріемъ» [1]).

Дѣятельность, принесшая такой горькій плодъ, разумѣется, не имѣла ничего общаго съ дѣятельностью истинныхъ *просвѣтителей* того времени, т. е. идеологовъ третьяго сословія. Ея прямою цѣлью была непримиримая борьба съ ихъ вліяніемъ. Но, даже ведя борьбу съ новыми идеями посредствомъ широкаго распространенія въ печати противоположныхъ имъ ученій, наши розенкрейцеры дѣлали уступку своему времени. Во-первыхъ, «Типографическая Компанія» издавала также учебники [2]), чѣмъ во всякомъ случаѣ способствовала распространенію знаній въ русскомъ народѣ. Во-вторыхъ, на ея станкахъ напечатано было нѣсколько «гнусныхъ и юродивыхъ порожденій Энциклопедистовъ» [3]). Въ-третьихъ, и это всего важнѣе,—самая потребность

Великаго, Іоанна Златоуста, Григорія Назіанзина, Діонисія Ареопагита, Юстина Философа, и т. д.; сюда же принадлежатъ религіозно мистическія поэмы: «Избіеніе младенцевъ», «Марино», «Авлева смерть» Геснера, «Іоснеръ» Витобэ, «Потерянный рай» Мильтона, «Даніилъ во рвѣ львиномъ» Мозера, «Плачъ или нощныя размышленія о жизни, смерти и безсмертіи», «Мессіада» Клопштока, «О происхожденіи зала» Галлера и т. п. Кромѣ поэмъ издано было немало сочиненій, частью направленныхъ противъ религіознаго вольномыслія, а частью прямо мистическихъ: «Разсужденіе противъ атеистовъ и неустрашистовъ» Гуго Гроція, «Объ истинномъ христіанствѣ» Іоанна Арндта, «О познаніи самаго себя» Іоанна Масона, «Естественная богословія или доказательство бытія Божія и свойствъ Божіихъ, почерпнутыхъ изъ дѣлъ творенія» Дергама, «Божественная и истинная метафизика» Порделжа (ученика Якова Бема) и проч., и проч. Эти и подобныя книги,—говоритъ А. Н. Пыпинъ,—были переходомъ къ прямому посвященію и къ чисто масонской литературѣ (Русское масонство, стр. 235, 236 и 237). Митрополитъ Платонъ, которому поручено было разсмотрѣть изданія Новикова, одобрилъ ихъ всѣ, за немногими исключеніями.

[1]) Русское масонство, стр. 329.

[2]) Г. В. Якушкинъ называетъ изданные ею учебники *хорошими* и *дешевыми* («Николай Ивановичъ Новиковъ» Починъ. стр. 166).

[3]) Выраженіе митрополита Платона. Эти «Порожденія Энциклопедистовъ» и были тѣми книгами, которыя, въ противоположность другимъ изданіямъ «Типографической Компаніи», навлекли на себя его осужденіе,—какъ видимъ, весьма рѣшительное и строгое.

энергичной общественной и издательской дѣятельности, плохо соотвѣтствовавшая замогильному идеалу мистиковъ, явилась на Руси отголоскомъ того западно-европейскаго общественнаго движенія, которымъ вызваны были «гнусныя порожденія Энциклопедистовъ» [1]). Екатерина хорошо поняла это. Она терпѣть не могла мистицизма. Но въ лицѣ московскихъ розенкрейцеровъ она преслѣдовала не мистиковъ, а людей, обнаружившихъ склонность къ независимой отъ правительства общественной дѣятельности.

Мнѣ возразятъ, пожалуй, вопросомъ: *почему же такую склонность обнаружили у насъ,—хотя бы и въ противорѣчіи съ самими собою,—мистики, а не «вольтерьянцы», находившіеся, казалось бы, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ французскихъ просвѣтителей?*

На этотъ,—безспорно, весьма важный,—вопросъ я самъ отвѣчу прежде всего вопросомъ.

Кто былъ самымъ яркимъ, самымъ типичнымъ выразителемъ интересующей насъ склонности?

Всякій скажетъ: *Н. И. Новиковъ*. Проф. Незеленовъ справедливо замѣтилъ, что наше масонство оказывалось безплоднымъ вездѣ, гдѣ не выступалъ этотъ замѣчательный человѣкъ: оно «было исключительно и замкнуто, у него были свои спеціальные интересы, его болѣе занимало увеличеніе числа своихъ адептовъ, нежели истина и общественное благо, и орденъ ужъ вовсе не былъ способенъ привлекать къ дѣятельности цѣлое русское общество. Весьма вѣроятно, что заслуги нашего масонства окажутся современемъ личными заслугами Новикова и его товарищей [2]). Положимъ, что и Новикову не удалось привлечь къ дѣятельности «цѣлое русское общество». Но вѣрно то, что во всѣхъ благотворительныхъ и просвѣти-

---

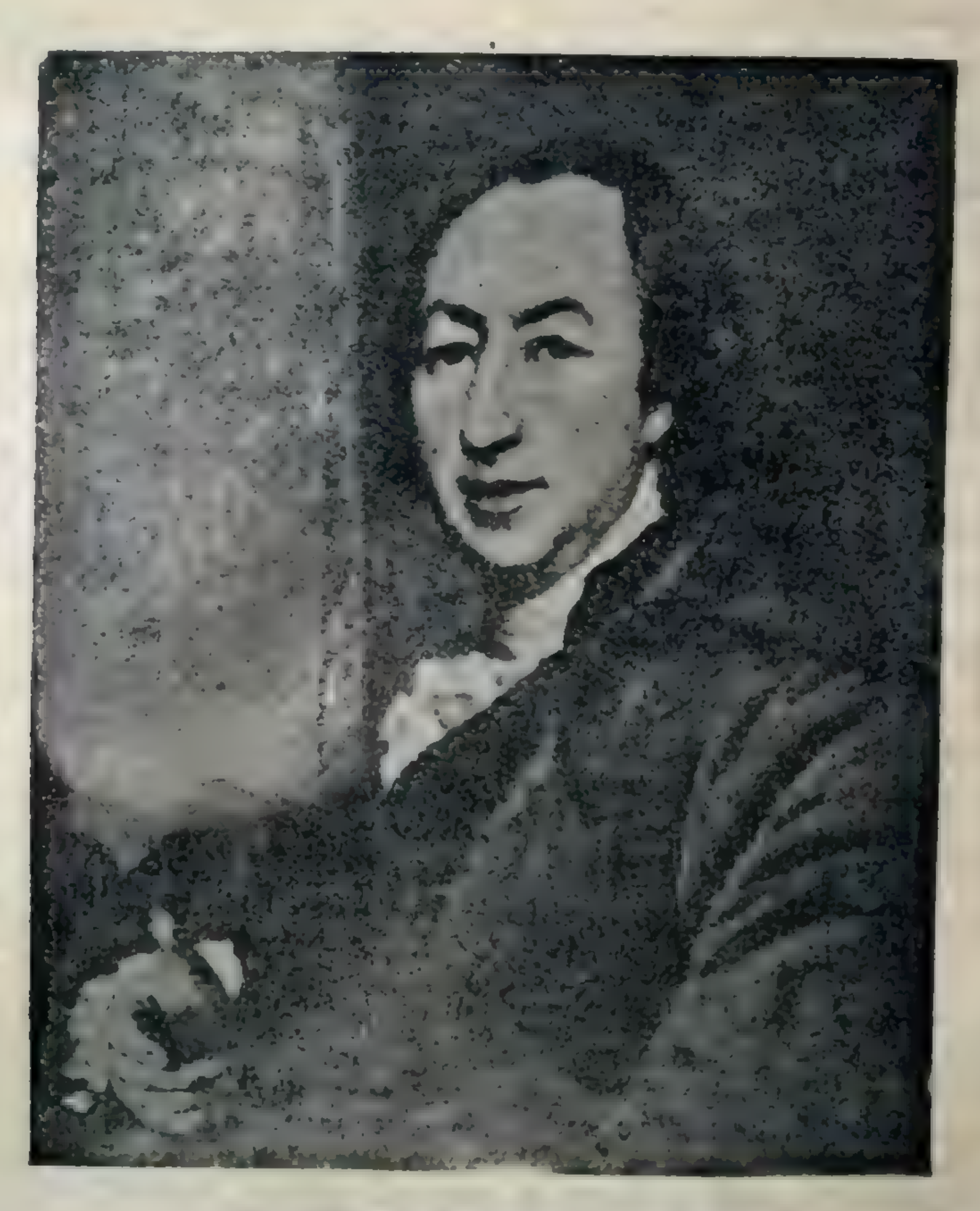
[1]) Отъ прямого или косвеннаго вліянія этихъ «порожденій» не ушелъ и М. И. Невзоровъ, старавшійся избѣгнуть поѣздки во Францію и Бельгію въ виду происходившихъ тамъ безпорядковъ. По возвращеніи своемъ въ Россію онъ былъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ В. Я. Колокольниковымъ, арестованъ въ Ригѣ и допрошенъ страшнымъ Шешковскимъ. «Знаешь ли, гдѣ ты»? спросилъ его этотъ звѣрь. Онъ отвѣчалъ: «Не знаю».—Какъ не знаешь? Ты въ Тайной (экспедиціи. Г. П.). —Я не знаю, что это такое Тайная, пожалуй, схватятъ и въ лѣсъ завезутъ да скажутъ, что это Тайная, и допрашивать станутъ».—Государыня приказала тебя бить четвернымъ полѣномъ, коли не будешь отвѣчать —«Не вѣрю, чтобъ это приказала государыня, которая написала Наказъ Коммисіи о сочиненіи Уложенія». Говорить такъ могъ только человѣкъ, уважавшій, хотя бы и противъ своей собственной воли, тѣхъ авторовъ, изъ сочиненій которыхъ взяла Екатерина идеи, положенныя въ основу ея Наказа. Впрочемъ, Невзоровъ принадлежалъ не къ тому общественному слою, изъ котораго вышли Лопухинъ, Кутузовъ и другіе породистые мистики. О немъ еще придется говорить ниже

[2]) Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ 1769—1785 гг.

тельныхъ начинаніяхъ московскихъ мистиковъ видны мысль и и воля Новикова [1])

А если это такъ, то ясно, что *объясненія указанной выше склонности московскихъ мистиковъ, выгодно отличающей ихъ отъ «вольтерьянцевъ», надо искать въ тѣхъ общественныхъ условіяхъ, которыя опредѣлили собою цѣль и характеръ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ выступленій Н. И. Новикова.*

Мы знаемъ его, какъ издателя сатирическихъ журналовъ. Теперь намъ нужно составить себѣ болѣе полное представленіе объ его дѣятельности.

Н. И. Новиковъ.

---

[1]) Такимъ же, какъ онъ, энергичнымъ и предпріимчивымъ человѣкомъ былъ Шварцъ. Но Шварцъ рано умеръ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Дѣятельность Н. И. Новикова.

I.

Большинство нашихъ мистиковъ принадлежало къ господствующему сословію [1]).

Въ этомъ отношеніи они совершенно похожи были на нашихъ «вольтеріанцевъ» [2]). Слѣдствіемъ одинаковаго общественнаго положенія этихъ двухъ группъ было то, что, рѣшительно расходясь между собою въ своемъ отношеніи къ религіи, онѣ всетаки имѣли между собою очень много общаго и по воспитанію, и по привычкамъ своихъ членовъ.

И мистики, и вольтерьянцы хорошо владѣли иностранными языками, особенно—французскимъ. Хорошее знаніе языковъ служило тогда какъ бы отличительнымъ признакомъ благовоспитаннаго русскаго дворянина. Это отражалось даже на программахъ тогдашнихъ казенныхъ школъ. Вотъ примѣръ. При московскомъ университетѣ, съ самаго начала его существованія, учреждены были двѣ гимназіи: *дворянская* и *разночин-*

---

[1]) Г. Пиксановъ называетъ ихъ людьми высокаго служебнаго положенія, принадлежавшими къ титулованной знати, къ старому родовитому дворянству. Ихъ высокимъ общественнымъ положеніемъ объясняетъ онъ,—по крайней мѣрѣ отчасти,—ихъ тяготѣніе къ масонству. По его словамъ, привычка властвовать въ другихъ сферахъ вела за собою то, что они тяготились дисциплинарной властью господствующей церкви, іерархія которой, въ свою очередь, часто находилась въ зависимости отъ нихъ. Онъ остроумно замѣчаетъ, что «малая церковь» масонская при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается высокой, т. е. аристократической церковью (цитир. выше статья «Масонство въ его прошломъ и настоящемъ», т. I, стр. 248). Въ другомъ мѣстѣ той же статьи (стр. 255) онъ называетъ русскую масонскую церковь *господскою* церковью. Я считаю это послѣднее названіе болѣе подходящимъ, при чемъ подъ «господами» я понимаю дворянъ вообще, а не только представителей родовитаго дворянства и титулованной знати. Антагонизмъ между служилымъ сословіемъ и духовенствомъ обнаружился уже при Иванѣ III, а въ XVI вѣкѣ нашелъ свое выраженіе, между прочимъ въ весьма поучительной Бесѣдѣ валаамскихъ чудотворцевъ (см. I томъ, часть 2-ю, главу 3-ю этого сочиненія). Вполнѣ естественно, что XVIII столѣтіе нашло для него новую форму. Но нѣтъ основанія думать, что въ этомъ столѣтіи только высшій слой дворянства смотрѣлъ на духовенство глазами антагониста.

[2]) Это тѣмъ болѣе понятно, что мистиками часто дѣлались, какъ намъ уже извѣстно, люди временно увлекавшіеся «вольтеріанствомъ».

ская. Въ дворянской, кромѣ древнихъ языковъ, изучали еще нѣмецкій, французскій и итальянскій; въ разночинской гимназіи преподавались *только* древніе языки. Дворянская гимназія вообще значительно превосходила разночинскую обиліемъ предметовъ преподаванія. Но при первомъ же взглядѣ на программу дворянской гимназіи видно, что ея составители стремились сдѣлать изъ ея учениковъ людей, способныхъ не уронить себя въ свѣтскомъ обществѣ. Кромѣ новыхъ языковъ, въ этой гимназіи обучали фехтованію, танцамъ, музыкѣ и рисованію. Посвящать въ эти «художества» учениковъ *разночинской* гимназіи начальство не находило нужнымъ [1]).

Такимъ образомъ, проходя черезъ казенную школу, разночинцы того времени не получали возможности въ подлинникѣ ознакомиться съ важнѣйшими сочиненіями западно-европейскихъ писателей. Тѣ изъ нихъ, которые хотѣли дополнить свое образованіе, должны были собственными силами пріобрѣтать знаніе иностранныхъ языковъ, или же довольствоваться переводной литературой. А тѣ, у которыхъ являлось, кромѣ того, желаніе содѣйствовать просвѣщенію другихъ разночинцевъ, вынуждены были сами взяться *за переводы* съ иностранныхъ языковъ на русскій, а также,—въ виду малаго развитія у насъ издательской дѣятельности,—и за *изданіе своихъ переводовъ.*

Въ теченіе довольно долгаго времени книги, выходившія у насъ на русскомъ языкѣ, читались только болѣе или менѣе образованными разночинцами, да еще развѣ не получившими надлежащаго воспитанія «уѣздными дворянами» [2]).

На это часто жаловались тогдашніе русскіе писатели. Можетъ быть, больше всѣхъ другихъ жаловался на это Новиковъ въ своихъ сатирическихъ изданіяхъ. По своему происхожденію онъ былъ *дворянинъ и помѣщикъ,* а по образованію—*настоящій разночинецъ,* да еще такой, которому судьба не очень благопріятствовала въ дѣлѣ пріобрѣтенія знаній. Правда, онъ попалъ было въ московскую (дворянскую) университетскую гимназію, но въ 1760 г. его исключили «за лѣность и нехожденіе въ классъ». Невозможно сказать теперь въ самомъ ли

---

[1]) См. сочиненія Н. С. Тихонравова, т. III, ч. 1-ую, стр. 397 и примѣчанія, стр. 63.

[2]) Русскіе аристократы, умѣвшіе держать въ рукахъ перо, часто писали тогда по-французски. Такъ, въ Гатчинѣ, мѣстопребываніи великаго князя Павла, не рѣдко игрались пьесы гр. Г. И. Чернышова. Но всѣ онѣ были написаны на французскомъ языкѣ и вышли впослѣдствіи подъ заглавіемъ: «Théâtre de l'arsenal de Gatschina». (Д. И. Кобеко, «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ». С.П.Б. 1887, стр. 302—303). Изъ записокъ Порошина мы знаемъ, что еще въ отрочествѣ у великаго князя было предубѣжденіе противъ русскаго театра.

дѣлѣ былъ онъ лѣнивымъ ученикомъ. Но мы знаемъ, что, когда исключенный изъ гимназіи Новиковъ поступилъ (въ 1762 г.) въ военную службу, у него обнаружилось сильное стремленіе пополнить пробѣлы своего собственнаго образованія и помогать самообразованію другихъ. Уже въ 1766 г. онъ,— тогда «фурьеръ» Измайловскаго полка,—издалъ переведенную съ французскаго М. В. Поповымъ книгу: «Двѣ повѣсти: Аристоноевы приключенія, и рожденіе людей Промиѳеевыхъ» [1]. Съ своей стороны, переводчикъ приложилъ къ этой книгѣ «Письмо къ Николаю Ивановичу Новикову», гдѣ говорилось о «похвальной склонности этого послѣдняго къ снисканію добродѣтели и ученія, которое пріобрѣтаетъ наконецъ человѣку незыблемую славу». Далѣе мы узнаемъ, что «слабыя производства ума» Попова были причиною знакомства съ нимъ Новикова, и что Поповъ обѣщалъ сообщать ему всѣ свои сочиненія и переводы съ иностранныхъ языковъ. Письмо заканчивается слѣдующими словами: «а я впредь потщусь услужить чѣмъ нибудь важнѣйшимъ обществу, коему мы завсегда обязаны служить посильнымъ нашимъ трудомъ» [2]. Похоже на то, что выраженная здѣсь благородная мысль родилась у Попова именно подъ вліяніемъ разговоровъ съ молодымъ Измайловскимъ «Фурьеромъ». Если это такъ, то Новиковъ рано вошелъ въ роль усерднаго пропагандиста. Впрочемъ, какъ бы тамъ ни было съ Поповымъ, приводимыя г. Семенниковымъ данныя не оставляютъ мѣста ни для какого сомнѣнія въ томъ, что уже въ ту пору Новиковъ строилъ планы издательской дѣятельности.

Но онъ могъ приступить къ ихъ осуществленію только черезъ нѣсколько лѣтъ. Въ ожиданіи благопріятныхъ для этого обстоятельствъ, онъ занимался, между прочимъ,— по назначенію отъ правительства,—письмоводствомъ въ Комиссіи объ Уложеніи, гдѣ онъ велъ «дневныя записки» по отдѣленію «О среднемъ родѣ людей» и составлялъ журналы «Общаго Собранія Депутатовъ». Біографы Новикова полагаютъ, что занятія въ Комиссіи объ уложеніи дали значительный толчекъ его дальнѣйшему развитію. Это, разумѣется, вполнѣ вѣроятно. Прибавлю къ этому, что веденіе дневной записки по отдѣленію о среднемъ родѣ должно было дать ему много свѣдѣній о томъ общественномъ слоѣ, къ которому онъ самъ принадлежалъ, если не по происхожденію своему, то по воспитанію и по симпатіямъ.

---

[1]) Напоминаю читателю, что я держусь правописанія подлинниковъ.

[2]) См. статью П. В. Семенникова «*Раннее издательское* общество Н. И. Новикова» въ «Русскомъ библіофилѣ», сентябрь, 1912 г., стр. 35.

Когда онъ, въ 1769 г., приступилъ къ изданію «Трутня», для него уже было ясно, куда именно слѣдуетъ ему направить свою просвѣтительную дѣятельность. Еще Н. С. Тихонравовъ говорилъ, что онъ взялъ на себя трудную задачу распространить чтеніе, а, слѣдовательно, и образованіе *въ среднемъ классѣ*. Тотъ же изслѣдователь называетъ его создателемъ у насъ *мѣщанской литературы* [1]). Дѣйствительно, Новиковъ много поработалъ для «мѣщанъ» и очень дорожилъ ихъ вниманіемъ. И при всемъ томъ литература, имъ созданная, можетъ считаться *мѣщанской* лишь съ большой оговоркой. Мы сейчасъ увидимъ почему это такъ.

II.

«Мѣщане», т. е. разночинцы, близкіе къ Новикову по условіямъ своего образованія, несомнѣнно, принадлежали къ тому среднему кругу читателей, для котораго трудился онъ въ качествѣ писателя и издателя. Онъ горячо сочувствовалъ разночинцамъ и глубоко возмущался, видя, что они вездѣ и во всемъ вынуждены были уступить дворянству, въ особенности— богатому и знатному. Въ его «Трутнѣ» есть разсказъ о томъ, какъ три человѣка добивались одного и того же мѣста, требовавшаго «человѣка разумнаго, ученаго и прилежнаго». Первымъ изъ конкурентовъ былъ дворянинъ не умный отъ природы, невѣжественный и безнравственный.

Все его достоинство заключалось въ томъ, что у него было двѣ тысячи душъ крестьянъ («но самъ онъ безъ души», ехидно прибавляетъ авторъ разсказа) и много знатныхъ родственниковъ. Вторымъ соискателемъ мѣста былъ небогатый дворянинъ, хотя и не обладавшій очень большимъ умомъ, однако, не лишенный образованія и отличавшійся хорошимъ поведеніемъ. Третій соискатель былъ,—«по нарѣчію нѣкоторыхъ глупыхъ дворянъ»,—человѣкъ *подлый*, т. е. *мѣщанинъ*. Онъ обладалъ очень большимъ природнымъ умомъ и долго учился, какъ въ Россіи, такъ и за границей. Его нравственныя качества были безупречны: «защитникъ истины, помогатель бѣдности, ненавистникъ злыхъ нравовъ и роскоши, любитель человѣчества, честности, наукъ, достоинства и отечества; вѣрный другъ, благоразумной отецъ, безмятежной сосѣдъ, разсмотрительной и безпристрастной судья». Въ добавокъ ко всему этому, онъ уже раньше имѣлъ много служебныхъ заслугъ. Перечисливъ рѣдкія

---

[1]) Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. III, часть І-я, стр. 131—145.

достоинства этого кандидата, разсказчикъ ставитъ читателю многозначительный вопросъ: «глупость-ли подкрѣпляемая родствомъ съ боярами, или заслуги съ добродѣтелью наградятся?» [1]). Самъ авторъ, очевидно, ни мало не сомнѣвается, какъ отвѣтитъ на его вопросъ дѣйствительность: глупый, но богатый и имѣющій знатныхъ родственниковъ дворянинъ побѣдитъ и небогатаго, но обладающаго кое-какимъ образованіемъ помѣщика, и очень образованнаго разночинца.

Неудивительно, что разночинцы охотно читали изданія Новикова. Кромѣ разночинцевъ, у нихъ были читатели также въ купеческой средѣ. Новиковъ выступалъ врагомъ того, подчасъ совершенно дикаго, произвола «благороднаго» сословія, отъ котораго больше или меньше страдало все остальное населеніе, и на который жаловались представители купечества въ Коммиссіи объ Уложеніи. Насколько это было возможно, издатель «Трутня» и «Живописца» горячо защищалъ купцовъ отъ барскаго самодурства. Такъ, напримѣръ, въ «Трутнѣ» (листъ 15-й, ч. I-я) есть поучительное сообщеніе о томъ, какъ одна богато одѣтая дама украла въ Гостиномъ Дворѣ двѣ дорогія сѣтки и какъ жестоко пострадалъ обокраденный ею торговецъ, который, не желая стыдить ее въ присутствіи другихъ покупателей, пришелъ для объясненія съ ней на домъ: «боярыня купцу не только волосы выщипала и глаза подбила, да еще и кожу со спины плетьми спустила». Авторъ сообщенія съ неподдѣльнымъ жаромъ восклицалъ по этому поводу:

«Ништо тебѣ, бѣдный купецъ! Какъ ты честной злородной человѣкъ осмѣлился назадъ требовать своей сѣтки у благородной воровки? Благодари еще боярыню, что безчестья съ тебя не взяла. Въ самомъ дѣлѣ, не великая ли милость купцу сдѣлана?»

Новиковъ не разъ выдвигалъ противъ «знатныхъ господъ» упрекъ въ томъ, что они, слѣпо увлекаясь всѣмъ иностраннымъ, не менѣе слѣпо предпочитали иностранныя промышленныя издѣлія русскимъ. Онъ доказывалъ, что нѣкоторые продукты русской промышленности,—въ примѣръ приводились имъ сукна,—*уже* не уступаютъ заграничнымъ. Вопросами экономической теоріи онъ занимался не много, а пожалуй, и вовсе не имѣлъ къ нимъ интереса. [2]) Однако, дѣятельности торгово-про-

---

[1]) «Трутень», часть I-я, листъ IV.

[2]) Основанный имъ въ видѣ одного изъ приложеній къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» «Экономическій Магазинъ», въ которомъ работалъ Болотовъ, не имѣлъ ровно никакого отношенія къ вопросамъ экономической теоріи.

мышленнаго сословія онъ придавалъ весьма большое значенiе, будучи твердо убѣжденъ, что она обогащаетъ государство [1]). Большихъ иллюзій насчетъ тогдашняго характера этой дѣятельности онъ не имѣлъ. Въ «Живописцѣ» (листъ 1-й, ч. 2-я) мы встрѣчаемъ указаніе,—правда, сдѣланное мимоходомъ,—на то, что большинство нашего купечества не знаетъ «начальныхъ правилъ торговли». Какъ кажется, не очень нравилась ему,—*стороннику Петровской реформы*,—и внѣшность этого невѣжественнаго большинства. [2]) Но было въ купеческой средѣ такое меньшинство, въ которомъ Новиковъ замѣчалъ желаніе просвѣтить себя, и къ которому онъ хотѣлъ придти на помощь. Это можно считать не подлежащимъ сомнѣнію.

Нужно только помнить, что меньшинство это составляло очень тонкій слой. Въ нашемъ распоряженіи слишкомъ мало данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы опредѣлить, какую часть составляли купцы въ общей суммѣ подписчиковъ на разныя изданія Новикова. Мы знаемъ, напримѣръ, что когда онъ основалъ въ 1773 г. «Общество, старающееся о печатаніи книгъ», и предпринялъ изданіе Д. Ю. Гальдова описанія Китая, то въ провинціи у него совсѣмъ не нашлось подписчиковъ, а въ столицѣ значительную часть ихъ составили *придворные* [3]). Намъ извѣстно, кромѣ того, что на «Древнюю Россійскую Вивліоѳику», которую Новиковъ издавалъ съ начала 1773 г., подписалось нѣсколько купцовъ и даже одинъ крестьянинъ холмогорскаго уѣзда [4]). А. Незеленовъ, насчитавшій до 9 человѣкъ такихъ подписчиковъ, сообщаетъ, что остальные принадлежали къ дворянству («благородія», «высокоблагородія» и «превосходительства») или къ духовенству [5]). Въ первый (1777-й) годъ изданія «Утренняго Свѣта» у него было 52 подписчика изъ купцовъ, тогда какъ общая цифра подписчиковъ простиралась до 800. Въ слѣдующемъ году «Утренній Свѣтъ» имѣлъ 49 подписчиковъ, принадлежавшихъ къ торговому сословію, а

---

[1]) Въ его взглядѣ на народное богатство замѣтна значительная примѣсь меркантилизма.

[2]) «Трутень» (листъ 34-й, ч I-я) напечаталъ обличительный разсказъ о томъ, какъ одинъ купецъ угощалъ въ трактирѣ «Правосудіе». Угощенію предшествовали переговоры, въ которые вступили съ трактирщикомъ два человѣка: «одинъ одѣтъ такъ, какъ обыкновенно городскіе купцы одѣваются, а другой чисто». Это «чисто» въ данномъ случаѣ весьма выразительно.

[3]) См. статью В. Семенникова «Раннее издательское общество Н. И. Новикова», Русскій Библіофилъ, сентябрь 1912 г., стр. 41.

[4]) Вѣроятно, изъ числа тѣхъ, которые, числясь крестьянами, въ дѣйствительности были торговцами.

[5]) «Новиковъ», стр. 204.

всѣхъ ихъ было 620 [1]). Эти немногія данныя не свидѣтельствуютъ о широкомъ интересѣ купечества къ изданіямъ Новикова. Конечно, другія его изданія могли имѣть больше подписчиковъ между купцами. Можетъ быть, сатирическіе журналы его распространялись въ этой средѣ успѣшнѣе, нежели спеціальныя изданія въ родѣ «Древней Россійской Вивліоѳики», или благочестиво-назидательныя въ родѣ «Утренняго Свѣта». Но вообще приходится сказать, что, по крайней мѣрѣ въ семидесятыхъ годахъ, Новиковскія изданія расходились плохо. Это засвидѣтельствовано имъ самимъ. Въ мартѣ 1775 г. онъ писалъ изъ Москвы Г. В. Козицкому:

«Новостей здѣшнихъ никакихъ сообщить не могу, кромѣ того, что отъѣздъ Двора произвелъ въ дѣлахъ моихъ такое замѣшательство, что я не знаю, какъ могу окончить вивліоѳику на нынѣшній годъ, ибо не только не прибавляются подписчики, но и *другихъ книгъ почти совсѣмъ не покупаютъ*» [2]).

Отсюда мы видимъ, что плохо продавалась не только «Вивліоѳика» и подобныя ей спеціальныя изданія, но и другія книги. Кромѣ того, дворъ Екатерины II тоже вѣдь состоялъ не изъ спеціалистовъ по русской исторіи, однако, покупалъ же онъ спеціальныя изданія Новикова. Это характеризуетъ положеніе. Характеризуетъ его также и тотъ фактъ, что, когда Новиковъ принялся (въ 1777 г.) за изданіе «Санктпетербургскихъ ученыхъ Вѣдомостей», онъ посвятилъ ихъ *Калужскому дворянству*. Мы, разумѣется, никогда не узнаемъ, почему онъ въ этомъ случаѣ обратилъ свое вниманіе на дворянство Калужской, а не какой-нибудь другой губерніи. Но для насъ достаточно того, что безъ поддержки со стороны *дворянъ* или даже *придворныхъ* не въ состояніи былъ обойтись издатель, сочувствіе котораго клонилось въ сторону разночинцевъ и купечества. Этотъ знаменательный фактъ объясняется, конечно, тогдашнею нашею отсталостью, которая наложила очень замѣтную печать на общественные взгляды Новикова.

III.

«Учатся мѣщане, праздно живутъ дворяне, торгомъ государство обогащаютъ купцы», читаемъ мы въ очень интересномъ письмѣ, напечатанномъ въ № 4-мъ и 5-мъ листахъ «Кошелька»

---

[1]) Незеленовъ. «Новиковъ», стр. 226, 270 и 272.

[2]) «Раннее издательское общество Н. И. Новикова», Русск. Библіофилъ, сентябрь 1912, стр. 47.

и, по всей вѣроятности, вышедшемъ изъ-подъ пера самого Новикова. Основываясь на этомъ афоризмѣ, слѣдовало бы сказать, что нашъ авторъ такъ же отрицательно относился къ дворянству, какъ относились къ нему идеологи третьяго сословія во Франціи: извѣстно, что они считали это сословіе охватывающимъ *весь французскій народъ за исключеніемъ привилегированныхъ* (toute la nation moins les privilegiés). Но при болѣе основательномъ знакомствѣ съ сатирическими изданіями Новикова убѣждаешься, что онъ *совсѣмъ не одинаково относился ко всѣмъ слоямъ дворянства.* Выше мы видѣли, что изъ трехъ соискателей одного и того же мѣста полнымъ бездѣльникомъ изображенъ былъ въ «Трутнѣ» только богатый помѣщикъ, а его «благородный» же, но небогатый конкурентъ получилъ извѣстное образованіе, хотя, правда, и не такое основательное, какъ разночинецъ. Выходитъ, что небогатые дворяне доступнѣе были, по мнѣнію Новикова, для просвѣщенія, нежели—богатые и знатные.

На это его мнѣніе можно было бы возразить ссылкой на тотъ приведенный мною выше фактъ, что въ 1775 г. у Новикова почти прекратилась продажа книгъ, когда покинули Москву составлявшіе дворъ «знатные бояре». Но для насъ важно въ данномъ случаѣ собственно не то, какова была дѣйствительность, а то, что думалъ о ней, вопреки указанному факту, нашъ авторъ. А онъ думалъ о ней именно такъ, какъ я говорю. И совершенно очевидно, что онъ несравненно больше сочувствовалъ небогатымъ дворянамъ, нежели богатымъ и знатнымъ. Онъ ѣдко осмѣивалъ отсталые старозавѣтные элементы провинціальнаго дворянства [1]), но возлагалъ довольно большія надежды на его прогрессивные элементы. Мысленно сближая ихъ съ разночинцами онъ думалъ, что общими силами, эти два слоя могли бы противодѣйствовать вредному вліянію «знатнаго боярства» на русскую общественную жизнь. Напечатанное въ 8-мъ листѣ «Трутня» и подписанное: Чистосердовъ — письмо къ издателю содержитъ въ себѣ интересное указаніе на своеобразный антагонизмъ между знатными господами и простыми дворянами. По словамъ Чистосердова, одинъ придворный, осуждая, въ его присутствіи, издательскую дерзость Новикова, говорилъ: «Вѣть знатный господинъ не простой дворянинъ, что на немъ тоже взыскивать, что и на простолюдинахъ». Такимъ образомъ,—получалось знаменательное *противопоставленіе знатныхъ господъ*

---

[1]) См., напримѣръ, талантливыя письма «Уѣзднаго дворянина» Трифона Панкратьевича, его жены и брата къ ихъ сыну и племяннику Ѳалалею въ первой части «Живописца» (листы 15 и 22).

простымъ дворянамъ и простому народу. Чистосердовъ считалъ такое противопоставленіе вполнѣ естественнымъ и, съ своей стороны, иронически совѣтовалъ издателю: «Продолжайте печатать такія піэмы, какія мы по сіе время въ Трутнѣ читали, но только остерегайтесь наводить свое зеркало на знатныхъ бояръ и боярынь. Пишите сатиры на дворянъ, на мещанъ (sic), на приказныхъ, на судей, совѣсть свою продавшихъ, и на всѣхъ порочныхъ людей; осмѣивайте худые обычаи городскихъ и деревенскихъ жителей; истребляйте закоренелыя предразсужденія, и угнетайте слабости и пороки, да только не въ знатныхъ».

Въ слѣдующемъ листѣ «Трутня» (9-мъ) Чистосердовъ самъ оказывается *«мѣщаниномъ»*. Конечно, этотъ мѣщанинъ — вымышленное лицо. Но это совсѣмъ не важно. И, наоборотъ, для исторіи русской общественной мысли очень важно то обстоятельство, *что Новиковъ, въ первомъ же своемъ сатирическомъ журналѣ,* противопоставлялъ знатнымъ боярамъ всю остальную массу населенія отъ имени разночинца, а не отъ имени представителя какого-нибудь другого общественнаго слоя. Разночинцамъ должны были, по мнѣнію Новикова, принадлежать почнинъ и руководство въ дѣлѣ оппозиціи населенія знатнымъ дворянамъ.

Историческій ходъ развитія общественной жизни во Франціи противопоставилъ *всю «націю» — всему привилегированному сословію.* Сознанное передовыми писателями Франціи противорѣчіе это естественно привело ихъ къ требованію *отмѣны всѣхъ сословныхъ привилегій.* Въ отличіе отъ нихъ, Новиковъ и его единомышленники, причислявшіе простыхъ дворянъ къ «націи» и мысленно противопоставлявшіе ей только «знатныхъ бояръ», не могли принципіально отрицать такія привилегіи. Логическое развитіе ихъ собственной мысли должно было примирять ихъ съ *дворянскими* привилегіями и подсказывать имъ лишь весьма скромное требованіе того, чтобы *знатные господа* не злоупотребляли своимъ высокимъ общественнымъ положеніемъ. Въ 32-мъ листѣ первой части «Трутня» мы находимъ интересный перечень тѣхъ требованій, съ которыми обращался къ нимъ нѣкій — *«Я»* (очевидно, самъ Новиковъ).

«Я» хотѣлъ, чтобы знатный господинъ «по елику отличенъ отъ прочихъ знатностью своего сана, по толику бы отличался и добродѣтелью; чтобы, восходя на степень знатности, не позабывалъ, что тѣ бѣдные, отъ коихъ онъ отличенъ, осталися еще такими жъ бѣдными, и что они требуютъ его помощи, также какъ и онъ самъ требовалъ въ подобномъ находясь состояніи,

чтобы не затворялъ своего слуха отъ просьбы бѣдныхъ и тѣмъ не скучалъ, что онъ можетъ дѣлать добро, чтобы старался о благосостояніи государства больше, нежели о самомъ себѣ, и чтобы не откладывалъ того до завтра, что нынче можетъ сдѣлать ради того, что нужда времени не терпитъ».

Въ этомъ перечнѣ пожеланій нѣтъ даже и отдаленнаго намека на какія-нибудь политическія или общественныя реформы. «*Я*» ровно ничего не имѣетъ противъ существующаго порядка и очень хорошо понимаетъ, что при этомъ порядкѣ безъ «знатныхъ господъ» обойтись невозможно. Все, чего желаетъ «Я», сводится къ тому, чтобы знатные господа преисполнились добродѣтели. Согласитесь, что болѣе умѣренная программа просто на просто,—немыслима.

Чтобы убѣдить читателя въ полной осуществимости своихъ пожеланій, Новиковъ указывалъ на то, что преисполненные добродѣтели знатные господа уже встрѣчаются въ русской дѣйствительности. Онъ приводилъ даже начальныя буквы ихъ именъ: О..., П..., Н..., С..., В..., Ш..., Б..., В... [1]). Это показалось тогда дерзостью. Да отчасти продолжаетъ казаться ею и до сихъ поръ. Въ концѣ XIX в. г. Е. Шумигорскій съ явнымъ неодобреніемъ отозвался о томъ, до чего «дошелъ» издатель «Трутня».

«Называя добродѣтельными однихъ вельможъ, — писалъ г. Шумигорскій, —и бросая бездоказательныя подозрѣнія на прочихъ, Новиковъ, конечно, поступилъ очень неосторожно» [2]).

Какъ я сказалъ выше, Новиковъ,—*въ эпоху изданія своихъ сатирическихъ изданій*,—былъ однимъ изъ самыхъ передовыхъ русскихъ людей [3]). Теперь мы лишній разъ видимъ, какъ скромны были тогда у насъ передовые люди.

Благодаря нашей экономической отсталости и въ противоположность тому, что имѣло тогда мѣсто во Франціи, антагонизмъ между непривилегированными и привилегированными,—неизбѣжный вездѣ, гдѣ существуютъ сословныя привилегіи,—еще не сталъ у насъ двигателемъ общественно-политическаго прогресса. Слой образованныхъ разночинцевъ еще не доросъ до принципіальнаго отрицанія дворянскихъ привилегій. Онъ не

---

[1]) То-есть: Орловъ (Гр.), Панинъ (Н.), Нарышкинъ (Л.), Салтыковъ, Вяземскій, Шуваловъ, Бецкій и Всеволожскій. — Статья, о которой я говорю здѣсь, озаглавлена: «Разговоръ. Я и Трутень». Начальныя буквы добродѣтельныхъ вельможъ указывалъ собственно Трутень. Но «Я» нашелъ его указанія совершенно правильными.

[2]) См. его статью «Государыня-публицистъ» въ «Русскомъ Архивѣ» за 1890 г., кн. I, стр. 41.

[3]) См. главу «Сатирическіе журналы».

шелъ дальше почти совершенно безобидной оппозиціи «большимъ господамъ» и, на почвѣ такой оппозиціи, считалъ себя солидарнымъ со всѣмъ остальнымъ дворянствомъ. Но какъ бы ни было подчасъ велико недовольство этого дворянства своекорыстными и произвольными дѣйствіями «большихъ господъ», оно не могло, разумѣется, идти противъ самого себя и поднимать вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права. Вотъ почему мы лишь очень рѣдко встрѣчаемъ отрицательное отношеніе къ этому праву образованныхъ русскихъ разночинцевъ того времени.

Купечество тоже не дѣлало принципіальныхъ противъ него возраженій. Оно само хотѣло, по извѣстному намъ выраженію Соловьева, имѣть рабовъ и было недовольно только тѣмъ, что владѣніе крѣпостными душами сдѣлалось у насъ исключительной привилегіей дворянства. Въ главѣ о Законодательной Коммиссіи мы уже видѣли, что въ соціальномъ отношеніи купечество наше отличалось тогда консервативнымъ, а отчасти даже реакціоннымъ настроеніемъ. Въ политическомъ отношеніи оно выражало недовольство полицейскимъ произволомъ. Но и это недовольство не подсказывало ему широкихъ преобразовательныхъ стремленій. Видя, что Екатерина охотно идетъ навстрѣчу многимъ дворянскимъ вожделѣніямъ, купечество склонялось къ идеализаціи эпохи Петра. Но идеализировать эту эпоху значило смотрѣть не впередъ, а назадъ. И въ той же главѣ о законодательной коммиссіи мы видѣли, что тогдашнее наше купечество показало себя мало доступнымъ для прогрессивнаго вліянія того самаго Запада, на который любили ссылаться— подчасъ даже вовсе не кстати—его представители. Такое настроеніе нашего купечества не могло не отразиться и на отношеніи его къ литературѣ. Въ его средѣ стали появляться люди не совсѣмъ равнодушные къ журналу и книгѣ. Кое-кто изъ нихъ самъ брался за перо. Но такихъ людей было не много, да и эти немногіе смѣлостью мысли совсѣмъ не обладали.

Новиковъ былъ чуть-чуть смѣлѣе своихъ читателей. Но только чуть-чуть. Онъ издавалъ свои сатирическіе журналы въ такое время, когда частью надвигалась, а частью уже надвинулась гроза Пугачевщины [1]. Но въ этихъ его журналахъ нѣтъ даже и намека на ту, хотя бы и условную вѣру въ самодѣятельность закрѣпощеннаго крестьянства, съ какою мы встрѣтимся у Радищева. Новиковъ очень сочувствовалъ крестьянамъ, находившимся во власти *дурныхъ помѣщиковъ*. Однако,

[1]) Первая часть «Трутня» относится къ 1769 г., вторая къ 1770, «Живописецъ» выходилъ въ 1772 г., наконецъ, «Кошелекъ»—въ 1774 г.

этотъ сторонникъ просвѣщенія врядъ-ли много задумывался о просвѣщеніи крестьянства. Скажу больше: позволительно думать, что онъ и не видѣлъ въ его просвѣщеніи большой надобности. Выше приведено было мною то замѣчаніе г. Барскова, что Новиковъ дѣлалъ въ своемъ имѣніи сельско-хозяйственные опыты, нисколько не смущаясь тѣмъ, что они основывались на крѣпостномъ трудѣ [1]). Но опыты, которые имѣетъ въ виду г. Барсковъ, дѣлались Новиковымъ уже послѣ того, какъ онъ былъ освобожденъ изъ заключенія. Можно сказать,—какъ и говоритъ А. Незеленовъ,—что Новиковъ того времени былъ уже не похожъ на самого себя. Вотъ примѣры, заимствуемы изъ журналовъ *прежняго* Новикова.

Въ 19-мъ листѣ первой части «Живописца» напечатано было письмо, въ которомъ предавались осмѣянію легковѣрные люди, прибѣгавшіе къ услугамъ ворожей. Авторъ письма утверждалъ, что шайка старухъ, занимавшихся ворожбой и гаданіемъ на кофе, принадлежала къ числу извергов человѣческаго рода, и очень огорчался тѣмъ, что довѣріе къ этимъ старухамъ распространено было не только въ простомъ народѣ.

«Отъ простого народа,—разсуждалъ онъ,—ничего лучшаго и не ожидаютъ, какъ опытовъ крайней глупости и сумасброднаго суевѣрія. Но повѣрите ль вы, государь мой, етому, что многіе изъ знатныхъ, и многіе изъ среднихъ особъ толь много состояніе свое посрамляютъ и ведутъ себя въ семъ случаѣ такъ же, какъ и глупая чернь? Люди, отъ коихъ по малѣйшей мѣрѣ здраваго человѣческаго ума чаять долженствовало, суть такъ просты, что дозволяются себя обманывать такимъ бабамъ! Ето несносно... Сколь часто благородная особа черни уподобляется,

---

[1]) Правда, есть нѣкоторыя данныя, позволяющія оспаривать это замѣчаніе г. Барскова. Въ письмѣ къ А. Ѳ Лабзину отъ 27 марта 1798 г. Новиковъ говорилъ, что деревня его состояла въ *нераздѣльномъ* владѣніи съ его братомъ, и этотъ послѣдній привыкъ хозяйничать, а потому и распоряжается ихъ общимъ имѣніемъ. «Я ото всего уклоняюсь —прибавлялъ Новиковъ.—Можетъ быть у насъ расположеніе не одинаково, слѣдовательно даже и совѣты мои не годятся, да онъ же слишкомъ упрямъ въ своихъ мнѣніяхъ. А такъ какъ весьма нерѣдко дѣлается не по моимъ правиламъ, то я уклоняюсь, глядя на то, только, что страдаю и могу сказать, что я почти какъ чужой живу». («Русскій Библіофилъ», 1913, № 3-й). Это очень важное признаніе. Но отъ чего страдалъ Н. И Новиковъ: оттого-ли, что хозяйство основывалось на крѣпостномъ трудѣ, или же оттого, что его братъ пользовался крѣпостнымъ трудомъ, держась черезъ-чуръ суровыхъ правилъ? На этотъ существенный вопросъ письмо Н И Новикова не отвѣчаетъ. А изъ другого письма его къ Лабзину,—того, которое по всей вѣроятности, и имѣлъ въ виду г Барсковъ, и которое относится къ 1802 году.—Н. И. Новиковъ сообщаетъ о заведенной имъ «суконной фабричкѣ» совсѣмъ уже не какъ «чужой»,—братъ его скончался въ 1799 году,—и при томъ какъ человѣкъ, считающій совершенно естественнымъ примѣненіе крѣпостного труда въ фабричномъ производствѣ (тамъ-же, стр. 27). Я уже указалъ, какъ на смягчающее обстоятельство, на страшное разстройство дѣлъ Новикова.

столь часто заслуживаетъ она и посмѣяніе всѣхъ честныхъ и умныхъ людей»...

Эти крайне презрительные отзывы о *«черни»* напечатаны были въ журналѣ Новикова безъ какихъ бы то ни было возраженій и оговорокъ со стороны редакціи.

Въ «Трутнѣ» помѣщены были сатирическія *«Картины»*, достойныя вниманія не по яркости таланта,—таланта въ нихъ нѣтъ даже и тѣни,—а по содержанію, по крайней мѣрѣ, одной изъ нихъ. Въ ней осмѣивается нѣкій Худосмыслъ, лишенный всякой способности стать господиномъ надъ своими собственными людьми: «всякой лакѣй смѣетъ ему противорѣчить, отговаривать и доводить до того, чтобъ онъ былъ всегда въ ихъ повелѣніяхъ, только что они не сѣкутъ ево, да и онъ ихъ сѣчь не смѣетъ, а для сего подлый народъ *Худосмысла* и называетъ: то-то господинъ, то-то отецъ, люди у него какъ въ раю живутъ!... Только *Худосмыслъ* у людей своихъ живетъ какъ на каторгѣ».

Эти соображенія тоже не вызвали никакихъ критическихъ замѣчаній со стороны редакціи. Напротивъ, напечатавъ въ своемъ журналѣ «Картинки» редакторъ «Трутня» обратился къ ихъ «молодой сочинительницѣ» со слѣдующими поощрительными словами: «ваше сочиненіе такъ хорошо, что я бы желалъ таковыя получать чаще: но по нещастію моему рѣдко сіе случается. Есть-ли вы будете ко мнѣ и впредь подобныя сему сообщать сочиненіи, то я вамъ буду весьма за то благодаренъ» [1]).

Въ главѣ о сатирическихъ журналахъ я допустилъ, что въ глубинѣ души Новиковъ отрицательно относился къ крѣпостному праву. Но я тамъ же прибавилъ, что если и было у него такое отношеніе къ этому праву, то оно ничѣмъ не выразилось въ его изданіяхъ, въ которыхъ мы встрѣчаемъ нападки не на помѣщичью власть, *какъ таковую*, а лишь на различныя *злоупотребленія* названною властью. Только что приведенные мною примѣры даютъ основаніе утверждать, что, даже выступая противъ злоупотребленій, новиковскія изданія не были въ состояніи совершенно раздѣлаться съ идеологіей, свойственной тѣмъ слоямъ населенія, которые видѣли въ крѣпостномъ правѣ естественное и не подлежащее критикѣ учрежденіе.

Говоря, что Новиковъ мало заботился о просвѣщеніи народной массы, я не хотѣлъ сказать, что онъ не считалъ нужнымъ

---

[1]) «Трутень», часть II, листъ 17-й.

обращаться къ ней съ какими бы то ни было наставленіями. Въ той же главѣ о сатирическихъ журналахъ я изложилъ содержаніе комедіи, напечатанной въ «Кошелькѣ» подъ названіемъ «Народное игрище». Въ предисловіи къ ней Новиковъ высказался въ пользу «Комедій для народа», въ которыхъ заключалось бы нравоученіе и «представлялись бы примѣры, къ подражанію народному годные». Но на основаніи того, что уже извѣстно читателю о содержаніи пьесы «Народное игрище», онъ согласится со мною, если я скажу, что нравоученіе, въ ней заключавшееся, сводилось къ очень старому правилу: помѣщики должны добродушно обращаться со своими крѣпостными (не избѣгая, однако, исправительныхъ тѣлесныхъ наказаній), а крѣпостные обязаны любить добрыхъ помѣщиковъ. Противъ подобныхъ совѣтовъ рабовладѣльцамъ и противъ такихъ наставленій рабамъ не могли ничего имѣть и самые убѣжденные крѣпостники, если только они не стояли на уровнѣ Скотининыхъ и Простаковыхъ [1]).

Въ историческомъ введеніи къ первому тому этого моего сочиненія я отмѣтилъ, что между тѣмъ какъ французскіе короли, ведя борьбу съ феодалами, опирались на *жителей городовъ*, московскіе великіе князья и цари, вслѣдствіе тамъ же указанныхъ мною историческихъ условій, могли, вступая въ борьбу съ боярами, искать опоры только въ извѣстномъ слоѣ своихъ *служилыхъ людей*. И я тогда же прибавилъ, что это обстоятельство наложило свою печать на весь дальнѣйшій ходъ нашего историческаго процесса. Теперь мы видимъ, что въ литературѣ, возникшей у насъ подъ вліяніемъ Петровской реформы, имѣло мѣсто подобное же обстоятельство.

IV.

Изслѣдователи, утверждающіе, что Новиковъ былъ издателемъ мѣщанской литературы или что его изданія предназна-

---

[1]) Въ маѣ 1773 г. Новиковъ, въ письмѣ къ Козицкому, утверждалъ, что дворяне — «ничто иное, какъ люди, которымъ государь ввѣрилъ нѣкоторую часть людей же во всемъ имъ подобныхъ, въ надзираніе» (цитировано у Незеленова, «Новиковъ», стр. 106). Незеленовъ и здѣсь готовъ былъ видѣть принципіальное отрицаніе крѣпостного права. На самомъ дѣлѣ взглядъ, высказанный тутъ Новиковымъ, представляетъ собою по существу лишь повтореніе унаслѣдованнаго отъ до-Петровской Руси взгляда Посошкова. Правда, повторяя этотъ взглядъ, Новиковъ напоминаетъ, что крестьяне—люди во всемъ подобные своимъ владѣльцамъ. Но вѣдь о томъ же самомъ напоминалъ римскимъ рабовладѣльцамъ Сенека, отнюдь не отрицавшій рабства въ принципѣ. Посошковъ, говорившій, что помѣщики крестьянамъ не вѣковые владѣльцы, самъ имѣлъ крѣпостныхъ людей. Его примѣръ отчасти помогаетъ намъ понять психологію Новикова.

чались для *«людей средняго сословія»* [1]), дѣлають большую ошибку. На самомъ дѣлѣ то *среднее сословіе*, къ которому обращался Новиковъ со своими изданіями, въ весьма значительной,—если не наибольшей,—части своей состояло изъ *дворянъ*. Да и долго послѣ Новикова,—до эпохи Герцена включительно,—наша оппозиціонная литература вынуждена была разсчитывать преимущественно на извѣстные элементы дворянскаго сословія.

Въ слѣдующихъ томахъ мы увидимъ, какъ отразилось это на дальнѣйшемъ ходѣ развитія русской общественной мысли. Что касается собственно эпохи Новикова, то мы уже видѣли, что, выступая въ роли литературнаго руководителя оппозиціи противъ «знатныхъ бояръ», онъ не могъ бы, если бы даже и хотѣлъ, защищать мысль о необходимости серьезнаго общественнаго преобразованія. Но подобная мысль не соотвѣтствовала также настроенію двухъ остальныхъ элементовъ интереснаго для насъ «средняго сословія», *т. е. купцовъ и разночинцевъ*, тогда еще очень консервативныхъ.

«Знатные бояре», противъ которыхъ говорилъ Новиковъ въ своихъ изданіяхъ, сильно подчинялись тогда французскому вліянію. Уже одно это могло вызвать недовѣріе къ названному вліянію тѣхъ слоевъ населенія, которые находились въ оппозиціи, хотя бы и крайне скромной, къ «знатнымъ боярамъ». Но была и другая причина, усиливавшая нерасположеніе «уѣздныхъ дворянъ», купцовъ и разночинцевъ къ французамъ: по своему консерватизму, это «среднее сословіе» не могло сочувствовать реформаторскимъ требованіямъ передовыхъ французскихъ писателей и пугалось ихъ смѣлыхъ выводовъ. Оно относилось къ «вольтерьянству», если не съ большимъ страхомъ, то, навѣрно, съ большею наивностью, чѣмъ Лопухинъ и другіе «знатные» дворяне, нѣкогда вкушавшіе отъ запретнаго плода. Новиковъ и въ этомъ отношеніи былъ типичнымъ представителемъ взглядовъ нашего «средняго сословія». Его непріязнь къ «знатному боярству» однимъ изъ своихъ источниковъ имѣла убѣжденіе въ томъ, что люди, хорошо владѣвшіе французскимъ языкомъ, слишкомъ скоро и легко поддавались на доводы нечестивыхъ писателей, доказывавшихъ «по фисикѣ, что солнце, луна, звѣзды, земля и все вообще строеніе міра могло получить свое бытіе и безъ посредства Божія». Онъ думалъ, что «другіе», т. е., очевидно, тѣ, которые французскаго языка не знали

---

[1]) Выраженіе Н. С. Тихонравова, сочиненія, т. III, ч. 1-ая.

или владѣли имъ плоховато, были болѣе устойчивы въ традиціонной привязанности къ старому міросозерцанію и болѣе способны съ презрѣніемъ отнестись къ «мечтательнымъ и богопротивнымъ доказательствамъ» дерзкихъ французскихъ мыслителей. По крайней мѣрѣ такъ говорится въ письмѣ нѣкоего Р..., заключающемъ въ себѣ чрезвычайно назидательный разсказъ о благочестивомъ сновидѣніи автора и напечатанномъ въ «Живописцѣ», который справедливо считается наилучшимъ изъ сатирическихъ журналовъ Новикова. Авторъ письма прибавлялъ, что атеистической «заразы ни чемъ (sic) другимъ предупредить не можно, какъ только частымъ напоминаніемъ молодымъ людямъ, что кто Бога забываетъ, тотъ вѣрно навлекаетъ на себя праведный его гнѣвъ» [1]). Такія назиданія, какъ видно, приходились по вкусу тогдашнимъ читателямъ «изъ мѣщанъ».

Хотя Новиковъ усердно пополнялъ чтеніемъ весьма многочисленные пробѣлы своего образованія, но, по тѣмъ или по другимъ причинамъ, запасъ его знаній навсегда остался недостаточнымъ для пониманія французской философіи. Въ главѣ о фонъ-Визинѣ я уже говорилъ, что ея ученія страннымъ образомъ сочетались въ умѣ Новикова съ правилами «волосоподвивательной науки». Теоретическое мышленіе, какъ таковое, было, повидимому, не доступно для него. Когда пріѣхалъ въ Петроградъ Дидро, Новиковъ сказалъ о немъ: «Это умный французъ, да ему, какъ невѣрующему, нельзя вѣрить». Къ этому прибавлять ничего не нужно.

Но если мы захотимъ подвести итогъ тогдашнимъ воззрѣніямъ Новикова, то мы никакъ не должны забывать его собственнаго признанія въ томъ, что до половины семидесятыхъ годовъ онъ стоялъ на распутьи между «вольтерьянствомъ» и религіей [2]). Въ дѣйствительности, даже въ теченіе этого періода своей жизни нашъ авторъ былъ гораздо ближе къ «религіи», нежели къ «вольтерьянству». И его свидѣтельство о самомъ себѣ приходится понимать въ томъ смыслѣ, что не всѣ стремленія новыхъ французскихъ философовъ казались ему тогда достойными рѣшительнаго порицанія. Этимъ и объясняется, почему въ его тогдашнихъ изданіяхъ неожиданно встрѣчаются похвальные отзывы о наиболѣе «славныхъ» французскихъ энциклопедистахъ.

---

[1]) См. 22-ой листъ II части этого журнала.
[2]) Лонгиновъ, назв. соч., стр. 99.

Какъ литературный представитель тѣхъ общественныхъ слоевъ, которые, испытавъ на себѣ вліяніе Запада, уже сознавали, что нельзя не учиться, Новиковъ горячо сочувствовалъ всему, что могло способствовать просвѣщенію этихъ слоевъ. При всемъ своемъ нерасположеніи къ французамъ, онъ видѣлъ, что Франція далеко опередила Россію въ культурномъ отношеніи и, какъ бы, завидовалъ французамъ. Но онъ утѣшалъ себя историческими соображеніями.

«Русскіе люди въ разсужденіи наукъ и художествъ... столь же имѣютъ остроты, разума и проницанія, сколько и французы,—читаемъ мы въ Кошелькѣ,—но гораздо болѣе имѣютъ твердости, терпѣнія и прилѣжности (sic); разность же между французомъ и русскимъ въ разсужденіи наукъ вся въ томъ состоитъ, что одинъ послѣ другого гораздо позже принялся за науки».

Сказавъ мимоходомъ комплиментъ Екатеринѣ Великой, дѣлами своими весь свѣтъ удивляющей и съ такимъ же усердіемъ распространяющей науки и художества въ Россіи, съ какимъ распространялъ ихъ Людовикъ IX во Франціи, авторъ продолжаетъ:

«Если посмотрѣть на скорые успѣхи, каковые Россіяне въ разсужденіи наукъ и художествъ оказали, то должно будетъ заключить, что въ Россіи науки и художества придутъ въ совершенство гораздо въ кратчайшее время, нежели въ какое доведены они были во Франціи [1])».

Но просвѣщеніе никогда не сдѣлаетъ большихъ успѣховъ въ Россіи, если будетъ ограничиваться узкими предѣлами придворнаго круга. Мысль эта была одною изъ любимыхъ мыслей Новикова. Онъ продолжалъ держаться за нее и тогда, когда, все болѣе и болѣе увлекаясь мистицизмомъ, сжегъ очень многое изъ того, чему поклонялся прежде. Въ его «Московскомъ Ежемѣсячномъ изданіи» напечатана была во многихъ отношеніяхъ замѣчательная статья: «*О главныхъ причинахъ, относящихся къ приращенію художествъ и наукъ*», авторъ которой настаивалъ на томъ, что просвѣщеніе должно глубоко пустить свой корень въ народную почву. «Народъ,—писалъ онъ,—есть первый собиратель плодовъ, науками приносимыхъ; къ знатнымъ же (опять знатные. Г. П.) онѣ приходятъ весьма поздно. Но должно думать, чтобы оныя вдругъ процвѣли въ какомъ нибудь народѣ, или чтобы для сего довольно было только уче-

---

[1]) «Кошелекъ», листъ 3-й.

ныхъ людей изъ другихъ Государствъ. Онѣ могутъ украсить царскій домъ, но весьма рѣдко бываетъ, чтобъ онѣ могли и все государство сдѣлать ученымъ».

Въ доказательство приводятся историческіе примѣры: «Птоломей Филадельфъ, Константинъ Порфирогенитъ, Карлъ Великій и Алфредъ, хотя имѣли у себя великое число ученыхъ, изъ разныхъ мѣстъ собранное, однако, науки у нихъ не утвердились и хотя оныя процвѣтали подъ властью престола, но до того только времени, пока десница государская орошала, а лишившись сего призрѣнія, испытали всю суровость чуждаго климата; оставленныя увяли со всѣми своими плодами, принесенными во время короткаго споспѣшествованія ихъ покровителей» [1]).

V.

Въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка А. С. Хомяковъ усердно доказывалъ «безсиліе знанія, отрѣшеннаго отъ жизни» [2]). Въ сущности это та же мысль, которую развивалъ авторъ статьи о главныхъ причинахъ приращенія наукъ и художествъ. Но, сама по себѣ, мысль эта еще не заключаетъ въ себѣ ничего спеціально славянофильскаго. Ее можно найти,—правда, «въ другой связи», какъ выражаются нѣмцы,—еще у Ломоносова. И ее же высказывалъ и обстоятельно обосновывалъ Рэйналь [3]).

Со славянофилами Новикова, какъ и фонъ-Визина, какъ и Лопухина, роднитъ боязнь передовыхъ идей Запада. Такъ какъ главнымъ очагомъ этихъ идей была Франція, то онъ, подобно фонъ Визину, рѣшительно *предпочиталъ нѣмцев французамъ*. Въ «Разговорѣ между нѣмцемъ и французомъ» первый изъ двухъ собесѣдниковъ выступаетъ передъ нами образцомъ «чистосердечія», а второй изображенъ отъявленнымъ негодяемъ. По тогдашнему обычаю русскихъ авторовъ, ему дано имя, громко выражающее его нравственныя свойства: *Шевальє-де-Мансонжъ* [4]). Боязнь передовыхъ идей Запада, безспорно, была въ высокой степени свойственна русскимъ славянофиламъ XIX в; но и она не можетъ быть отнесена къ числу отличительныхъ признаковъ славянофильства. Кромѣ того, какъ уже

[1]) Московское ежемѣсячное изданіе, 1781 г., часть I, стр. 282. 283.
[2]) См. статью «Мнѣнія иностранцевъ о Россіи». См. также статьи «О возможности русской художественной школы» и другія.
[3]) См. выше главу объ отношеніи Россіи къ Западу.
[4]) «Кошелекъ», листъ второй.

было отмѣчено въ одной изъ предыдущихъ главъ, Новиковъ былъ поклонникомъ Петровской реформы [1]).

Наконецъ,—и это самое главное,—Новиковъ не нашелъ въ старинной жизни Россіи такихъ цѣнностей, противопоставленіе которыхъ передовому общественному и идейному движенію Запада могло бы дать ему сколько нибудь прочное удовлетвореніе. На этомъ надо остановиться.

Въ теченіе нѣкотораго времени Новиковъ сильно склонялся къ идеализаціи русскихъ нравовъ добраго стараго времени: Петровской и даже до-Петровской эпохи. Издавая свой «Кошелекъ», онъ, повидимому, переживалъ сильнѣйшій пароксизмъ такой идеализаціи. «Чистосердечный» нѣмецъ, громившій въ этомъ журналѣ лживаго француза, восклицалъ:

«О когда бы силы человѣческія возмогли, дабы къ просвѣщенію Россіянъ возвратить и прежнія ихъ нравы, погубленныя введеніемъ кошельковъ во употребленіе, тогда бы можно было поставить ихъ образцемъ человѣку».

Далѣе нашъ авторъ подсказываетъ своему доброму нѣмцу характерное историческое соображеніе о томъ, почему государи московской Руси не торопились просвѣщать свой народъ.

«Кажется мнѣ,—говоритъ добрый нѣмецъ,—что мудрые древніе Россійскіе Государи яко бы предчувствовали, что введеніемъ въ Россію наукъ и художествъ наидрагоцѣнное Россійское сокровище, нравы, погубятся безвозвратно; и потому лучше хотѣли подданныхъ своихъ видѣть въ нѣкоторыхъ частяхъ наукъ незнающими, но съ добрыми нравами, людьми добродѣтельными, вѣрными Богу, Государю и Отечеству».

Это соображеніе, заставляющее насъ вспомнить, какъ объяснялъ Болтинъ, почему московское государство не охотно отпускало заграницу своихъ подданныхъ, дополнялось у Новикова доводомъ, какъ будто всецѣло заимствованнымъ изъ «Антидота»: «Не возражай мнѣ, что и въ древнія времена Россіяне свои имѣли пороки; я скажу тебѣ въ отвѣтъ, что всѣ народы во всякія времена имѣли особые пороки: прочитай со вниманіемъ свою исторію, увидишь тамъ варварства еще болѣе, нежели сколько его было въ Россіи» [2]). Именно такъ разсуждали Болтинъ и Екатерина.

Если въ другихъ странахъ было еще больше варварства, то, очевидно, что Россію слѣдовало признать самой просвѣщен-

[1]) Правда, и между славянофилами XIX в. не всѣ осуждали реформу Петра. М. П. Погодинъ готовъ былъ защищать ее до бритья бороды включительно.

[2]) «Кошелекъ», листъ 3-ій.

ной страной, и что не ей должно было учиться у другихъ народовъ, а другимъ народамъ у нея. Но, подойдя вплотную къ этому выводу, Новиковъ самъ устрашился его. На него напали сомнѣнія.

Въ слѣдующемъ листѣ «Кошелька» вмѣсто окончанія разговора между добрымъ нѣмцемъ и злымъ французомъ появилось интересное письмо къ издателю, заключавшее въ себѣ язвительный протестъ противъ идеализаціи древнихъ россійскихъ добродѣтелей. Въ письмѣ категорически утверждалось, что любовь къ нимъ издателя есть не болѣе, какъ сумасбродство.

«Вамъ было должно родиться давно-давно,—говорилъ авторъ письма,—то-есть, когда древнія Россійскія добродѣтели были въ употребленіи, а именно: когда Русскіе Цари въ первый день свадьбы своей волосы клеили медомъ, а на другой день парились въ банѣ вмѣстѣ съ Царицами, и тамъ же обѣдали; когда всѣ науки заключалися въ однихъ святцахъ, когда разныя меды и вино пивали ковшами; когда женилися, не видавъ невѣсты своей въ глаза; когда всѣ добродѣтели замыкалися въ густотѣ бороды; когда за различное знаменованіе—сожигали въ срубахъ, или изъ особливаго благочестія живыхъ закапывали въ землю».

Приступая къ «изысканію» тѣхъ старыхъ, русскихъ добродѣтелей, которыя взялся защищать издатель «Кошелька», авторъ письма указывалъ на полную несостоятельность его метода. Издатель на слово повѣрилъ старикамъ, упрямо твердящимъ: въ старину жилось лучше, въ старину люди были богаче и умнѣе, въ старину хлѣбъ лучше родился и т. п. Но «не всѣ словесныя извѣстія заслуживаютъ вѣроятія»; лучше обращаться къ книгамъ. А изъ книгъ наибольшаго довѣрія заслуживаютъ—французскія. «Французскій народъ такъ прилепленъ къ наукамъ, а наипаче къ словеснымъ, что и объ нашей исторіи прежде насъ потрудились (sic) намъ подать понятіе и просвятить наше въ томъ невѣжество». На основаніи французскихъ источниковъ авторъ письма утверждаетъ, что о добродѣтеляхъ древней Руси не можетъ быть и рѣчи. И это кажется ему вполнѣ естественнымъ. Даже тогда, когда до-Петровская Русь становилась сильною,—какъ это было, напримѣръ, во времена царя Ивана Васильевича,—она страдала отъ деспотизма, и невѣжество сохраняло свою прежнюю силу, такъ какъ «бичемъ, ярмомъ и мечемъ нравы никогда не исправляются». Къ сожалѣнію, въ томъ мѣстѣ письма, гдѣ говорится о

Петровской реформѣ, есть большой пропускъ, конечно, сдѣланный страха ради цензурна. Мы узнаемъ о ней одно: «*Онъ*» не съ той стороны взялся за дѣло просвѣщенія русскаго народа, обратившись не къ французамъ, которые одни только и могли просвѣтить насъ, а къ нѣмцамъ, голландцамъ и англичанамъ.

Далѣе въ письмѣ говорится о пользѣ, которую приносятъ путешествія въ Парижъ и усвоеніе французскихъ свѣтскихъ обычаевъ. Видно, что Новикову, который, по всей вѣроятности, самъ и написалъ это письмо, хотѣлось, по своему обыкновенію, изобразить увлеченнаго Франціей отрицателя древнихъ русскихъ добродѣтелей человѣкомъ легкомысленнымъ и даже смѣшнымъ. Но это ему не удалось: читатель видитъ, что приводимые въ письмѣ доводы имѣютъ подъ собою довольно серьезное основаніе. Новиковъ обѣщалъ отвѣтить автору письма, «чтобы не возмнилъ онъ, что возраженія его справедливыя и опровержены быть не могущія». Обѣщанія своего издатель «Кошелька» не выполнилъ. Повидимому, его сомнѣнія въ древнихъ русскихъ добродѣтеляхъ оказались болѣе глубокими, чѣмъ казалось ему первоначально, и что онъ не сумѣлъ справиться съ ними. Такимъ образомъ, если онъ и примыкалъ къ тому умственному теченію, которое Н. С. Тихонравовъ назвалъ «своего рода славянофильствомъ Екатерининскихъ временъ» [1]), то устойчивостью онъ въ этомъ отношеніи не отличался. Увлеченіе древними русскими добродѣтелями смѣнилось у него сомнѣніемъ въ нихъ. Это сильно отразилось на дальнѣйшемъ ходѣ развитія его взглядовъ.

VI.

А. Н. Пыпинъ утверждалъ, что въ развитіи Новикова не было ни внезапныхъ перерывовъ, ни перемѣнъ направленія [2]). Это и такъ, и не совсѣмъ такъ. Ниже мы увидимъ, въ какомъ смыслѣ это правильно, а теперь отмѣтимъ, въ какой поправкѣ нуждается утвержденіе А. Н. Пыпина.

Когда русскій человѣкъ XVIII столѣтія, испытывавшій страхъ передъ безбожнымъ «вольтерьянствомъ», становился мистикомъ, онъ не вступалъ въ рѣзкое противорѣчіе съ самимъ собою. Мистика была только послѣднимъ шагомъ въ томъ направленіи, котораго такой человѣкъ держался и раньше. Но пока этотъ шагъ не былъ сдѣланъ, у человѣка, испуган

[1]) Сочиненія, т. III, ч. 1-ая, стр. 260.
[2]) «Русское масонство», стр. 173.

наго «вольтерьянствомъ», все-таки оставалась логическая и психологическая возможность интересоваться такими общественными задачами, которыя не имѣютъ значенія съ точки зрѣнія послѣдовательнаго мистика. Утрата интереса къ такимъ задачамъ можетъ быть названа *перерывомъ* въ ходѣ развитія противника «вольтерьянскихъ» идей. И вотъ такой-то перерывъ и наблюдается у Новикова.

Если онъ, въ эпоху изданія своихъ сатирическихъ журналовъ, былъ противникомъ передовыхъ французскихъ ученій, то все-таки подъ косвеннымъ вліяніемъ тѣхъ же ученій у него было извѣстное,—правда, крайне скромное,—стремленіе улучшить существовавшій въ Россіи порядокъ вещей: вспомнилъ его оппозицію «знатному боярству»; его нападки на жестокихъ помѣщиковъ; его насмѣшки надъ нашимъ тогдашнимъ «правосудіемъ». Но когда онъ увлекся мистицизмомъ, вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ людей въ обществѣ представился ему совершенно незначительнымъ въ сравненіи съ вопросомъ объ отношеніи человѣка къ божеству. Прежде взоръ его, хотя и очень сильно затуманенный предразсудками, былъ устремленъ *на землю;* теперь онъ обратился *къ небу*. Мысль о загробномъ существованіи сдѣлалась преобладающей мыслью Новикова. И если онъ попрежнему хотѣлъ распространять *просвѣщеніе;* если, усердно поддерживаемый Шварцемъ, онъ пользовался своими связями съ богатыми мистиками для безпримѣрнаго въ тогдашней Россіи расширенія своей издательской дѣятельности, то не нужно забывать, что теперь онъ «просвѣщалъ» людей въ духѣ настоящаго кладбищенства (какъ сказалъ бы Помяловскій). Этимъ духомъ пропитано было уже первое мистическое изданіе Новикова,—упомянутый выше «Утренній Свѣтъ».

Тамъ проповѣдывалось, что человѣкъ созданъ для блаженства, которое заключается въ немъ самомъ. Если онъ добродѣтеленъ, то будетъ счастливъ даже и въ оковахъ, потому что нельзя заковать душу. Какъ бы велики ни были земныя бѣдствія добродѣтельнаго человѣка, смерть прекращаетъ ихъ, а въ загробной жизни его ждетъ вѣчное блаженство. Поэтому страдающій въ нашей юдоли плача добродѣтельный человѣкъ сравнивается съ невольникомъ, который завтра станетъ королемъ: такого невольника никто не назоветъ несчастнымъ. Другими словами: счастья нужно искать не въ жизни, а въ смерти. И потому смерть лучше жизни, а *мракъ*, удаляющій душу отъ земной суеты и заставляющій ее погрузиться въ

самое себя *лучше света*. Противоположность между жизнью и смертью есть ничто иное, какъ противоположность между тѣломъ и духомъ. Когда душа освободится отъ тѣла, она будетъ созерцать истину и жить внутри самой себя. Въ этомъ и заключается то блаженство, къ которому всѣ мы должны стремиться, а нравственность состоитъ въ томъ, чтобы помогамъ другимъ въ его достиженіи. Одна изъ статей, напечатанныхъ въ «Утреннемъ Свѣтѣ» развиваетъ ту мысль, что хотя земная премудрость принесла много пользы искусствамъ и наукѣ, но искусства и науки оставляютъ насъ, послѣ нашей смерти, сугубыми нищими, а потому не слѣдуетъ и дорожить ими [1]). Въ другой статьѣ проповѣдывалось, что «грубое невѣдѣніе и очень высокая наука вредительны въ разсужденіи закона и что мы должны «вѣрить слѣпо». Любопытно, что «Утренній Свѣтъ» предвосхитилъ философію «Крейцеровой Сонаты». Онъ объявилъ зломъ взаимную любовь людей разныхъ половъ, потому что въ ней обнаруживается «сродство наше со скотами». Казалось бы, трудно итти дальше этого въ области «кладбищенства». Однако, «Утренній Свѣтъ» пошелъ дальше: въ немъ говорилось, что смѣхъ есть едва-ли не преступленіе.

Если *смѣхъ вообще* есть едва-ли не преступленіе, то ясно, что и *насмѣшка сатирика* не должна была приходиться по вкусу нашему мистику. Новиковъ, когда-то защищавшій сатиру «на лица», теперь считалъ позволительной только сатиру «на общіе пороки», т. е. какъ разъ ту безвредную сатиру, идею которой отстаивала когда-то, въ противоположность «Трутню», «Всякая Всячина». Правда, даже сдѣлавшись мистикомъ, Новиковъ иногда снова ощущалъ потребность бичевать пороки. Въ «Московскомъ ежемѣсячномъ изданіи» (1781 г.) говорилось, что «уязвить порочнаго до внутренности сердца и мучить его возбужденною его совѣстью» есть обязанность человѣколюбія, и что небомъ разрѣшается сіе «мщеніе добродѣтели». Для такого мщенія нужна была сатира «на лица», а еще нужнѣе—*сатира на учрежденія*. Но сатира на лица и на учрежденія не мирилась съ мистическимъ настроеніемъ, и потому Новиковъ вспоминалъ о ней теперь лишь въ очень рѣдкія минуты. А больше всего онъ готовъ былъ теперь осуждать ее даже съ большею строгостью, чѣмъ та, съ которой осуждала

---

[1]) Гамалѣя послѣдовательно держался этого ученія. Когда Витбергъ познакомилъ его со своимъ проектомъ Храма Спасителя въ Москвѣ, онъ указалъ даровитому архитектору на нравственную опасность увлеченія искусствомъ.

ее «Всякая Всячина». Въ «Покоющемся Трудолюбцѣ» [1]), напечатано было письмо (опять *«письмо»*) къ издателю, разсказывающее о томъ, какъ авторъ путешествовалъ во снѣ по Парнасской дорогѣ. Между представителями разныхъ отдѣловъ литературы, онъ встрѣтилъ на ней сатириковъ и критиковъ. И они представились ему въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Глаза ихъ сверкали, какъ молнія, языкъ никого не щадилъ, постоянно произнося «бранныя и хульныя» слова, и они нападали на другихъ, какъ разбойники. Много нужно было пережить издателю сатирическихъ журналовъ, чтобы дойти до такого понятія о сатирикахъ!

Новиковъ и прежде былъ индифферентистомъ въ политикѣ. Теперь его политическій индифферентизмъ получилъ идейное обоснованіе. Если добродѣтель дѣлаетъ даже самаго несчастнаго человѣка похожимъ на раба, который завтра (т. е. на томъ свѣтѣ) сдѣлается королемъ, то политикой не стоитъ и заниматься. «Московское ежемѣсячное изданіе» проповѣдовало, что только злой человѣкъ не свободенъ, а добродѣтельный наслаждается равной свободой во всякомъ государствѣ. Читатель видитъ, о какой свободѣ шла здѣсь рѣчь: о той, которая достигается бѣгствомъ изъ грѣшнаго міра земныхъ отношеній.

Но даже и послѣ своего бѣгства изъ нашего грѣшнаго міра Новиковъ сохранилъ нерасположеніе къ освободительной французской философіи. Борьба съ энциклопедистами продолжалась во всѣхъ его мистическихъ изданіяхъ. Уже въ «Утреннемъ Свѣтѣ» напечатана была статья «Путешествіе добродѣтели», одна изъ главъ которой называется: *«Подлые»*. Въ этой главѣ къ подлымъ отнесены Свифтъ, Ларошфуко, Бэйль, «Ламетрій» и Гельвэцій.

А. Незеленовъ замѣчаетъ: «не должно думать, что борьба «Утренняго Свѣта» съ Энциклопедистами состояла въ подобномъ порицаніи этихъ писателей. Названіе ихъ «подлыми» въ одной статьѣ есть фактъ единичный, можно сказать случайный. Журналъ велъ полемику иного рода: онъ возражалъ противъ сущности ученія новыхъ философовъ. При этомъ всѣ доказательства его сводились къ одной цѣли—къ доказательству безсмертія души» [2]).

---

[1]) Новиковъ издавалъ его въ 1784—1785 годахъ.

[2]) «Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ», стр. 250. Изложеніе взглядовъ, выражавшихся въ мистическихъ журналахъ Новикова, дѣлается мною главнымъ образомъ на основаніи этого сочиненія.

Само собою разумѣется, что названіе тѣхъ или другихъ писателей подлыми въ *одной* статьѣ представляетъ собою фактъ *единичный*. Однако, этотъ *единичный* фактъ отнюдь не былъ тутъ случайнымъ. Въ своихъ сатирическихъ журналахъ Новиковъ не разъ говорилъ, что *подлыми* дѣлаетъ людей не происхожденіе, а *безнравственность*. И уже въ этихъ журналахъ энциклопедисты изображались проповѣдниками безнравственности. А когда онъ сдѣлался мистикомъ, тогда онъ еще больше укрѣпился въ своемъ убѣжденіи на счетъ ихъ безнравственности. Въ іюльской книгѣ «Утренняго Свѣта» новые философы названы были подлыми, а въ декабрьской его книгѣ доказывалось, что добродѣтель предполагаетъ вѣру въ безсмертіе души. Какими же людьми должны были казаться Новикову тѣ, которые отрицали это безсмертіе? Очевидно,—лишенными добродѣтели, безнравственными, т. е. «подлыми». Правда, въ дѣйствительности безсмертіе души отрицалось не всѣми проповѣдниками освободительной философіи. Изъ этого слѣдуетъ только то, что, лучше разобравшись въ разныхъ ея оттѣнкахъ, Новиковъ не всѣхъ ея представителей отнесъ бы къ категоріи *подлыхъ*. Но ясно, что и тогда онъ не пересталъ бы относить къ ней «Ламетрія» съ Гельвэціемъ и вообще всѣхъ послѣдовательныхъ матеріалистовъ.

Самъ же А. Незеленовъ цитируетъ въ своей книгѣ напечатанную въ «Вечерней Зарѣ» эпиграмму «къ г. Изыскоеву», гдѣ на вопросъ: какое животное менѣе всего похоже на человѣка? дается отвѣтъ: *философъ* [1]). Это ничѣмъ не лучше «*подлыхъ*». На одну доску съ этой остроумной эпиграммой можно поставить рядъ напечатанныхъ въ томъ же журналѣ и приводимыхъ проф. Незеленовымъ мнѣній, достойныхъ развѣ только инквизитора. Такъ, напримѣръ, напечатанное въ томъ же изданіи «Слово о вольнодумцахъ» Ж. Сорэна напоминаетъ, что согласно книгѣ Левитъ, невѣрующихъ надо побивать каменьями [2]). У Незеленова это объясняется очень просто: Новиковъ «не доглядѣлъ», что въ его журналѣ «пробралось нѣсколько произведеній, содержаніемъ своимъ *противорѣчащихъ* общему характеру его взглядовъ» [3]). Но бѣда въ томъ, что тутъ не было ровно никакого *противорѣчія*.

«Вечерняя Заря», въ которую «пробрались» произведенія, относящія философовъ къ самому низшему разряду живот-

---

[1]) Н. И. Новиковъ и т. д., стр. 323.
[2]) Н. И. Новиковъ, стр. 322 и 323.
[3]) Тамъ же, стр. 323.

ныхъ и совѣтующія побивать ихъ каменьями, издавалась (въ 1782—1783) Новиковымъ при ближайшемъ участіи Шварца. Нѣкоторые изслѣдователи называютъ этого послѣдняго главнымъ руководителемъ названнаго органа [1]). А мы уже знаемъ, какимъ убѣжденнымъ и послѣдовательнымъ обскурантомъ былъ Иванъ Егоровичъ. И совершенно ошибочно утверждалъ проф. Незеленовъ, что «въ тѣхъ серьезныхъ сочиненіяхъ новиковскихъ журналовъ, гдѣ опровергаются ученія матеріалистовъ и деистовъ, обыкновенно не говорится о необходимости запрещать сочиненія, высказывающія эти ученія» [2]). Еще въ ту пору, когда онъ издавалъ свои сатирическіе журналы, Новиковъ думалъ, что безъ цензуры обойтись никакъ невозможно. «Общее спокойствіе государства и безопасность каждаго гражданина въ особливости требуетъ,—говорилъ онъ,—чтобъ недозволено было издавать книги опроверженіями Божія закона наполненныя, самодержавію и отечеству противныя, такожъ сочиненія язвительныя и соблазнительныя, могущія повредить сердце и душу молодыхъ людей или привести невинность на злодѣянія. Таковыхъ сочиненій творцы не достойны носить сіе имя, а должны почитаться вредительными гадинами въ обществѣ». Исходя изъ этого, онъ указывалъ на необходимость духовной и свѣтской цензуры, при чемъ—*первая* занималась бы главнымъ образомъ сочиненіями, способными поколебать *вѣру*, а *вторая*—сочиненіями, касающимися *нравственности* [3]). Неудивительно, что, ударившись въ мистику, нашъ авторъ еще болѣе утвердился въ своемъ убѣжденіи на счетъ пользы, приносимой цензурой въ борьбѣ съ матеріалистами и деистами, и еще прочнѣе усвоилъ себѣ взглядъ на невѣрующихъ философовъ, какъ на *«вредительныхъ гадинъ»*. Въ его первомъ мистическомъ журналѣ «Утренній Свѣтъ» авторъ статьи «Путешествіе добродѣтели» взывалъ къ монархамъ: «Истребите невѣріе, распространяющееся черезъ вольность печатанія» [4]). А въ послѣднемъ журналѣ того же направленія (въ «Покоющемся Трудолюбцѣ») говорится, что «всѣ книги, которыя содержатъ въ себѣ хулы на Бога, поносныя примѣчанія противъ вели-

---

[1]) Напримѣръ, В. Н. Тукалевскій («Изъ исторіи философскихъ направленій въ русскомъ обществѣ XVIII в.», Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, 1911, май, стр. 36). По мнѣнію г. Тукалевскаго, «Новиковъ слишкомъ былъ занятъ издательствомъ и потому выборъ матеріала принадлежалъ большею частью Шварцу». См. его же статью: «Н. И. Новиковъ и І. Г. Шварцъ» (Масонство въ его прошломъ и настоящемъ, т. I, стр. 209 и слѣд.)

[2]) Н. И. Новиковъ, стр. 522.

[3]) Живописецъ, часть II, листъ 20-й.

[4]) Незеленовъ, «Н. И. Новиковъ», стр. 243.

чества Божія, ученія и мнѣнія, нарушающія благоустройство въ обществѣ, ненавистныя разсужденія о правительствѣ, поносительныя и ругательныя сочиненія и друг. т. п. достойны того, чтобы ихъ сжечь» [1]). Незеленовъ прибавляетъ, что авторъ статьи, заключавшей въ себѣ это, далеко не либеральное, мнѣніе, требовалъ предварительнаго уголовнаго суда надъ нечестивыми сочинителями [2]). Но это ничего не поправляетъ. Вообще говоря, судъ, конечно, лучше административнаго усмотрѣнія. Но когда судъ постановляетъ свои приговоры на основаніи варварскихъ уголовныхъ законовъ, тогда интересы подсудимаго всетаки остаются нарушенными. Много ли утѣшительнаго для авторовъ «Système de la Nature» заключалось въ томъ, что ихъ сочиненіе сожжено было по приговору парламента, а не по приказанію того или другого администратора? Писатель, требующій сожженія книгъ непріятнаго ему направленія, во всякомъ случаѣ, выступаетъ, какъ обскурантъ.

Невѣрно и то утвержденіе Незеленова, что Новиковъ противопоставлялъ освободительной философіи XVIII в. не масонскія бредни, а философскую мысль [3]). Конечно, пока Новиковъ не сдѣлался масономъ, онъ не могъ опираться на «масонскія бредни» въ своей борьбѣ съ названной философіей. Но въ то время содержаніе его «философской мысли» сводилось къ нѣсколькимъ избитымъ фразамъ о премудрости творенія, недоступной уму «невѣрующихъ», и о безнравственности этихъ послѣднихъ. А когда онъ вступилъ въ масонскій орденъ, особенно же съ той поры, какъ превратился, подъ вліяніемъ Шварца, въ розенкрейцера, главной отличительной чертой его «философіи» стало отрицаніе важнѣйшихъ пріемовъ философскаго и научнаго мышленія.

VII.

Незеленовъ стремился доказать, будто, въ противоположность съ настоящими масонами,—т. е., точнѣе, розенкрейцерами,—Новиковъ не вѣрилъ въ «таинственныя науки». И дѣйствительно, въ его мистическихъ журналахъ встрѣчаются статьи, осмѣивающія эти науки. Однако, наличностью такихъ статей въ названныхъ журналахъ еще не доказывается правильность

---

[1]) Цитировано у Незеленова, тамъ же, стр. 400.
[2]) Тамъ же, та же страница.
[3]) «Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху», стр. 348. То же утвержденіе повторяется во многихъ мѣстахъ книги «Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ».

утвержденія Незеленова. Образъ мыслей Новикова никогда не отличался строгою послѣдовательностью. Поэтому, въ его сатирическихъ журналахъ, рядомъ съ ожесточенными нападками на освободительную философію, совершенно неожиданно встрѣчаются похвальные отзывы о наиболѣе видныхъ ея представителяхъ. И точно также, въ его мистическихъ журналахъ одновременно съ проповѣдью самаго мрачнаго кладбищенства, встрѣчаются иногда свѣтлыя мысли въ родѣ той,—отмѣченной мною выше,—что не можетъ считаться просвѣщенной страна, гдѣ просвѣщеніе ограничивается придворнымъ кругомъ или той, что деспотическое правленіе представляетъ собою серьезное препятствіе для экономическаго развитія или, наконецъ, той, что «таинственныя науки» достойны осмѣянія. Но эти исключенія ни мало не колеблютъ общаго правила и свидѣтельствуютъ только о томъ, что просвѣтительное вліяніе освободительной французской философіи отчасти распространялось даже на тѣхъ, которые находили ее крайне опасной и считали себя нравственно обязанными вести съ нею непримиримую борьбу. Подобнаго вліянія не избѣжали Лопухинъ и другіе русскіе мистики изъ среды родовитаго дворянства. Еще менѣе могли предохранить себя отъ него Новиковъ и тѣ болѣе или менѣе образованные. разночинцы, къ которымъ онъ обращался. Но не это вліяніе характеризуетъ собою міросозерцаніе Лопухина. И не оно опредѣлило собою воззрѣнія Новикова.

Что касается, въ частности, его отношенія къ «таинственнымъ наукамъ», то правильное представленіе о немъ можно составить на основаніи показаній, данныхъ имъ на допросѣ. Въ одномъ изъ нихъ онъ говорилъ:

«О дѣланіи золота, исканія камня философскаго и прочихъ химическихъ практическихъ работахъ, предписанныхъ, во взятыхъ бумагахъ, хотя и находится тамъ: но какъ изъ насъ не было никого еще, кто бы практическое откровеніе сихъ работъ зналъ, то по сему всѣ предписанія и оставались безъ всякаго исполненія. Предъ отъѣздомъ же Кутузова изъ Берлина сказано было; о чемъ въ показаніяхъ моихъ, не упомню въ которыхъ мѣстахъ, упомянуто, что Кутузовъ въ Берлинѣ будетъ наученъ и наставленъ между прочимъ и въ практическихъ химическихъ работахъ; но исполнилось ли сіе обѣщаніе или нѣтъ, не знаю, а слышалъ я отъ князя Трубецкаго, что Кутузовъ писалъ къ нему, что онъ упражнялся въ практическихъ работахъ» [1]).

---

[1]) Лонгиновъ «Новиковъ и московскіе мартинисты», прилож., стр. 105.

Выходитъ, что Новиковъ совсѣмъ не отрицалъ возможности дѣланія золота, изготовленія философскаго камня и т. д., а только не занимался работами этого рада по той, *вполнѣ достаточной*, причинѣ, что еще не получилъ необходимаго для нихъ «практическаго откровенія».

Работы, относившіяся къ вызыванію духовъ, повидимому, *всегда* осмѣивались Новиковымъ. Онъ писалъ А. А. Ржевскому: «призываніе духовъ не что иное есть, какъ мерзость Ваалова или такъ называемая како-магія, проклинаемая на (sic) многихъ мѣстахъ Св. Писанія» [1]). И, конечно, такое отношеніе къ *«како-магіи»* дѣлаетъ честь здравому смыслу Новикова. Но, во-первыхъ, отрицаніе како-магіи есть не болѣе, какъ отсутствіе вѣры въ одну изъ разновидностей магіи, а именно—въ *«дурную»* магію. Кто отвергаетъ *«дурную»* магію (како-магію), тотъ вѣритъ въ *«хорошую»*, *истинную* магію. А такой вѣры довольно для того, чтобы характеризовать міросозерцаніе человѣка въ весьма опредѣленномъ смыслѣ. Во-вторыхъ, нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ воображать, будто отличительнымъ признакомъ *«настоящаго масонства»* является вѣра въ како-магію. «Англійская система» была далека отъ такой вѣры, однако это не мѣшало ей быть *масонской системой*. Даже между розенкрейцерами возможность вызыванія духовъ не пользовалась всеобщимъ признаніемъ. Лопухинъ тоже высказывался иногда *противъ* «како-магіи». Скажемъ ли мы, что и онъ не былъ «настоящимъ масономъ»?

Въ высшей степени замѣчательно, что въ томъ самомъ письмѣ къ А. А. Ржевскому, въ которомъ Новиковъ рѣзко высказался противъ како-магіи, онъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ отзывался о розенкрейцерской мудрости, ставшей доступной московскимъ масонамъ, благодаря усердію Шварца. Онъ говорилъ, что «по незаслуженному ихъ (московскихъ масоновъ) щастію удостоились они превышающаго и самыя величайшія награжденія орденскія объятія и благословенія (?); они обоняютъ уже небесный и чистый и натуру человѣческую оживляющій запахъ ордена: позволили уже имъ утолить жажду въ познаніяхъ изъ источника Едемскаго изобильно и непристанно протекающаго отъ начала вѣковъ во всѣ четыре конца вселенной» [2]).

Такъ могъ говорить только *«настоящій* масонъ», усвоившій себѣ образъ мыслей *розенкрейцеровъ*.

---

[1]) Письмо отъ 14 февраля 1783 г. (См. Я. Л. Баркова, переписка московскихъ масоновъ, стр. 243).

[2]) Я. Л. Барковъ, тамъ же, та же стр.

Отвергая возможность вызыванія духовъ, Новиковъ, тѣмъ не менѣе, обѣими ногами стоялъ на почвѣ мистицизма. Въ какое отношеніе къ наукѣ сталъ онъ, благодаря этому, показываетъ знаменитое письмо его къ Карамзину, гдѣ онъ излагалъ свой взглядъ на задачи истинной философіи. «Философія холодная мнѣ не нравится,—говорилъ онъ тамъ,—истинная философія, кажется мнѣ, должна быть огненна, ибо небеснаго происхожденія». Такая философія ведетъ прямымъ путемъ къ познанію истиннаго Бога. Въ числѣ основныхъ вопросовъ, ею выдвигаемыхъ, заслуживаютъ вниманія слѣдующіе: «Одна ли есть натура или болѣе? Таковымъ ли видимый или чувственный міръ вышелъ изъ рукъ Божіихъ, какимъ мы его видимъ, или былъ инаковъ? Что есть небо и одно ли оно или болѣе? Впечатлѣна ли троичность Божія во всей его твари или нѣтъ, и какъ мы сіе разумѣть должны»? Не менѣе важнымъ считалъ Новиковъ также вопросъ о томъ, «почему Моисей сказалъ, что Богъ сотворилъ Адама въ мужа и жену, а извѣстно, по его же словамъ, что Адамъ уже существовалъ, когда Евы еще не было, и что Ева уже сотворена была изъ ребра Адамова, тогда когда Адаму нужно было спать?» Здѣсь Новиковъ, самъ того не подозрѣвая, подходилъ къ одному изъ интереснѣйшихъ вопросовъ, возникающихъ при изученіи миѳологіи семитическихъ народовъ. Само собою разумѣется, что онъ искалъ рѣшенія этого вопроса не въ наукѣ,—которая, нужно замѣтить, *и не могла бы рѣшить этотъ вопросъ въ то время*,—а въ мистическомъ откровеніи. На науку онъ глядѣлъ сверху внизъ, какъ смотрятъ на нее всѣ мистики, считающіе себя обладателями высшаго знанія. «Съ позволенія нашихъ почтенныхъ астрономовъ», онъ утверждалъ, что наука «бредитъ», насчитывая болѣе семи планетъ: «ни больше, ни меньше семи планетъ быть не можетъ, понеже Богъ ихъ сотворилъ только семь и наполнилъ ихъ силами, каждой приличными». Подобныя сужденія не нуждаются въ комментаріяхъ.

Огорчало Новикова и то, что «нынѣшніе *физики*», не довольствуясь четырьмя стихіями, принимаютъ гораздо большее число ихъ (т. е., точнѣе, элементовъ), а «*химики* все прежнее отбросили и надѣлили насъ какими то газами, т. е. пустыми словами, не имѣющими ни значенія, ни силы». Отказываясь исчислить всѣ «бредни» ученыхъ, Новиковъ, въ укоръ имъ, замѣчалъ: «Любезные древніе философы и патріархи не такъ разумѣли философію» [1]).

---

[1]) Не имѣя подъ руками переписки Гамалѣи, во второй части которой напечатаны письма Новикова къ Карамзину, цитирую по книгѣ А. Н. Пыпина, *Рус-*

Такіе взгляды высказывались имъ не только въ этомъ письмѣ къ Карамзину. Въ одномъ изъ писемъ къ Х. А. Чеботареву онъ очень сожалѣлъ, что нынѣшній просвѣщенный вѣкъ всѣ чудеса отметаетъ; новые философы называютъ это суевѣріемъ. «Я бы желалъ, чтобы какой грамматикъ этимологіею слова «суевѣріе» доказалъ имъ, что суевѣрные не тѣ, которые вѣруютъ чудесамъ, но тѣ, которые имъ не вѣруютъ» [1]).

Еще болѣе характерно для образа мыслей Новикова письмо его къ тому же Чеботареву и М. О. Мудрову (отъ 17 іюня 1813 г.). Изъ этого письма мы узнаемъ, что въ деревнѣ, сосѣдней съ его Тихвинскимъ, «одна молодая глупенькая баба» умерла, но черезъ сутки воскресла и разсказывала о поучительныхъ бесѣдахъ, которыя пришлось ей вести на томъ свѣтѣ. Нѣкто Свѣтлый, сидѣвшій на престолѣ, сообщилъ, что ее отпустятъ на землю, но при этомъ велѣлъ ей передать разныя наставленія людямъ.

«Скажи своей княгинѣ, — наказывалъ, между прочимъ, Свѣтлый,—что она весьма глупо здѣлала, приказавши послѣ освѣщенія новой церкви обвѣнчать нѣсколько паръ, а умершихъ въ то время младенцевъ приказала хоронить въ старой церкви; она бы гораздо лутчѣ сдѣлала, ежели бы приказала младенцевъ отпѣвать въ новой церкви, а свадьбы вѣнчать въ старой». Далѣе слѣдовало наставленіе о томъ, что нюхать табакъ и ѣсть картофель не грѣхъ, а грѣхъ ненавидѣть своего ближняго, завидовать ему, желать зла и т. д. Бѣдный Новиковъ бралъ въ серьезъ всю эту болтовню «молодой глупенькой бабы». Онъ наставительно прибавлялъ: «сіе приключеніе достойно замѣчанія».

Проф. Незеленовъ, повидимому, думалъ, что отличительнымъ признакомъ настоящаго масонства служитъ суевѣріе въ родѣ признанія возможности вызывать духовъ при помощи «како-магіи». Это смѣшно. Однако, допустимъ, что это пра-

---

ское масонство, стр. 257.—П. Н. Милюковъ, въ своихъ «Очеркахъ по исторіи русской культуры», говоритъ, что въ XVIII в. сама наука выступала на тотъ путь, который какъ будто велъ туда же, куда стремилась проникнуть и натурфилософія: «ученыя новинки, поразившія воображенія тогдашней публики, были первыя открытія химіи. Вещества повидимому простыя... оказались сложными. Явилась надежда открыть еще болѣе первичные элементы, въ которыхъ и ожидали найти начало всѣхъ началъ и ключъ къ превращенію однихъ веществъ въ другія». Эту догадку почтеннаго историка повторилъ авторъ новѣйшаго изслѣдованія о Новиковѣ, Г. К. Боголюбовъ (Н. И. Новиковъ и его время, Москва, 1916, стр. 149). Но мы видимъ, что химическія открытія XVIII в. наводили Новикова на мысли, не имѣющія никакого сходства съ тѣми, которыя подсказываютъ мистикамъ г.г. Милюковъ и Боголюбовъ. При томъ же, открыть «начало всѣхъ началъ» мистики стремились еще въ эпоху Парацельса.

[1]) Б. Л. Модзалевскій «Къ біографіи Н. И. Новикова», «Русскій библіофилъ», апрѣль, 1913 г., стр. 34.

вильно. Тогда возникаетъ вопросъ, чѣмъ же отличается отъ такого суевѣрія наивно довѣрчивое отношеніе Новикова къ бабьимъ росказнямъ?

Проф. Незеленовъ самъ видѣлъ, что есть много фактовъ, не оставляющихъ никакого сомнѣнія въ «настоящемъ масонствѣ» Новикова, но онъ утверждалъ, что всѣ они относятся къ тому времени, когда тотъ уже пересталъ издавать свои журналы.

«Новиковъ, наконецъ, сдѣлался настоящимъ масономъ,— говорится въ много разъ уже цитированной мною книгѣ А. И. Незеленова,—но онъ сдѣлался имъ уже послѣ покоющагося трудолюбца, т.-е. послѣ того, какъ вполнѣ высказалъ свою идею, дающую ему право на высокое значеніе въ исторіи нашей литературы и образованности». Затѣмъ профессоръ удивлялся тому, что «паденіе», доведшее Новикова до масонства, совершилось непосредственно вслѣдъ за прекращеніемъ послѣдняго изъ его журналовъ, съ особенной ясностью и силой выражавшаго эту идею. Но изъ собственныхъ словъ А. Незеленова видно, что дѣло происходило совсѣмъ иначе.

Процессъ, приведшій Новикова къ «паденію», пріурочивался нашимъ изслѣдователемъ къ 1784 и 1785 годамъ. «Въ эти именно годы,—говоритъ онъ,—въ душѣ знаменитаго дѣятеля сталъ совершаться переворотъ, отчасти подобный перевороту, сразившему впослѣдствіи Гоголя» [1]). Но въ эти именно годы и выходилъ «Покоющійся Трудолюбецъ». Стало быть, Новиковъ съ особенной ясностью и силой выражалъ «свою идею» *какъ разъ въ такое время, когда совершался процессъ его паденія*. Это, въ самомъ дѣлѣ, удивительно. Когда Гоголь началъ переживать «сразившій» его переворотъ, онъ сталъ малоспособнымъ къ литературной дѣятельности. Хорошо ли справился проф. Незеленовъ съ хронологіей?

Плохо! Цитированное мною выше письмо къ А. А. Ржевскому, выражающее радость Новикова по поводу того, что московскіе масоны, «по незаслуженному ихъ счастью», получили возможность, «обонять небесный и чистый и натуру человѣческую оживляющій запахъ ордена», относится къ февралю 1783 года, т. е. ко времени, предшествовавшему появленію «Покоющагося Трудолюбца». Одного этого достаточно было бы, чтобы, подобно карточному домику, разсыпалось все искусственное построеніе проф. Незеленова.

---

[1]) Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ, стр. 429—430.

VIII.

Весьма возможно, что А. Н. Пыпинъ имѣлъ въ виду это фантастическое построеніе, когда говорилъ объ отсутствіи скачковъ и переворотовъ въ ходѣ умственнаго развитія Новикова. Если это такъ, то онъ былъ правъ. *Послѣ* того, какъ прекратился выходъ «Покоющагося Трудолюбца», въ душѣ Новикова никакого переворота не происходило: онъ *оставался мистикомъ, какимъ сдѣлался прежде, чѣмъ приступить къ изданію «Утренняго Свѣта»*.

Г. Тукалевскій не повторилъ ошибки проф. Незеленова, слишкомъ плохо разбиравшагося въ хронологіи душевныхъ переживаній Новикова. Однако, онъ сдѣлалъ—другую, не менѣе, если не болѣе, важную. Онъ ошибочно истолковалъ мистическій взглядъ Новикова и неосновательно противопоставилъ его мистическому взгляду другихъ московскихъ розенкрейцеровъ. Вотъ что говоритъ онъ объ этомъ:

«Если *Царствіе Божіе внутри насъ* самихъ, то ясно, что надо строить жизнь согласно идеалу, выражающемуся въ любви къ людямъ, помощи ближнимъ и другихъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, и тогда тѣло и земная жизнь законны и необходимы» [1]).

«Если же Царствіе Божіе на небѣ, если земная жизнь лишь переходъ къ будущей, то надо всѣ свои силы и духовныя очи устремить къ небу и умирать «тѣлесной жизни». Для всѣхъ было ясно, что надо «слѣдовать Христу». Но какъ? Слѣдовать-ли Христу, помогающему и облегчающему, какъ проповѣдывать Арндтъ, или же слѣдовать Христу страдающему, къ чему звалъ Ѳома Кемпійскій» [2]).

Г. Тукалевскій думаетъ, что Шварцъ, «своимъ проникновеннымъ умомъ» (!), можетъ быть нашелъ бы для всѣхъ удовлетворительное рѣшеніе этого вопроса. Но Шварцъ умеръ, вопросъ не получилъ надлежащаго рѣшенія, и масонство раскололось: «Новиковъ пошелъ туда, куда звалъ его Арндтъ; Лопухинъ, Колокольниковъ, Невзоровъ и другіе послѣдователи за Ѳомой Кемпійскимъ, наконецъ, Трубецкой, Кутузовъ и Петровъ «ушли въ алхимію» [3]).

Тутъ передъ нами—опять совершенно искусственное построеніе.

---

[1]) Масонство въ его прошломъ и настоящемъ, т. I, стр. 219.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, стр. 220.

Конечно, въ московскомъ розенкрейцерствѣ были разные оттѣнки. Это естественно и неизбѣжно. Но это были именно только *разные оттѣнки одного и того же міросозерцанія.* Ни о какомъ расколѣ между московскими розенкрейцерами говорить не приходится. Если бы онъ существовалъ, то какъ объяснить, что Новиковъ даже не намекнулъ на него ни въ одномъ изъ своихъ писемъ? Почему о немъ ни слова не говоритъ Лопухинъ въ своихъ «Запискахъ», и совсѣмъ не упоминается въ перепискѣ московскихъ розенкрейцеровъ?

Г. Тукалевскаго ввело въ ошибку совершенно ложное пониманіе имъ внутренней логики принципа: *Царство Божіе внутри насъ.*

Въ дѣйствительности, она прямо противоположна той, которую вкладываетъ въ названный принципъ г. Тукалевскій.

Если Царство Божіе *внутри насъ*, то все *внѣшнее, т. е. также и вопросъ* о взаимныхъ отношеніяхъ людей въ обществѣ,— имѣетъ лишь ничтожное значеніе и не заслуживаетъ вниманія добродѣтельнаго человѣка. Разумѣется, надо строить жизнь согласно идеалу, но идеалъ состоитъ совсѣмъ не въ томъ, чтобы установить правильный общественный строй. Какъ отмѣчено выше, уже первый мистическій журналъ Новикова, «Утренній Свѣтъ», категорически утверждалъ, что добродѣтельный человѣкъ свободенъ и въ неволѣ.

Это не все. Если Царство Божіе внутри насъ, то главная наша работа должна заключаться въ томъ, чтобы стать въ надлежащія отношенія къ божеству. А эти отношенія лучше всего понимаются съ точки зрѣнія *вѣчности*. Точку зрѣнія вѣчности и усвоилъ себѣ Новиковъ, сдѣлавшись масономъ. А когда онъ усвоилъ ее, тогда земная жизнь,—*какъ временная*,—утратила цѣну въ его глазахъ. Вотъ почему уже въ «Утреннемъ Свѣтѣ» проводилась та «кладбищенская» идея, что смерть выше и желательнѣе жизни. Одной изъ безчисленныхъ варіяцій этой кладбищенской идеи было то, уже знакомое намъ мнѣніе Лопухина, что въ свои сношенія съ подчиненными ему людьми истинный франкъ-масонъ долженъ вносить главнымъ образомъ заботу объ ихъ будущей жизни. Съ этой стороны между Лопухинымъ и издателемъ «Утренняго Свѣта» нѣтъ ни малѣйшаго разногласія, а вѣдь эта сторона важнѣе всѣхъ прочихъ.

Если земныя отношенія людей, какъ временныя, теряютъ цѣну въ глазахъ мистика, поднявшагося на точку зрѣнія *вѣчности*, то онъ остается вполнѣ вѣрнымъ себѣ, отказываясь вкла-

дывать въ понятіе о нравственности какое-нибудь *общественное* содержаніе. Къ поступкамъ людей онъ примѣняетъ только критерій *индивидуальной нравственности*, которой онъ очень дорожитъ, такъ какъ ею опредѣляются отношенія человѣка къ божеству. Совершенно такое пониманіе нравственности встрѣчаемъ мы въ мистическихъ журналахъ Новикова. Новиковъ хочетъ улучшать людей per enumerationem simplicem. Подобно нынѣшнимъ толстовцамъ, онъ охотно распространяется о томъ, какъ будетъ хорошо, когда всѣ люди станутъ добродѣтельными. «И такъ если бы возможно было людей привести къ тому, чтобы они сперва вообще себя, какъ средоточіе всѣхъ вещей, почитали за образъ благородія и добродѣтели: тогда бъ мы каждаго особливо находили склоннымъ признавать себя за важную и достойную часть сего средоточія» [1]). Условная форма, въ которой изложена здѣсь мысль Новикова (*если бы* возможно было и т. д.) не должна вводить насъ въ заблужденіе: онъ твердо убѣжденъ въ полной возможности осуществленія своего идеала. «Самый непорядочный человѣкъ,—говоритъ онъ,—недолго будетъ противиться, если его заблужденіе станутъ ему доказывать кроткимъ образомъ» [2]).

Усовершенствованіе индивидуальной нравственности людей посредствомъ вліянія болѣе добродѣтельныхъ индивидуумовъ на менѣе добродѣтельныхъ,—такова программа дѣйствій, которую выработалъ себѣ Новиковъ, сдѣлавшись мистикомъ. Но совершенно такова же была программа всѣхъ московскихъ розенкрейцеровъ. Разница лишь въ томъ, что *Новиковъ гораздо дѣятельнѣе*, нежели другіе, осуществлялъ эту программу. Эта разница заслуживаетъ большого вниманія. Но объясняется она вовсе не расхожденіемъ въ пониманіи принципа: Царство Божіе внутри васъ. Въ дѣятельности Новикова и его ближайшихъ сподвижниковъ дала себя почувствовать молодая энергія нашего «средняго сословія», т. е. собственно разночинцевъ [3]).

---

[1]) Предувѣдомленіе къ «Утреннему Свѣту» стр. XII.

[2]) Этимъ объясняется и отрицательное отношеніе Новикова-мистика къ сатирѣ «на лица»; въ ней отсутствуетъ надлежащая «кротость».

[3]) Какъ уже сказано въ предыдущей главѣ, Шварцъ очень заботился о привлеченіи къ своимъ предпріятіямъ учащейся молодежи. Его примѣру усердно слѣдовалъ Новиковъ. Въ издававшихся имъ мистическихъ журналахъ всегда сотрудничало много студентовъ. С. Г. Сватиковъ называетъ «Покоющійся Трудолюбецъ» первымъ студенческимъ журналомъ въ Россіи, такъ какъ у него было 11 сотрудниковъ изъ числа студентовъ. Но весьма значительную часть студенчества составляли разночинцы. По мнѣнію С. Г. Сватикова, преобладаніе разночинцевъ въ русскомъ университетѣ XVIII столѣтія несомнѣнно. (См. его статьи: «Студенческая печать съ 1775 по 1915 г.», отдѣльный оттискъ, стр. 2, и «Русское студенчество прежде и теперь», отдѣльный оттискъ, стр. 3).

Это возвращаетъ насъ къ возникшему передъ нами въ концѣ предыдущей главы вопросу:

Почему мистики показали себя гораздо болѣе склонными къ работѣ въ области филантропіи и просвѣщенія (какъ они его понимали), нежели «вольтерьянцы»?

Я сказалъ, что рѣшить этотъ вопросъ поможетъ намъ изученіе дѣятельности Новикова. Теперь мы достаточно ознакомились съ нею, чтобы слѣдующимъ образомъ формулировать искомый отвѣтъ:

Если мистики больше «вольтерьянцевъ» потрудились въ указанныхъ областяхъ, то этимъ они обязаны были наличности въ ихъ средѣ «мѣщанства», самымъ дѣятельнымъ элементомъ котораго были разночинцы, а самымъ выдающимся идеологомъ явился Новиковъ.

IX.

Этотъ отвѣтъ ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ новымъ вопросомъ:

Чѣмъ же объяснить тотъ, на первый взглядъ странный, фактъ, что проповѣдь мистицизма имѣла у насъ успѣхъ не только въ извѣстномъ слоѣ консервативнаго «знатнаго боярства», но также и въ «мѣщанствѣ»?

Чтобы отвѣтить на этотъ новый вопросъ, надо вспомнить то, что мы уже знаемъ о тогдашнемъ настроеніи нашего своеобразнаго «средняго сословія».

Лица, входившія въ его составъ, чувствовали потребность въ самообразованіи и въ работѣ на пользу просвѣщенія. Эта ихъ потребность явилась плодомъ западнаго вліянія, отголоскомъ того, къ чему стремилось третье сословіе во Франціи. Но наши общественныя отношенія были еще такъ неразвиты, что плодъ оказался слишкомъ малосочнымъ, отголосокъ—до послѣдней степени слабымъ. Наше «мѣщанство» никакъ не могло усвоить себѣ идеологію третьяго сословія Франціи. Дорожа просвѣщеніемъ, оно хотѣло, чтобы просвѣщеніе было старательно очищено отъ французскаго свободомыслія. «Вольтерьянство» страшило и возмущало его, какъ единственная, извѣстная ему, форма выраженія этого свободомыслія. Недовольство «знатнымъ боярствомъ» прочно сочеталось въ душѣ русскаго «мѣщанина» со страхомъ, который внушали имъ французскіе писатели, «по фисикѣ» доказывавшіе несостоятельность ста-

рыхъ вѣрованій [1]). Это обстоятельство въ извѣстной мѣрѣ облегчало сближеніе «средняго сословія» съ мистиками, которые не менѣе сильно чуждались «злыхъ вольнодумцевъ». Но это не все

Стремившееся къ самообразованію и просвѣтительной дѣятельности «среднее сословіе» было еще слишкомъ бѣдно для того, чтобы въ своей собственной средѣ найти необходимыя для нея денежныя средства.

Намъ уже извѣстно, въ какое замѣшательство пришли книгоиздательскія дѣла Новикова весною 1772 г., когда дворъ покинулъ Москву. Онъ настоятельно просилъ Козицкаго исходатайствовать ему помощь государыни. «Безъ сея же помощи нахожусь въ крайнемъ принужденіи бросить всѣ мои дѣла неоконченными,—писалъ онъ,—что дѣлать, когда усердіе мое въ оказаніе услугъ моему отечеству согражданами моими такъ плохо пріемлется». Императрица до поры до времени поддерживала Новикова, хотя преимущественно тогда, когда онъ предпринималъ какія-нибудь *спеціальныя* изданія. Нѣтъ надобности повторять, какъ не любила она *его* сатиры. Да и не терпѣла она его предпріятій, начинавшихся по чужому почину. Дворъ Екатерины, конечно, подражалъ ей, а вдобавокъ онъ какъ разъ былъ средоточіемъ зараженнаго вольтерьянствомъ того «знатнаго боярства», на которое Новиковъ нападалъ въ своихъ изданіяхъ за его нечестивые французскіе взгляды и за его нерусскія привычки. Эти его нападки вызывали неудовольствіе въ придворномъ кругу. Ясно, стало быть, что разсчеты на поддержку двора не могли быть основательны. Надо было искать поддержки въ другой средѣ. И Новиковъ нашелъ ее въ той части «знатнаго боярства», которая, испугавшись французскаго вольнодумства, устремилась въ мистику. А. И. Тургеневъ высказалъ очень интересный взглядъ на отношеніе Новикова къ Лопухину и его товарищамъ: «Новиковъ былъ часто ихъ орудіемъ и употреблялъ ихъ, какъ орудіе» [2]).

---

[1]) По выходѣ изъ Шлиссельбурга, Новиковъ одно время надѣялся, что гр. Ростопчинъ учинится истиннымъ и великимъ орудіемъ милосердія Божія ко истинному благу нашего отечества, или, говоря проще, что этотъ «знатный бояринъ» будетъ полезенъ масонамъ. Но, когда представился случай познакомиться съ Ростопчинымъ, Новиковъ прежде всего спросилъ: «не философъ ли онъ? т. е. не вольнодумецъ-ли (это нынѣ синонимъ) и не считаетъ ли онъ наше любимое или глупостью и скудоуміемъ, или обманомъ только для глупыхъ?» (В. Боголюбовъ. «Новиковъ и его время», стр. 471) Кстати, Ростопчинъ, увѣрявшій, что считаетъ за честь для себя знакомство съ Новиковымъ, въ 1812 г. обвинялъ этого послѣдняго въ сношеніяхъ съ Наполеономъ!

[2]) См. примѣчаніе Б. Л. Модзалевскаго къ одному изъ писемъ Новикова къ М. Я. Мудрову («Къ біографіи Новикова», Русскій библіофилъ, апрѣль 1913 стр. 41). Часть этого замѣчательнаго отзыва Тургенева приведена мною выше (о «вольныхъ» типографіяхъ).

Въ виду краткости этого сужденія, трудно съ полной точностью выяснить себѣ его смыслъ. Но необходимо признать, что въ немъ много правды: *мистики изъ богатой и родовитой среды служили Новикову орудіемъ въ томъ смыслѣ, что давали средства для его широкой издательской и благотворительной дѣятельности.*

Въ 1781 г. П. А. Татищевъ явился со своимъ богатствомъ на помощь «Дружескому обществу». Вслѣдъ за нимъ значительныя суммы внесены были въ кассу «Общества» князьями Трубецкими (Ю. Н. и Н. Н.), кн. Черкасскимъ, В. Чулковымъ, И. П. Тургеневымъ и другими.

Въ 1784 г., когда члены «Дружескаго общества» основали «типографическую компанію», ея капиталъ составился изъ взносовъ: отъ бр. Лопухиныхъ—10.000 р.; отъ кн. Трубецкихъ—6.000 р.; отъ кн. Черкасскаго, отъ Тургенева, Чулкова и Ладыженскаго по 5.000 р.; отъ бар. Шредера—3.500 р.; отъ Кутузова—3.000 р. и т. д.[1]).

Во время голода 1787 г. большая денежная сумма получена была Новиковымъ отъ Походяшина, въ лицѣ котораго на помощь голодавшимъ пришло наше «среднее сословіе» въ истинномъ смыслѣ этого слова: Походяшинъ былъ сыномъ богатаго купца-заводчика.

Все это подало, впослѣдствіи, Екатеринѣ поводъ сначала подозрѣвать, а потомъ и формально обвинять Новикова въ томъ, что онъ, съ корыстной цѣлью, старался «уловлять» въ свое общество богатыхъ и вліятельныхъ людей. Читатель понимаетъ, что желаніе Новикова и его ближайшихъ единомышленниковъ привлечь къ своему дѣлу такихъ людей было, какъ небо отъ земли, далеко отъ своекорыстія, и что ученица Вольтера, какъ образцовая эгоистка, ровно ничего не поняла въ немъ. Но фактъ налицо: мистически настроенный слой «знатнаго боярства» поддержалъ Новикова своими денежными средствами.

Конечо, это было уже послѣ того, какъ самъ Новиковъ сдѣлался мистикомъ. Но и раньше этой поры необходимость заручиться матеріальной поддержкой со стороны «знатнаго боярства» должна была предрасполагать его къ сближенію съ тѣми элементами этого общественнаго слоя, которые благодаря своему благочестивому настроенію, все-таки были болѣе сим-

---

[1]) В. Боголюбовъ. Новиковъ и его время, стр. 329, 330 и 332.

патичны ему, чѣмъ не менѣе «знатные», но ужъ совсѣмъ не благочестивые «вольтерьянцы».

Конечно, *извѣстное сближеніе съ мистиками* совсѣмъ не равносильно *увлеченію мистицизмомъ*. Поэтому, только что указанныя мною обстоятельства еще не объясняютъ того факта, что наиболѣе видный, дѣятельный и самоотверженный представитель русскаго «мѣщанства» XVIII в. самъ проникся мистицизмомъ. Между тѣмъ, этотъ важный и знаменательный фактъ настоятельно требуетъ объясненія.

Надо замѣтить, что его отчасти уже объяснилъ Карамзинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Лафатеру.

Въ этомъ письмѣ, *со словъ самого Новикова*, говорится о томъ, что *внѣшнія обстоятельства* заставили бывшаго издателя лучшихъ сатирическихъ журналовъ взяться за исканіе «*иныхъ путей быть полезнымъ своему отечеству*» [1]).

Комментируя письмо Карамзина, г. Тукалевскій такъ изображаетъ пережитый Новиковымъ психологическій процессъ:

«Онъ (Новиковъ, Г. П.) понялъ, что неудача сатирическихъ его журналовъ зависѣла отъ произвола власти, что тѣ, кого онъ хотѣлъ сатирой обратить къ новой жизни, съ любопытствомъ читаютъ его листки, а исправленія нравовъ не замѣчаются. Новыя организаціи — масонскія ложи, на которыя онъ возлагалъ свои надежды, сами не знаютъ, чего онѣ хотятъ, или, лучше сказать, не знаютъ, какъ имъ достигнуть того, къ чему онѣ стремятся. И вотъ Новиковъ принимается за тяжелую, медленную, но вѣрную работу—просвѣщеніе русскаго народа черезъ книгу [2]).

Г. Тукалевскій и здѣсь ошибся. Цѣлью просвѣщенія русскаго народа черезъ книгу Новиковъ задался еще въ то время, когда былъ фурьеромъ Измайловскаго полка. Изданіе сатирическихъ журналовъ было въ его глазахъ *однимъ изъ средствъ достиженія этой цѣли*. И если запрещеніе названныхъ журналовъ могло навести его на какую-нибудь новую мысль, то таковою, очевидно, не могла быть уже давно и хорошо знакомая ему мысль о томъ, что средствомъ просвѣщенія русскаго народа должна служить книга. Что касается массонскихъ ложъ, въ одну изъ которыхъ онъ вступилъ въ 1775 году, то онѣ дѣйствительно оставляли его, въ теченіе извѣстнаго періода, неудовлетвореннымъ, однако вовсе не потому, что онѣ сами плохо сознавали, какимъ способомъ надо просвѣщать русскій

[1]) Курсивъ мой.
[2]) Тамъ же, стр. 189—190.

народъ, а потому что взгляды ихъ вообще не отличались тогда опредѣленностью. Въ добавокъ онъ подозрѣвалъ въ нихъ стремленіе къ *политикѣ*. Тогда у насъ еще преобладала шведская система масонства. Противъ этой системы предупреждалъ его пріѣхавшій въ Россію представитель берлинской Langes-loge, баронъ Рейхель. На допросѣ Новиковъ трогательно разсказывалъ, какъ онъ «со слезами» просилъ Рейхеля указать ему такой признакъ, по которому можно было бы безошибочно отличить *истинное* масонство отъ *ложнаго*. Рейхель тоже «со слезами», отвѣтилъ ему: «всякое масонство, имѣющее политическіе виды, есть ложное, и ежели ты примѣтишь хотя тѣнь политическихъ видовъ, связей и раствержиганія словъ равенства и вольности, то почитай его ложнымъ». Послѣ этого Новиковъ, по его собственнымъ словамъ, сталъ еще осторожнѣе относиться къ масонству шведской системы [1]).

Масоны этой системы отнюдь не были поклонниками равенства и вольности. Однако, они, въ самомъ дѣлѣ, не чуждались политическихъ интригъ, которыя Новиковъ, въ простотѣ души своей, смѣшивалъ съ политикой. Ни мало не расположенный къ «политикѣ» и только что собственнымъ опытомъ узнавшій, какими непреодолимыми затрудненіями усѣянъ былъ его прежній путь служенія отечеству посредствомъ хотя бы и самаго скромнаго разоблаченія царившей въ немъ общественной неправды, Новиковъ захотѣлъ принести пользу своимъ соотечественникамъ посредствомъ указанія имъ наилучшаго пути къ благочестію. Лишенный возможности отстаивать ихъ *земные* интересы, онъ нашелъ утѣшеніе въ той мысли, что интересы эти, *какъ временные*, ничтожны въ сравненіи съ вопросомъ о томъ, какъ слѣдуетъ готовить себя къ *загробной жизни*. Другими словами, онъ сдѣлался мистикомъ.

Онъ сдѣлался мистикомъ, повинуясь тому же побужденію, которое заставило молодого В. Ордина-Нащокина бѣжать заграницу, а «дукса» Хворостинина постричься въ монахи: онъ неспособенъ былъ примириться съ окружавшимъ его общественнымъ зломъ и не нашелъ на землѣ средствъ для преодолѣнія этого зла. Почувствовавъ себя лишнимъ въ земной жизни, онъ устремилъ свой взоръ на небо.

Ни Кантемиръ, ни Татищевъ, ни другіе европеизованные русскіе люди первой половины XVIII столѣтія не переживали того, что пришлось пережить В. Ордину-Нащокину, Хворости-

---

[1]) М. Лонгиновъ «Новиковъ и московскіе мартинисты», прилож., стр. 076.

нину и Новикову. Птенцы гнѣзда Петрова и дѣятели эпохи, непосредственно слѣдовавшей за Петровскимъ преобразованіемъ, вѣрили, что находившійся въ рукахъ правительства «Моисеевъ жезлъ» неограниченной власти просвѣтитъ Россію. Такой вѣры *еще не было* ни у В. Ордина-Нащокина, ни у Хворостинина, и она, какъ видно, *уже исчезла* у Новикова, который, однако, не безъ большого труда разстался съ нею и не далѣе какъ въ своемъ «Живописцѣ» пропѣлъ цѣлый панегирикъ автору комедіи «О время!»

Говоря, что Новиковъ не нашелъ на землѣ средствъ для преодолѣнія общественнаго зла, я разумѣю не только утрату имъ надежды на «Моисеевъ жезлъ», но также и разочарованіе его въ древнихъ русскихъ добродѣтеляхъ. Если бы у него сохранилась вѣра въ эти добродѣтели, то, вынужденный «независящими обстоятельствами» отказаться отъ сатиры и публицистики, онъ, пожалуй, окончательно увлекся бы идеализаціей старины и придумываніемъ такихъ средствъ, которыя позволили бы «ко просвѣщенію Россіянъ возвратить и прежнія ихъ нравы» [1]). Конечно, всѣ подобныя средства имѣли бы совершенно утопическій характеръ, но они продолжали бы привлекать его вниманіе къ условіямъ *земной* жизни его соотечественниковъ и, можетъ быть, предохранили бы его отъ того шага, который проф. Незеленовъ справедливо назвалъ его *паденіемъ*. Но послѣ напечатанія неоконченнаго разговора нѣмца съ французомъ, Новиковымъ овладѣли непреодолимыя сомнѣнія въ старыхъ русскихъ добродѣтеляхъ. Поэтому, послѣ прекращенія «Кошелька», ему уже не за что было ухватиться, и онъ *«палъ»*, уйдя въ мистику.

Проф. Незеленовъ довольно удачно сравнилъ паденіе Новикова съ переворотомъ, «сразившимъ» впослѣдствіи Гоголя. Гоголь тоже палъ. Но когда совершилось его паденіе, передовые читатели его произведеній отказались слѣдовать за нимъ, и чувства, ими овладѣвшія, нашли блестящее выраженіе въ знаменитомъ письмѣ Бѣлинскаго къ автору «Переписки съ друзьями». Не то произошло при паденіи Новикова. На сколько мы знаемъ, оно не вызвало непріятнаго изумленія въ средѣ «мѣщанъ», еще такъ недавно съ удовольствіемъ читавшихъ Новиковскіе сатирическіе журналы. Напротивъ, большинство ихъ довѣрчиво пошло за своимъ вожакомъ по избранному имъ новому пути. Учащаяся молодежь принялась усердно работать

[1]) «Кошелекъ», листъ 3-й, продолженіе разговора между добрымъ нѣмцемъ и злымъ французомъ.

въ его новыхъ,—*мистическихъ,*—изданіяхъ, а «мѣщане» болѣе зрѣлаго возраста стали читать выходившія изъ его типографій душеспасительныя сочиненія.

Это была цѣлая трагедія. Найдя нравственное успокоеніе въ мистикѣ, Новиковъ *вложилъ всю свою рѣдкую энергію* въ проповѣдь «философіи», ставившей смерть выше жизни и тѣмъ самымъ отрицавшей значеніе всякой *энергичной дѣятельности* на землѣ. Этотъ самоотверженный человѣкъ, выступившій на Руси идеологомъ разночинцевъ, которые, при всемъ своемъ тогдашнемъ консерватизмѣ, не могли быть довольны своимъ положеніемъ, сталъ распространять взгляды, въ корнѣ подрывавшіе всякій интересъ къ вопросамъ общественнаго устройства. О тогдашней «просвѣтительной» дѣятельности Новикова приходится сказать словами Гейне:

Er sang das alte Enstagungslied,
Das Eiapoppeia vom Limmel,
Womit einlüllt man, wenn es greint.
Das Volk, den grossen Sümmel...

Онъ громко и восторженно пѣлъ замогильную пѣсню, а болѣе или менѣе образованные разночинцы съ удовольствіемъ слушали ее и дружнымъ хоромъ подхватывали ея кладбищенскій припѣвъ. Трагедія, которую мы видимъ здѣсь, была трагедіей не отдѣльныхъ лицъ, а *цѣлаго общественнаго слоя.* Настроеніе, овладѣвшее Новиковымъ, оказалось соотвѣтствующимъ настроенію весьма значительной части европеизованнаго «мѣщанства». Выступленіе нашего разночинца на арену общественной дѣятельности совершалось теперь подъ знаменемъ духовной реакціи противъ передовыхъ идей XVIII столѣтія. Вино новое влилось въ мѣха старые.

Это замѣчательно уже само по себѣ. Но еще замѣчательнѣе становится это въ виду того, что наша тогдашняя власть не могла помириться даже и съ такимъ выступленіемъ «средняго сословія». Московскіе розенкрейцеры подверглись преслѣдованію. Ученица Вольтера никогда не прощала своимъ подданнымъ самостоятельнаго почина, въ какомъ бы видѣ онъ ни проявлялся. А тутъ было еще одно обстоятельство, возбудившее въ ней большія опасенія.

Согласно закону, изданному Петромъ I, русскій монархъ могъ по собственному усмотрѣнію назначать себѣ наслѣдника. Но русскіе обыватели второй половины XVIII в. плохо пони-

мали «правду воли монаршей» и довольно сильно склонялись къ тому убѣжденію, что право на русскій престолъ принадлежало не Екатеринѣ, а сыну императора Петра III—Павлу. Екатерина знала это и съ крайней подозрительностью относилась къ своему сыну. Однажды, во время пребыванія великаго князя Павла Петровича въ Парижѣ,—куда онъ пріѣхалъ, какъ извѣстно, въ маѣ 1782 г. подъ именемъ графа Сѣвернаго,— у него зашелъ разговоръ съ Людовикомъ XVI, спросившимъ его, между прочимъ, правда-ли, что въ его свитѣ нѣтъ ни одного лица, на которое онъ могъ бы положиться. Павелъ съ живостью отвѣчалъ: [1]) «Ah bien, je serais bien faché qu'il y eût auprès de moi le moindre caniche fidèle à ma personne dans ma suite; ma mère l'aurait fait jeter à l'eau avant que nous ayons quitté Paris» [2]).

Это даетъ понятіе объ отношеніяхъ, установившихся между матерью и сыномъ. Теперь вообразите, что преданностью къ великому князю отличается не «собачка», а цѣлая организація, обладающая денежными средствами и связями въ обществѣ. Ясно, что Екатерина непремѣнно должна была «утопить» ее. Но такой организаціей и явилось общество московскихъ розенкрейцеровъ.

Г. Шумигорскій не сомнѣвается въ томъ, что тогдашній наслѣдникъ русскаго престола былъ посвященъ въ масонскія тайны кн. А. Б. Куракинымъ и, подъ его вліяніемъ, сдѣлался вольнымъ каменщикомъ. Помощникомъ Куракина въ этомъ дѣлѣ названный изслѣдователь считаетъ С. И. Плещеева. По другимъ извѣстіямъ, Павелъ принятъ былъ въ масоны И. П. Елагинымъ [3]). Какъ бы тамъ ни было, въ самомъ дѣлѣ неоспоримо, что великій князь интересовался масонами, а масоны видѣли большую выгоду въ привлеченіи его на свою сторону. Московскіе розенкрейцеры, подобно петербургскимъ масонамъ, тоже старались войти въ сношенія съ великимъ княземъ, и это имъ удалось. Старательно избѣгая *«политики»*, они, какъ видимъ, не избѣгли извѣстной доли *политиканства*. Разумѣется, полиція Екатерины II внимательно слѣдила за русскими масонами вообще и за московскими—въ частности: намъ уже извѣстно, что переписка ихъ подверглась «перлю-

---

[1]) Было бы для меня очень печально, еслибы въ моей свитѣ оказалась хотя самая маленькая вѣрная мнѣ собачка: мать моя приняла бы мѣры, чтобы бросить ее въ воду до моего отъѣзда изъ Парижа.

[2]) Кобеко, «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», стр. 237.

[3]) Е. С. Шумигорскій: «Императоръ Павелъ I и масонство». Масонство въ его прошломъ и настоящемъ, т. II, стр. 139—142.

страціи». Весь вопросъ въ томъ, что же собственно открыла полиція, и было ли что-нибудь преступное, даже съ точки зрѣнія нашихъ тогдашнихъ законовъ, въ сношеніяхъ розенкрейцеровъ съ Павломъ. Г. Шумигорскій приводитъ слѣдующую пѣсню, написанную, по его предположенію, Лопухинымъ и напечатанную въ I-ой части перваго тома «Магазина свободнокаменщическаго» за 1784 г.

Залогъ любви небесной
Въ тебѣ мы, Павелъ, зримъ;
Въ четѣ твоей прелестной
Зракъ ангела мы чтимъ.
Украшенный вѣнцомъ,
Ты будешь намъ отцомъ!
Судьба благоволила
Петровъ возвысить домъ
И насъ всѣхъ одарила,
Даря тебя плодомъ.
Украшенный вѣнцомъ,
Ты будешь намъ отцомъ!
Съ тобой да воцарятся
Блаженство, правда, миръ!
Безъ страха да явятся
Предъ трономъ нищъ и сиръ.
Украшенный вѣнцомъ,
Ты будешь намъ отцомъ!
Уже ты видишь ясно
Врата безсмертныхъ въ храмъ,
Къ которому опасно
Ступаютъ по трудамъ.
Тебѣ, Минерва мать,
Ты можешь путь скончать!
Петрова кровь безцѣнна,
Богини русской сынъ,—
О, отрасль вожделѣнна,
Теки, какъ исполинъ.
Блаженства вѣчный свѣтъ
Куда тебя ведетъ.

Г. Шумигорскому слышатся въ этой пѣснѣ какія-то опасные намеки. Онъ говоритъ: Екатеринѣ не нужно было читать въ сердцахъ, чтобы оцѣнить смыслъ стихотворенія, постояннымъ припѣвомъ котораго было: «Украшенный вѣнцомъ, ты

будешь намъ отцомъ» [1]). Но странно было бы ставить вѣрноподданнымъ въ вину надежду на то, что наслѣдникъ престола сдѣлается ихъ отцомъ, когда ходъ судебъ украситъ его короной. Нужно было именно *читать въ сердцахъ*, чтобы въ печатномъ выраженіи такой надежды открыть желаніе дѣятельно вмѣшаться въ естественный ходъ судебъ для приближенія того времени, когда наслѣдникъ престола превратится въ императора. Вѣроятно, Екатерина подозрѣвала московскихъ розенкрейцеровъ въ готовности поддержать Павла, если бы тотъ попытался отнять у нея власть. Послѣ многолѣтняго слѣженія за ними и разнаго рода придирокъ ученица Вольтера нашла нужнымъ «уничтожить это почтенное общество, изъ котораго, окромѣ книгъ несходныхъ съ православіемъ, не выходило» (ея собственныя слова). Тринадцатаго апрѣля 1792 г. она подписала указъ объ арестѣ Новикова.

Слѣдствіе по этому дѣлу велось, разумѣется, въ полномъ противорѣчіи съ правовыми принципами тѣхъ передовыхъ писателей, которыхъ нѣкогда обирала Екатерина при сочиненіи своего Наказа. Интересы обвиняемыхъ систематически нарушались слѣдователями. И все-таки властямъ не удалось открыть въ дѣйствіяхъ московскихъ розенкрейцеровъ что-нибудь преступное [2]). Преданіе ихъ уголовному суду оказалось неудобнымъ. А такъ какъ государыня во что бы то ни стало хотѣла покончить съ Новиковымъ, котораго она считала умнымъ и потому опаснымъ фанатикомъ, то пришлось прибѣгнуть къ «Моисееву жезлу». По распоряженію Екатерины, Новиковъ былъ заключенъ въ Шлиссельбургъ на 15 лѣтъ (что сказалъ бы о такомъ распоряженіи Беккарія?!). На его имущество наложенъ былъ арестъ; всѣ изданныя «Типографической Компаніей» книги—захвачены. «Разборъ имъ продолжался нѣсколько лѣтъ,—говоритъ Лопухинъ, привлекавшійся къ тому же дѣлу.—Множество сожжено и все почти исчезло. Многимъ участвовавшимъ въ прежде бывшей «Типографической Компаніи нанесло оное крайніе убытки—и мнѣ особливо» [3]).

Распространяться о томъ, какъ сильно нарушались всѣмъ этимъ самыя элементарныя требованія правосудія, совершенно излишне. Не мѣшаетъ замѣтить, однако, вотъ что. Жалующійся на разореніе Лопухинъ все-таки отдѣлался *сравнительно*

---

[1]) Тамъ же, стр. 145.

[2]) Объ этомъ см. у г. Боголюбова, назв. соч. стр. 432 и слѣд.

[3]) Записки, стр. 63.—Изъ книгъ, захваченныхъ у Новикова,—1.964 отдано было въ духовную академію, 5.194 въ университетъ и 18.656 сожжено!

дешево. Онъ не только не былъ заключенъ въ тюрьму, но его даже не выслали изъ Москвы: ему позволено было остаться тамъ въ виду болѣзни его престарѣлаго отца.

Другіе, какъ выражалась Екатерина, сообщники подверглись не одинаковымъ наказаніямъ. Князь Трубецкой и И. П. Тургеневъ сосланы были на житье въ свои деревни. Кн. Енгалычевъ, В. В. Чулковъ, О. Я. Поздѣевъ, Херасковъ и многіе другіе вовсе не пострадали, если не считать пережитаго ими волненія [1]). Походяшина совсѣмъ не тронули. Зато много вынесли Колокольниковъ и Невзоровъ, арестованные въ Ригѣ, при возвращеніи своемъ изъ-за границы [2]). Колокольниковъ скоро умеръ подъ арестомъ, а Невзоровъ долго страдалъ психическимъ разстройствомъ. Сохранилось прошеніе его о томъ, чтобы его перевели въ другую комнату, такъ какъ подъ его тюремной кельей сохранялось,—писалъ онъ,—«множество горючихъ матеріаловъ, да думаю, что тутъ много и мертвыхъ» [3]). Это явный бредъ. Очевидно, къ Невзорову вернулась болѣзнь, которой онъ страдалъ когда-то за-границей. Неизвѣстно, скоро-ли перестала Тайная Экспедиція мучить больного арестанта, и скоро-ли былъ онъ отправленъ въ больницу, но на волю выпустили его только въ апрѣлѣ 1798 года [4]).

Г. Боголюбовъ считаетъ, что продолжительное заключеніе Невзорова въ домѣ умалишенныхъ совсѣмъ не было наказаніемъ [5]). Пусть такъ. Но спрашивается, не содѣйствовало-ли заболѣванію Невзорова слѣдствіе, въ продолженіе котораго Шешковскій грозилъ бить его «четвернымъ полѣномъ»? А если-да, то вѣдь это, пожалуй, хуже наказанія.

Происходя изъ духовнаго званія, Невзоровъ до отъѣзда своего за границу, учился въ университетѣ, какъ стипендіатъ «Дружескаго Общества» [6]). Онъ былъ типичнымъ разночинцемъ *школы Новикова—мистика.* При совершенно реакціонномъ характерѣ его взглядовъ, въ немъ не угасло стремленіе «просвѣщать» своихъ ближнихъ. Съ этой цѣлью онъ впослѣдствіи практиковалъ даже своего рода *«хожденіе въ народъ»*.

---

[1]) М. Логиновъ, Новиковъ и московскіе мартинисты, стр. 353, 354.

[2]) Вина ихъ состояла въ томъ, что они учились за границей медицинѣ на счетъ Лопухина.

[3]) «Новые документы по дѣлу Новикова» (сообщ. А. Н. Попова во II томѣ сборника И. р. И. общества, стр. 105).

[4]) Н. К. Кульманъ «Михаилъ Ивановичъ Невзоровъ» (Масонство въ его прошломъ и настоящемъ, т. II. стр. 211).

[5]) Назв. соч., стр 444.

[6]) По-видимому, онъ явился *первымъ* стипендіатомъ названнаго общества. См. В. Боголюбова, назв. соч., стр. 329 и Н. Кульмана, назв. статья (Масонство и т. д., томъ II, стр. 205).

Часто видали его на площадяхъ, среди густой толпы, въ горячемъ и оживленномъ разговорѣ,—сообщаетъ Безсоновъ [1]).

Докторъ Багрянскій попалъ въ Шлиссельбургъ вмѣстѣ съ Новиковымъ. Большинство изслѣдователей утверждаетъ, вслѣдъ за Лонгиновымъ, что Багрянскій заключенъ былъ туда по его собственной просьбѣ, вызванной желаніемъ ухаживать за Новиковымъ. Но проф. Незеленовъ цитируетъ донесеніе чиновника Тайной Экспедиціи Макарова, который былъ, въ 1794 г., командированъ въ Шлиссельбургъ «для обозрѣнія секретныхъ арестантовъ и ихъ содержанія». Въ его донесеніи сказано, что Багрянскій содержался въ тюрьмѣ «за переводъ развращенныхъ книгъ» [2]). Мы не имѣемъ основанія игнорировать это извѣстіе.

Съ разночинцами расправились болѣе сурово, нежели со «знатными боярами» [3]). Это ни мало не противорѣчитъ внутренней логикѣ тогдашняго положенія: разночинцевъ и въ школѣ сѣкли «снемъ штаны», между тѣмъ какъ господскія дѣти, подвергаясь сѣченію, оставались одѣтыми.

Вмѣстѣ съ Новиковымъ содержался въ тюрьмѣ и его крѣпостной человѣкъ.—«За что неизвѣстно», замѣчаетъ объ этомъ, въ своемъ донесеніи, Макаровъ. Но совершенно ясно, что онъ сидѣлъ именно «за то», что находился въ *крѣпостной* зависимости; крѣпостной человѣкъ былъ не болѣе, какъ *говорящей вещью*, которая должна была слѣдовать за своимъ *собственникомъ*.

Новиковъ подалъ Екатеринѣ прошеніе о помилованіи. Съ нынѣшней нашей точки зрѣнія лучше было бы, если бы онъ этого не дѣлалъ. Въ поведеніи А. Н. Радищева, а потомъ и декабристовъ, мы тоже встрѣтимъ извѣстныя черты, по теперешнимъ нашимъ понятіямъ, достойныя сожалѣнія. Но чтобы правильно судить о тогдашнихъ явленіяхъ, необходимо принимать во вниманіе *психологію тѣхъ эпохъ, къ которымъ они относятся.*

Въ Шлиссельбургѣ Багрянскій, Новиковъ и его «человѣкъ» просидѣли вплоть до восшествія на престолъ Павла, т. е. четыре года. Багрянскому позволялось брить бороду и выходить на прогулку; Новиковъ этими привилегіями не пользовался.

---

[1]) Назв. статья, Русская бесѣда 1856 г., т. III, стр. 126.—Невзоровъ умеръ въ октябрѣ 1827 г.—Указанное хожденіе его въ народъ относится къ послѣднимъ годамъ его жизни.

[2]) Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху, стр. 382.

[3]) Разночинецъ Гамалѣя отдѣлался простымъ полицейскимъ допросомъ. Но слишкомъ ужъ била въ глаза полная безвредность этого божьяго человѣка.

Выходилъ-ли на свѣжій воздухъ «неизвѣстно за что попавшій» въ казематъ «человѣкъ», остается невыясненнымъ...

Мы видѣли, что Новиковъ до самой смерти своей (31 іюля 1818 г.) остался глубоко убѣжденнымъ розенкрейцеромъ. Но и Шлиссельбургъ не убилъ въ немъ склонности къ «просвѣтительной» и благотворительной дѣятельности. Вмѣстѣ со своимъ другомъ Гамалѣей онъ усердно готовилъ матеріалъ для огромнаго труда: *«Библіотека, содержащая въ себѣ нѣкоторыя герметическія, каббалистическія, магическія и иныя книги; также писаніе Брр. З. Р. К.* [1] *истинныхъ свободнх. кмнщкв. древнія системы. На россійск. яз. составл. и собран. изъ раз. переводовъ для пользы тѣхъ, кои пожелаютъ упражняться въ познаніи Бога, натуры и себя, и для показанія имъ между многими ложными одного истиннаго къ тому пути»* (sic) [2].

Въ 1812 г. невдалекѣ отъ его имѣнія стали показываться французскіе отряды. Новиковъ спокойно оставался дома. А когда началось отступленіе Наполеона, онъ всячески старался придти на помощь къ отсталымъ солдатамъ непріятельской арміи, чѣмъ навлекъ на себя новыя подозрѣнія власти [3]). Время не уничтожило благородныхъ порывовъ въ душѣ этого замѣчательнаго человѣка. Грустно становится при воспоминаніи о перенесенныхъ имъ страданіяхъ и о тѣхъ, до послѣдней степени, неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ совершалось его умственное развитіе, и которыя привели его въ тупой переулокъ каббалистики, магіи и прочихъ «знаній». По истинѣ, Новиковъ заслуживалъ гораздо лучшей участи.

---

[1]) Т. е. братъ въ злато-розоваго креста.
[2]) Боголюбовъ, стр. 4?7.
[3]) В. Боголюбовъ, тамъ же, стр. 477.

Издания „Петросоюза“.

Книги организационного характера.

1. **Организация управления.** Сборник статей, посвященных вопросу организации органов упр. потр. о-в и их союзов, под ред. М. Л. Хейсина. Содержание: М. К. От примитивной демократии к демократическому централизму. В. Левицкий. Строительство германской потребительской кооперации. Организация английских потребительских обществ и их союзов. Проф. Гебгарт Организация управления финляндской потреб. коопер. (сокращ. перев.) М. Л. Хейсин. Строительство кооперации в России. Как строить управление о-вом и союзом. Приложения. Ц. 2 р. 80 к.
2. **Рабочий вопрос в кооперации.** Сборник статей под ред. М. Хейсина *Содержание*: Ч. I. Н. Назарьев. Положение рабочих и служащих в кооперации. Д. Кольцов. Рабочий вопрос в кооперации у нас и в Зап. Европе. М. Хейсин. Приглашение служащих и коллективный договор. Материальная ответственность служащих при колл. договоре. П. Колокольников Профессиональная организация служащих в кооперации. М. М—н. Коллективы служащих. М. Х. Литература по рабочему вопросу в кооперации. Ч. II. 29 приложений (инструкции, уставы, колл. договор и пр.). Цена 5 руб.
3. **В помощь работникам в потребительных обществах.** Сборник инструкций, уставов, правил и пр. под ред. М. Хейсина. Ц. 4 руб.
4. **Инструкция** для ревизионнного органа потреб. о-в. 16 стр. Ц. 60 к.
5. **Петроградский Союз Рабочих Потребительных Обществ.** История и организация (96 стр.). Цена 4 р.
6. **Ч. Можжевелов.** О калькуляции товаров потребительных обществ

Книги по культурно-просветительной деятельности кооперативов.

7. Г. Тумим, Н. Альмедииген и Е. Иорданская **„Просветительная работа“** с прил. ст. о культурно-просв. деятельности кооперативов. *Содержание*: Ч. I. Практика внешкольного образования (библиотеки, читальни, музеи, выставки, народный дом, нар. университет, чайные клубы, сетлементы, курсы, детские площадки, ясли и пр. и пр. Учреждения и мероприятия для подготовки деятелей по внешк. обр. Организация учреждений и др. Ч. II. Общие вопросы внешкольного образ. Ч. III. Просветител. деят. кооперативов. В книге много таблиц-схем, уставов, правил, инструкций и пр. Подробный указатель литературы. (печатается).

Прочие книги.

8. **М. Л. Хейсин.** „Потребительская кооперация в Германии, Австрии и Италии“. Цена 2 руб. 80 коп.
9. **Д. Эльм.** Какую ценную работу производит кооператив? Ц. 30 к.
10. **Альбом рабочей кооперации.** Историческое описание и совр. положение в рис., диаграммах, картограммах. С текстом. Цена 10 руб.
11. **Н. В. Васильев.** „Эпос познания“. Книга 1-я: Вселенная, земля, „живое“ на земле. Цена 5 руб.

Типогр. Петрогр. Центрального Рабочего Кооператива. Советский, 2.